

ЕЛИЗАВЕТА СОБОЛЯНСКАЯ

СТРАХ

Annotation

Страж и его Роза встречаются сквозь время и пространство. Он должен хранить ее, она – дарить ему любовь. Но так ли просто сделать это в мире живущих? На что придется пойти мальчику с деревянным мечом, чтобы спасти девочку в пятнах от ежевики? История любви, встреч и расставаний.

- [Страж](#)
 - [Елизавета Соболянская. Страж](#)
 - [Пролог](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
 - [Глава 31](#)
 - [Глава 32](#)
 - [Глава 33](#)
 - [Глава 34](#)
 - [Эпилог](#)
 - [Примечания](#)
-

Страж

Елизавета Соболянская. Страж

Елизавета Соболянская

* * *

Пролог

Предсказание

Замковый двор был полон людей. Слуги бегали с подносами, кувшинами и корзинами. Стражники переминались в новеньких коттах, сплевывали и болтали. Юные оруженосцы затеяли схватку на учебных мечях, втайне надеясь, что их заметит прекрасная леди Элинор, или хотя бы один из рыцарей решит, что ему нужен помощник на турнирном поле. Да-да, граф Диренчи дает турнир, на котором объявит о помолвке своей младшей дочери с победителем турнира!

Событие весьма громкое для провинциальных земель. Так что в замок спешат рыцари и оруженосцы, прекрасные дамы и менестрели, а также пройдохи и мошенники всех мастей. Дилан еще юн, но граф уже намекнул ему, что из него выйдет неплохой мечник, надо только найти себе наставника, а лучше рыцаря. Конечно, графу служить почетнее, но у старика два десятка оруженосцев, и далеко не всех он помнит по именам.

Пока мальчишка яростно стучал деревянным мечом по мечу соперника, во дворе появилась старушонка в яркой юбке. Простая полотняная блуза, корсаж и платок не привлекали внимания, а вот звенящие на ее руках браслеты с колокольчиками заставили напрячься даже бывалых воинов.

– Ведунья, ведунья, – шелестом пронеслось над толпой.

Между тем мальчишки так разгорячились, что уже ничего не видели вокруг и на шепот не обратили никакого внимания. Рейг крутанулся, выбивая у Дилана меч, а потом больно стукнул соперника по пальцам и засмеялся, уперев руки в бока:

– Что, недоносок, продул?

Кровь бросилась мальчишке в лицо. Он был мелковат для своего возраста. Матушка, утешая, нередко говорила ему, что он слишком торопливый, вот и родился на пару месяцев раньше срока. Мальчишки же в замке быстро вытянули из наивного новичка подробности его жизни и порой дразнили.

– Не кипятись, Страж, – сухая старческая ладонь легла Дилану на плечо.

Он развернулся, с недоумением уставился на старуху.

– Простите, почтенная, как вы меня назвали?

– Страж, – ведунья неожиданно белозубо улыбнулась и сверкнула яркими, совсем не стариковскими глазами. – Вот видишь ту девочку? Что ты о ней знаешь?

Мальчишка бросил взгляд на девочку лет четырех, топающую вокруг корзин с бельем.

– Роза? Дочь прачки Марты? Говорят, Марта была горничной и провела ночь со знатным гостем. Когда забеременела, хозяйка выслала ее в прачечную, там она теперь и служит.

– Верно, – довольно покивала головой старуха, – вот эту самую Розу ты и будешь охранять, Страж, потому что только она сделает тебя счастливой!

С этими словами ведунья как-то незаметно исчезла из двора, и все тотчас отвернулись от Дилана, делая вид, что никого постороннего в замке и не было.

Глава 1

Перемены

С того дня жизнь мальчишки изменилась. Он сам не понимал, как это происходит, но волею Небес он ежедневно натывался на Розу, и каждый раз малявка собиралась сотворить нечто смертоубийственное. Чан с кипятком. Стопка копий. Старая яблоня в графском саду... Он ловил за юбку, вытаскивал за руки, а то и за ноги, прикрывал собой – и как-то раз получил серьезный шрам, вырывая девчонку из пасти яростного полудикого пса.

Первым эту странность заметил наставник. Старый мастер меча никогда не дожил бы до своих лет, если бы не умел видеть, все, что творится вокруг. Порой молодые оруженосцы шутили, что у старого Брана глаза на затылке, особенно если мастер ловил их в ночи у ворот с веселой девицей или кувшином вина. Однако к Дилану мастер меча присматривался молча. Пару дней уматывал парня в круге, а потом спросил, когда ученик прибежал на тренировку:

- Розу видел сегодня?
- Розу? – мальчишка хлопнул глазами, недоумевающая.
- Дочку прачки, мелкую такую.
- Нет, – ответил парнишка.
- Иди, найди, посмотри, что делает, и возвращайся.

Другие будущие оруженосцы зафыркали, собираясь отпустить парочку соленых шуточек, но мастер прикрикнул на них и еще раз мотнул головой Дилану – беги, мол. Парнишка, скрывая недоумение выбежал из оружейного двора и остановился, пытаясь решить – где искать мелкую? Прачки стирают на заднем дворе, там, где грязную воду легче спустить в ров. Но Роза не любит запах щелока, мыла и сырость. Девчонка ведет себя точно дочка владельца замка – любит сидеть на солнышке, любясь цветами, петь и танцевать. Куда она отправилась сегодня?

Дилан задумался, и его внезапно потянуло влево. Хм, скотный двор? Дети слуг любили возиться с цыплятами и поросятами, а уж

Роза, обожающая всякую живность, наверняка не пропустит утреннюю дойку и сбор яиц!

Заглянув по очереди в курятник, свинарник и в стойла, парень заглянул в конюшню и замер, боясь дышать. Малявка стояла на широкой перегородке денника и кривила чумазое личико – ее юбку держал зубами Удар – конь самого графа! Боевой конь! Приученный топтать врагов копытами и рвать зубами! Через миг сердце Дилана дрогнуло и застучало быстрее – он понял, что конь не сдерживает наглую мелочь в стойло, чтобы затоптать, а держит, не давая упасть с приличной высоты. Как она туда вообще забралась? На два своих роста?

– Роза! – тихонько окликнул ее парень. – Я помогу!

Девчонка скулсила сильнее, но потерла кулаком нос и удержала слезы. Мальчишка медленно подошел ближе, чтобы не испугать коня, и протянул руки:

– Держись!

Теплые ручонки сначала ухватили его за рукава, а потом, когда конь отпустил подол – за шею. Поглаживая трясущуюся от слез мелочь, Дилан склонил голову:

– Спасибо, Удар! Прими в благодарность! – и вынул из поясной сумки кусок хлеба с солью – свой собственный завтрак.

Конь, кося темным глазом, шумно выдохнул и моментально слизал угощение. С девчонкой, повисшей на шее, Дилан вышел из конюшни, и только тогда его начала сотрясать мелкая дрожь. Боевой конь – не зайчик на лужайке. Его денник специально укрепляли железом, потому что была у чуткого и нервного зверя привычка бить копытом в стену, разбивая в щепу тонкие доски. Еду принимал только из рук хозяина или старшего конюха. Кусал любого постороннего, протянувшего руку погладить храп. Мог и малышку затоптать насмерть, и самого Дилана покалечить, но... не стал.

На дрожащих ногах парень вышел на солнечный свет. Судорожно всхлипнул, но орать на висящую на нем девчонку не стал. Придумал наказание получше – отнес ее, чумазую, в драной юбке, в прачечную к матери. Вот уж там она выхватила мокрым полотенцем по вертлявой попе! Но молчала, насупясь, только язык ему ехидно показала, когда Дилан убежал прочь.

Мастер, наблюдающий за мальчишками, лихо стучащими деревянными мечами, заметил появление парня и жестом подозвал ближе. Оценил и взъерошенный вид, и пустую сумку, и даже следы пыли и слез на лице и шее.

– Нашел?

– Нашел! – Дилану не хотелось объяснять, где нашел и как. Да и зачем? Что за дело старому мечнику до дочки служанки?

– Завтра, прежде чем сюда прийти, найди Розу, – степенно сказал мастер, – понял?

– Понял!

– А теперь бери меч и вставай в строй! Сегодня ты с Литтом фехтуешь!

Парнишка подхватил ту деревяшку, что осталась валяться на дне «учебного» сундука, и встал напротив такого же крепкого мальчишки. Учеба началась.

* * *

Заноза

Весь следующий год Дилан появлялся на тренировке, только отыскав прежде Розу. Глазастые прачки уже посмеиваться начали, дразнили женихом и невестой, но юный ученик мечника внимания на подколки не обращал. Он просто находил малявку и, сцепив зубы, решал очередную смертоубийственную проблему. Разбитая миска с медом, рваная рана от ржавого гвоздя, кровь из носа, ядовитая змея в трех шагах от босых ног... За год он научился вытряхивать из девчонки все ее тайны и замечать спрятанные в складках юбки ободранные руки, спрятанного в кармашек передника ужа или дыру в подметке деревянного башмака.

Иногда он не выдерживал – орал на нее, кляня за глупость и шустрость, а она сжималась от его воплей, утыкалась лицом в передник и тихо плакала, стараясь не всхлипывать, чтобы не разозлить его еще больше. На четвертый раз Дилан заткнулся, едва открыл рот. Просто понял, что не сможет потом смотреть в эти доверчивые голубые глаза. Тяжело вздохнув, парень подхватил малявку на руки, а

она доверчиво обвила руками его шею и чмокнула в щеку липкими от ягод губами:

– Ди-и-и! – протянула она, как всегда, в минуты волнения теряя половину звуков. – Я нашла дом!

– Тебя все прачки ищут! Мать думала, ты в реку свалилась!

Роза виновато сопела ему в ухо. Парень еще раз тяжело вздохнул, подкинул девчонку на руках, устраивая удобнее, и понес к замку. На этот раз на поиски Розы его отправил сам мажордом. В замке был ежемесячный «чистый» день. Стражники и слуги мели казармы, вытряхивали матрасы, чистили форму и сами посещали купальню.

Прачки же собрали все белье, выварили его в большом чане и гурьбой двинулись на реку – полоскать. С ними потянулись молодые служанки, следом – дети, и Роза потерялась в шумной гомонящей толпе. Точнее – малышка заметила в стороне заросли ежевики и отправилась лакомиться ягодами. Закончив работу, женщины поставили корзины с чистым бельем на телегу и медленно вернулись в замок, уже там обнаружив пропажу Розы. Марта схватилась за голову и кинулась проверять корзины – может, уснула под кипами белья? Другие женщины пытались ее успокоить, но сами тревожно обшаривали углы прачечной и просторного заднего двора. На шум и суету пришла экономка, а следом за ней – мажордом. Сэр Кломбур был почтенным рыцарем, получившим это назначение в замке графа после ранения в бою, поэтому быстро добился нужных ответов от стайки кудахтающих баб. А когда узнал, кого потеряли, изрек:

– Дилана найдите. Пусть он к реке сходит и девочку поищет.

Даже рыдающая Марта прекратила заламывать руки и огляделась, словно не понимая – как она могла забыть мальчишку, который почти ежедневно приводит ей дочь? Шустрый мальчишка нашел Дилана в казарме и передал приказ явиться к сэру Кломбуру. Отложив пряжку, натертую мелом, ученик мечника спросил разрешения у старшего, пригладил мокрые после купания волосы и почти бегом кинулся за посыльным. А потом спустился к реке, покрутился на вытопанной траве, там, где стояли телеги с бельем, потом присел, вспомнив рост девочки, и огляделся.

Здесь скучно. Женщины стирали и болтали, подоткнув полотняные летние юбки. Возчики курили трубки и любовались женщинами. Дети все были старше или младше Розы. Девочки лет

восьми носили мокрое белье в корзины, мальчишки ставили корзины на телеги, младенцы лежали на передниках, брошенных в траву, а куда податься мелкой девчонке, которую не подпускают к воде? Дилан покрутился и увидел красновато блеснувшие стебли ежевики. Во рту сразу появился вкус ягод. Парень медленно, не вставая с колен, приблизился к зарослям и замер.

Матовая зелень разлапистых листьев скрывала небольшую сырую впадину. Возможно, когда-то река разлилась особенно сильно и оставила после себя влажную промоину. Со временем этот кусок берега затянули кусты, и никто не обратил внимание на то, что высохшие ветки образовали лаз, в который легко проберется ребенок. Это ведь так соблазнительно – после жизни в тесноте замка отыскать свой собственный уголок, скрытый от глаз. А уж если прямо с потолка и стен свисают сочные ягоды...

Дилан продвинулся как мог, стараясь не порвать одежду о мелкие, но цепкие шипы. И сразу заметил краешек белого передника! Роза спала, свернувшись калачиком. Ее щеки, губы, руки, передник и даже чепчик были густо заляпаны ягодным соком. Кажется, малышка собирала ягоды в свой головной убор? Выдохнув и осторожно подавшись назад – только сегодня надел чистую куртку! – Дилан позвал девочку:

– Роза! Роза!

Она пошевелилась, нехотя открыла голубые глаза, а потом они просияли чистым, незамутненным счастьем – она узнала его! Встала на четвереньки, быстро выползла из своей норы, и... Дилан сжал челюсти, едва попытался высказать все, что накипело.

В замке их появлению, кажется, даже не удивились. Только Марта ревниво выхватила дочь и, оценив количество фиолетовых пятен, просто посадила ее в корыто для стирки. Право слово, это фиолетовое чудище легче было мыть и стирать одновременно!

Глава 2

Учеба

После поисков Розы у реки мажордом приказал Дилану приходить к нему в кабинет, где он учил нескольких смешлёных мальчишек из детей воинов не только чтению, письму и счету, как в храмовой школе. Опытный рыцарь учил их делать расчет зерна на посев, объяснял политику цен на базаре, пользу ремесленников и основы законодательства. Иногда из храма приходил ученый монах и тоже наставлял детей.

То, что Дилану позволили учиться большему, чем просто мечный бой, повысило его статус, и в то же время замковые мальчишки начали его нещадно дразнить. Еще бы, у мажордома обучались и дети графа, не отправленные пока на воспитание к другим знатым лордам. Иногда мажордом приказывал подать в комнату подогретого вина и сладких пирожков и усаживал будущих рыцарей в круг, изображая военный совет. Кто-то сразу хватался за вино – редкое лакомство для мальчишек. Кто-то предпочитал быстро набить рот пирожками. А кто-то, как Дилан и младший сын графа лорд Брок, спорили, склоняясь над схематичной картой, начерченной угольком на полу.

Правда, Дилан всегда успевал припрятать два пирожка в свою поясную сумку – для себя и для Розы. Ему по-прежнему приходилось отыскивать девочку перед тренировками или учением, но теперь это не вызывало у него внутреннего протеста. И если ему перепадало что-то вкусное, он всегда оставлял гостинец для Розы. Просто потому, что она тоже всегда делилась с ним любой сладостью и рассказывала все интересное, что с ней происходило.

Однажды Дилан сидел на редкой травке у крепостной стены и, греясь на солнышке, пытался читать свои собственные записи на восковой дощечке. Пергамент для письма был слишком дорог, поэтому на занятиях короткие записи делали в тазу с песком, а вот задачки писали на восковых табличках. Парень так увлекся подсчетами, что не заметил, как Роза подобралась к нему под бочок и заглянула в табличку:

– Что это? – маленький пальчик неловко ткнул в кривую строчку.

– Это буквы, – отмахнулся мальчишка.

– Буквы? Я видела буквы! – довольная малявка пристально уставилась на дощечку. – Они не такие!

– Тут еще цифры, – отмахнулся Дилан, судорожно складывая мешки зерна, чтобы разделить их на количество телег.

– А что такое цифры? – Роза не отступала и умела быть упрямой.

Вздыхнув, парень отложил дощечку:

– Цифры – это значки, которыми обозначают количество чего-нибудь.

Девочка хлопала глазами, явно не понимая, о чем речь.

– Ну вот смотри, – оглядевшись, Дилан подобрал палочку и нашел маленький кусочек вытоптанной земли: – У тебя один любопытный нос... Вот цифра «один»! У тебя две косы, вот цифра «два»...

К вечеру малявка бегала повсюду и считала все, на что падал ее взор, правда, только до трех. Дилан усмехался – увлекшись, Роза дала ему время решить задачу и не убегала далеко, постоянно возвращаясь для проверки:

– Это я правильно посчитала? А это?

Неприятность с будущим мечником случилась позже – когда он отвел девочку к матери и шел в казарму, его перехватил местный священник. Довольно молодой монах со строгим, истощенным постом и молитвами лицом поймал Дилана за плечо и крепко стиснул костлявые пальцы:

– Отрок неразумный, что ты творишь?

Мальчишка удивленно вскинул глаза – идя мимо храма, он перекрестился, поклон святому алтарю тоже не забыл.

– Зачем ты передаешь бесценные знания женщине? Сосуду скудельному? Твари, годной лишь на ублажение мужчины и рождение детей?

Дилан ошеломленно хлопал глазами. Слова про «сосуд скудельный» он и раньше слышал в проповедях, но таким вот змеино-шипящим тоном – впервые.

– Простите, святой отец, – повинился мальчик, понимая, что иного от него сейчас не ждут, – мне нужно было сделать урок, а Роза мешала...

Костлявая, но неожиданно сильная рука разжалась.

– Иди, отрок, и помни: женщины – суть низшие существа! В списке имущества мужчины женщина стоит после скудоумных волов!

Низко поклонившись, Дилан рванул в казарму, влетел, задыхаясь, упал на свою узкую койку и некоторое время лежал неподвижно, пытаясь усмирить дыхание. Его прислали в замок в возрасте пяти лет, и с той поры будущему оруженосцу не было так страшно!

* * *

Отъезд

С той поры Дилан начал осторожничать. Уходил с девочкой к прачкам – туда монах заходить брезговал, или в коровник – там молитвенник тоже не появлялся, считая, что внимания мужчины достойны только кони. На худой конец – ослы. Роза радовалась их встречам, по-прежнему лепетала свои детские секреты и охотно училась считать на пальцах и чертила буквы палочкой на земле. Парень и сам не знал, почему продолжил учить малявку. Может, из тайного протеста, а может, потому что успел понять – грамотность, пусть невеликая, даст девочке шанс на более спокойную и сытую жизнь. Только в этом Дилан ошибся.

Их дружба тянулась еще три года, ему уже стукнуло тринадцать – возраст выбора для мужчины, и граф, поразмыслив, отправил его вместе со своим младшим сыном к своему старому знакомцу – капитану королевской гвардии.

Все имущество юного оруженосца уместилось в заплечном мешке. Сыну графа предоставили повозку. Лорда Брока провожали все многочисленные родственники и слуги. А Дилана – мастер Бран да Роза. Девочка удивительно вытянулась за минувшие годы, и стало понятно, что ее отцом действительно был благородный. Об этом просто кричали тонкая белая кожа, изящные кисти и ступни, золотые волосы и черты лица. Дилан неловко обнял малышку и попросил:

– Береги себя, научись чему-нибудь полезному. Я надеюсь, я вернусь, и ты еще будешь в замке.

Роза порывисто обняла его и пообещала.

Юный оруженосец уехал, забрав на прощание ее улыбку.

Возвращение

А когда вернулся через десять лет – рыцарем, с наделом земли и званием сержанта гвардии, то не узнал старый замок. В нем было тихо. Очень тихо. Мастер Бран сидел на камне у ворот и, покашливая, курил трубку. Увидев Дилана, старый мечник махнул рукой, подзывая бывшего ученика ближе:

– Ты вернулся. Я рад. Боялся, что не дождусь тебя...

– Мастер! – Дилан слетел с коня и обнял мужчину, заменившего ему отца. – А где Роза? Я привез ей подарок!

– погоди, мальчик, сядь. Я сейчас не так быстр, как прежде. Розы здесь нет.

– Что? – лицо рыцаря потемнело.

Его служба не была синекурой. Погоняв молодняк на тренировочных площадках, капитан гвардии сформировал «тройки» – на одного опытного гвардейца парочка «щеглов», и забросил оруженосцев и юных лордов прямо в очередную пограничную заварушку. Лорд Брок тогда получил ранение в лицо, а Дилан едва не лишился ноги, но оба выжили, заматерели и благополучно продвигались по службе, пока Дилан не решил выйти в отставку, заслужив рыцарское звание и небольшое поместье.

– Выслушай, – мастер тяжело вздохнул. – Когда ты уехал вместе с младшим лордом, Роза тосковала, похудела даже, есть совсем не могла. И я напомнил ей, что ты сказал учиться. Она встрепенулась, покрутилась по замку, присматриваясь к разным делам, а потом ушла в лес. Травница наша, Маричка, взяла ее в ученицы. Марта даже радовалась, что дочь не будет спину ломать и руки портить, стирая чужое белье.

Дилана немного отпустило. Травница – это хорошая профессия. Рыцарю не зазорно взять травницу в жены. Да-да, он повидал мир, оценил его, взвесил, измерил и вернулся в родные края, чтобы подобрать то, что ждало у порога. Но если Роза в лесу, ему действительно нечего делать в замке – разве что письма от лорда Брока передать...

– Маричка хорошо учила и требовала строго. Ты уехал, малышке едва семь лет стукнуло, а она быстро науку восприняла. Стала матери

прибегать припарки делать, да так с Маричкой всюду ходила. Росла потихоньку. Да только... красивая она стала слишком...

Дилан помрачнел. Он слабо помнил настоящую Розу, в его памяти сохранился лишь взлелеянный его памятью образ, но взрослый мужчина мог представить, какой красавицей стала дочь прачки.

– Сначала еще ничего было, Маричка ее приучила балахон темный носить и лицо платком закрывать. А потом Розу графский сын заметил, Анхель который. Начал ей комплименты говорить, цветочки дарить. Ей тогда только-только четырнадцать стукнуло, мать про женихов молчала, знала, что травницы замуж не спешат. А тут Анхель с кошельком. Вроде сговорился, да только Маричка к самому графу пошла, не забоялась. Объявила, что Роза ее ученица, и обучение еще не закончено. А если у сынка его что-то в штанах чешется, то травницу в любом графстве примут. Старик тогда прибаливать уже начал и Маричку ценил. Потому сынка своего окоротил.

Дилан выдохнул. Что ж, Анхель еще тогда был сластолюбив, и хорошо, что его отец не пожелал менять здоровье на короткую утеху сына.

– Марта деньги вернула, и затихло все. Да только графу с каждым годом все хуже становилось. Он ведь много воевал, израненный был. Маричка с Розой в замке совсем поселились, чтобы днем и ночью старика поддерживать. Анхель же рядом ходил. Высматривал, вынюхивал, все руки к девочке тянул. А ей уже шестнадцать исполнилось, в самый сок дева вошла.

Рыцарь улыбнулся, представляя себе на миг Розу. Интересно, она сильно подросла? Округлилась? Так ли бездонны ее глаза?

– А потом граф умер. Марички в замке не было, она на дальнее болото за какой-то травой ушла. И тогда... Анхель, говорят, сделал Розе предложение: стать его метрессой или умереть. Она, наивная душа, над ним посмеялась, а этот лорд пошел к монаху, который при замковой часовне жил, и заявил, что Роза – ведьма, которая погубила его отца. На Библии поклялся, щенок!

У Дилана вся кровь отхлынула от лица. Он видел в столице не раз, как обвиняли женщин в злом колдовстве и черной порче. Порой их называли ведьмами и убивали после долгих пыток. Но Роза? Его чистая, наивная Роза?

– Ну, а монаху тому лишь повод дай – живо организовал костер и Розу на него поставил. Анхель же до последнего предлагал ей «спасти душу» и стать его конкубиной...

– И что она ему ответила?

– Она сказала, что предпочитает умереть честной девушкой, ведь тогда ее душа попадет на Небо.

– А Дэррен? Наследник?

– Он тогда объезжал окраины, – вздохнул старый мастер, – когда он вернулся, от нашей девочки остались только обугленные кости...

Скупая слеза скатилась по морщинистой щеке. Дилан сглотнул, потому что его горло вдруг сдавило, словно петлей палача.

– Так Анхель все еще жив?

– О, – мастер Бран странно усмехнулся, – Небеса наказали его. Маричка сразу покинула замок и графство. Ушла неведомо куда. Розу молодой граф распорядился похоронить в углу кладбища. Все затихло, и лорд Анхель женился на невесте с богатым приданым. Только его жена оказалась настоящей ведьмой – за год выпила лорда так, что теперь он может только лежать, стонать и каяться в своих прегрешениях. Так мы и узнали, почему он оговорил Розу и почему осмелился поклясться на Библии. И помочь ему никто не может, травниц в замке нет.

Дилан, не стесняясь, утер слезы. Потом спросил:

– Роза – она мне что-нибудь просила передать?

– Просила, – мастер отвел глаза, – крикнула, что любит тебя, и вы всегда будете вместе. А потом ведунья приходила, вот, сказала мне, чтобы я тебя тут ждал...

С этими словами старый мечник протянул рыцарю дощечку, покрытую воском. Таковую, на которых он учил Розу писать. Там было нацарапано всего несколько слов, но глубоко, так, что царапины остались на дереве: «упустил ты, Страж, свою Розу».

Дилан стиснул табличку, вспомнил далекий день, когда старуха в пестрых тряпках указала ему на чумазую малышку, и... заплакал.

* * *

Память

Потом, много позже, мастер Бран отвел его на могилу Розы. Маленькое тенистое замковое кладбище совсем заросло вьюном, и найти неприметный холмик мог лишь тот, кто знал о нем. Дилан постоял на месте, посмотрел в голубое небо и вдруг услышал рваные стоны и тяжелые, со слезой, вздохи.

– Кто это? – спросил он у Брана, впервые обратив внимание на то, что этот тихий уголок отделен от крепостной стены одним из флигелей.

Старый мечник дернул углом рта:

– Анхель. Окна его спальни выходят на кладбище. Эту комнату ему предоставил старший брат сразу после свадьбы. Молодой граф не позволил состоятельной невестке командовать в его доме, и леди Рианделин довольно быстро вернулась в родительский дом.

Дилан дернул плечом и ушел с кладбища. Бог наказал сластолюбца, но это не уменьшило боль в сердце рыцаря. Здесь не было его Розы.

В тот же день сэра Дилан Рэшби уехал в свои земли. Старого мечника он забрал с собой. Вдвоем они восстанавливали потрепанный одиночеством хозяйский дом. Вдвоем распахивали поля и налаживали жизнь трех полупустых деревенок. И только с мастером Браном хозяин поместья Рэшби мог поговорить о Розе.

Даже о том, что малышка лет четырех является ему во снах. Предупреждает об опасностях, подсказывает, как лучше вести хозяйство и что продать на ближайшей ярмарке. Мастер сначала пугался, потом увидел в этом пользу и успокоился. Роза не желала своему возлюбленному зла. А однажды привела с собой в сон Дилана невзрачную девушку в слишком просторном платье и громоздком чепце. «Женись на ней, – попросила Роза, – пусть твои земли достанутся твоим детям».

Рыцарь, которому уже исполнилось тридцать лет, на следующий день объехал своих соседей, отыскал старую деву и взял ее в жены. Шокированные родственники даже на приданое не покупились.

Через год жена родила Дилану сына, через два – дочь. Для сына Дилан выбрал имя Бран – в честь своего учителя, а дочь назвал Розой. Гости замка и родственники жены изумлялись тому, как отец балует малышку, носит на руках и спешит на каждый ее писк. Но рыцарь отшучивался. Говорил, что эта кроха при рождении забрала его сердце

в свои маленькие ручки. Жена немного ревновала супруга к дочери, но, будучи благоразумной леди, быстро утешалась, глядя на растущего сына.

Еще через пару лет на землях поместья обнаружили богатые залежи меди, да еще и близко к поверхности. Разработка с помощью открытых шахт больших расходов не предполагала, а вот доход дала хороший, и еще через год внезапно разбогатевший рыцарь начал строить замок, в котором все было украшено розами – от герба на двери до флюгера на крыше.

Соседи диву давались – надо же так любить свое дитя! Но все же прозвали замок «Тысяча роз» и любили рассказывать приезжим об этой диковинке.

Дилан прожил долгую и почтенную жизнь. Завещал похоронить себя в часовне замка и положить в изголовье дощечку, завернутую в драгоценную ткань. Деревяшка так долго лежала в сундуке, что воск совсем стерся, и не было возможности разобрать написанное.

Через секунду после смерти рыцаря где-то за много миль молодая мать положила руку на свой живот:

– Ой, он толкается! Ты слышишь? Он жив!

Повитуха недоверчиво положила руку на живот, прислушалась и смахнула с лица выступивший холодный пот. Она-то была уверена, что плод умер в утробе, уже почти уговорила молодую женщину избавиться от нерожденного младенца, чтобы сохранить собственную жизнь!

– Ох, это дитя или благословенно, или проклято! – вздохнула она, задвигая ногой под стол корзинку с инструментами. – Ну что же, госпожа, значит, вам нужно больше гулять, смотреть на красивые вещи и радоваться!

Глава 3

Новая жизнь

В положенный срок у жены купца Джанброцци родился сын. Крепкий черноволосый и черноглазый мальчишка. Он рос обычным ребенком, но каждый раз, когда видел девочку лет четырех, подходил и заглядывал в глаза – словно что-то искал. В жарком климате Срединного моря дети взрослеют быстро. Отец посмеивался:

– Потерпи, Джанлукко, найдем тебе невесту.

Парень отшучивался и продолжал заглядывать в черные, карие и очень редко серые или зеленые глаза.

Когда молодому Джанброцци исполнилось пятнадцать, отец впервые отправил его с караваном. Мать украдкой плакала – она хорошо помнила, что чуть не потеряла своего первенца, но мужчина должен расти мужчиной. Получив от отца наставления, кошель с монетами и телегу с товаром, Джанлукко отправился в путь. Отец его торговал полотном, а сыну сложил в телегу разный мелочный товар – ленты, иголки, тесьму, детские игрушки и яркие сладости. Все это ждали в мрачных северных деревнях. Там, где женщины носят черные платья, лишь по праздникам позволяя себе яркий наряд, а мужчины говорят так редко, что весна успевает прийти на смену зиме, прежде чем северянин закончит рассказывать анекдот.

Взамен Джанлукко должен был закупить полотно, тонкую пряденую шерсть, северный рыжий лен и шкуры, ведь мехами стало модно украшать платья.

Выезжали на рассвете. Молодого Джанброцци провожала премиленькая девушка – Бьянка, дочь синьора Абруцци. Она не поленилась встать вместе с солнцем и принести на площадь узелок с лепешками и сыром для красивого парня с черными кудрями. Джанлукко только рассмеялся в ответ на ее лепет:

– Бьянка, это мой первый караван! Кто знает, будет ли он успешен. И даже если будет, мне рано жениться! Я хочу повидать мир!

Девушка прикусила губу, чтобы не наговорить парню лишних слов, просто сунула ему узелок и убежала.

– Эх, парень, – фыркнул возница, – девушек лучше не обижать! А то вернешься, а тут уже падре и алтарь во дворе!

Джанлукко фыркнул. С Бьянкой он точно не мял душистое сено, не тискался в углу сада и даже не дергал ее за юбку у городского фонтана. Он ее практически не замечал. Просто заглянул один раз в глаза, понял, что девушка не та, и отправился дальше. А ей почему-то показалось, что этот взгляд был чем-то особенным.

– Смотрю я на тебя, – возница давно служил у старшего Джанброцци и потому позволял себе иногда поучить молодого синьора, – и понять не могу – чего ты ищешь? Каждой ведь девице в глаза заглядываешь. И молодок не пропускаешь, и девчонок совсем!

– Да если б я знал, – Джанлукко присел на край телеги, ожидая сигнала к движению каравана, и с внезапной тоской сказал: – Я не знаю, чего я ищу, но знаю, что, если найду, буду счастлив!

– Гм, – возница с удивлением взглянул на паренька. Да, порой на берегах Срединного моря из таких котят вырастают львы, но... – А почему же в глаза девицам смотришь? Не синьорам, не собакам?

– Не знаю, – пожал плечами Джанлукко, – пойму, если найду!

Собеседники замолчали, а через несколько минут прозвучал сигнал к отправлению. Возница взялся за вожжи, молодой Джанброцци вскочил в седло – долгий путь на Север начался.

Поначалу дорога была для молодого человека интересной. Он и прежде выезжал из родного города в близлежащие деревушки, поэтому с радостью отмечал знакомые места, любовался пышными садами и виноградниками. Однако ухоженные земли плавно перешли в поля, потом в пастбища, а вскоре сменились довольно однообразными лесами. Возницы привычно подремывали на облучках, а молодой синьор весь извелся, не зная, чем себя занять. К несчастью, глава каравана спешил, желая пройти как можно больше, пока люди и кони свежи, а весеннее солнце еще не давит к земле даже в полдень.

На привал устроились только вечером. Привычные путешественники сразу занялись животными. Без коня ты в дороге – обуза. Так что лошадей чистили, кормили, поили, накрывали попонами и устраивали хотя бы под навесом, чтобы уберечь от прохлады и дождя. Джанлукко, прислушиваясь к совету возницы, вычистил скакуна, отвел его в конюшню, лично проверил сено и сам навязал ему торбу с овсом – и только потом отправился к столу.

Постоялый двор, на котором они остановились, часто принимал караваны, поэтому во дворе располагались обложенные камнем кострища с треногами для котлов. Молодой синьор присел возле котла и принялся помогать кашевару чистить овощи и крошить копченое мясо. Повар от помощи не отказывался. Караванщики постарше переплетали кнуты, раскуривали трубки в ожидании ужина, экономно распределяя силы. Джанлукко же засмотрелся на огонь и, закончив с овощами, взялся тихонько перебирать струны гитары.

Тихо побулькивала похлебка, хрустели сеном и овсом кони, разговоры отдалились, и вдруг этот мягкий фон замер. К огню вышла немолодая цыганка с трубкой в зубах.

– Яркого огня и полного котла, – пожелала она возчикам.

Те сдержанно загудели в ответ. Целый табор заставил бы их напрячься, но одинокая женщина в ночи не пугала. Между тем цыганка выколотила и убрала в поясной карма свою трубку, и протянула руки к огню. Мужчины подвинулись, давая ей место на бревне. Она молча села, дождалась раздачи мисок и протянула свою – помятую, но из хорошей меди. Повар молча ее наполнил, застучали ложки, потом по кругу пошла бутылка с легким вином, и ее цыганка не обошла, булькнув себе немного в кружку. А вот потом, когда все расслабились, но спать еще не особо хотелось, кто-то из возчиков вдруг попросил:

– А погадай нам, чернобровая, всю правду скажи!

– Да чего тебе говорить, – хмыкнула женщина, не обидевшись, – все у тебя хорошо. И жена любит, и дети здоровы, к зиме еще один родится!

Возчик шумно выдохнул – не то испуганно, не то восторженно – и затих, опасаясь спугнуть доброе предсказание. Зато из толпы тут же вылез другой, протягивая свою не слишком чистую ладонь:

– А мне что скажешь, красотка?

– А ты до зимы не доживешь, – так же ровно ответила цыганка, – от дурной хвори помрешь, которую в борделе подхватил.

Мужик испуганно отшатнулся, и от него тут же потихоньку отодвинулись соседи. Больше желающих погадать не нашлось, но ведьма внезапно сама наткнулась взглядом на молодого Джанброцци, моргнула удивленно, всмотрелась и спросила:

– А ты что здесь позабыл, Страж? Твоя судьба ждет тебя дома!

– О, так прекрасная Бьянка все же твоя судьба! – фыркнул Дьеппо, хлопая сеньора по плечу.

Джанлукко дернул рукой и нахмурился:

– Синьора, должно быть, ошиблась, – вежливо сказал он, – у меня нет невесты, а дома меня ждут родители и сестры.

– Ой, Страж, – покачала головой цыганка, – поспеши. Может, успеешь увидеть свою Розу...

Почему-то это незатейливое женское имя выбило у Джанлукко почву из-под ног. Качнулось темное небо, во рту пересохло, и захотелось немедленно вернуться домой. Но как же караван и приказ отца? Сглотнув, сын купца сумел вежливо поклониться ведьме и сказать:

– Спасибо за предупреждение, синьора, я буду спешить.

Цыганка что-то пробормотала себе под нос и вскоре ушла, вяло предсказав что-то мелкое еще парочке возниц. А поутру Джанлукко охватило нетерпение. Он с невиданной скоростью и выгодой сбывал свои товары, закупал полотно и пряденый лен, улыбался, шутил, крутился ужом на сковородке, чтобы быстрее пройти намеченный путь, и каждый вечер у костра брал гитару, изливая душу в таких нежных песнях, что даже скупые на эмоции караванщики роняли слезу.

Каждая дорога когда-нибудь кончается. Ранней осенью, когда лужи по ночам стали покрываться хрупким ледком, Джанлукко вернулся в родной город. Повзрослевший, раздавшийся в плечах, он въехал на Пьяццо-ди-Корвана, лихо спрыгнул с коня и сразу притормозил возчиков:

– Сначала товар на склад и коней в конюшню!

Те не стали ворчать – обняли жен и детей, а потом погнали три груженные доверху телеги к воротам особняка Джанброцци. Только тогда Джанлукко обнял мать и отца. Младшие братья и сестры гроздью повисли на нем, и он начал со смехом отбиваться:

– Брысь, мелюзга! Мне нужно в купальню! Я, кажется, собрал пыль всех дорог Ломбардии!

Мать улыбнулась и махнула рукой немолодой женщине в темной одежде. Та подошла и быстро уговорила младших отцепиться от брата и двигаться в сторону дома. Джанлукко удивился:

– Кто это?

– Новая няня, – с улыбкой ответила синьора Джанброцци. – Отлично управляется с малышами.

Джанлукко мельком бросил взгляд на темное платье и заговорил с отцом о товаре:

– Я распродал все, что ты дал мне, отец. Взамен взял полотна, ниток и шкур. Первая телега все заполнена тканью, вторая мотками, а в третьей меха.

Отец довольно блеснул глазами. Он-то рассчитывал на то, что сын вернется с одной телегой, а тут прибыль!

– Телеги и коней я купил, возчиков нанял в караване, – продолжал Джанлукко, – плюс немного торговал по дороге... В общем, привез все, что ты мне давал с собой, и немного сверху!

У синьора Джанброцци пропал дар речи! Деньги на дорожные расходы он выдал скуповато, опасаясь, что молодой парень в дороге загуляет, но Джанлукко привез все назад, да еще с прибылью!

– Идем в дом, сынок, расскажешь! – заторопила синьора, улыбаясь сквозь набежавшие слезы. – А знаешь, Джанни, – тут же вспомнила она, захватив взглядом тоненькую фигурку на краю площади, – к нам Бьянка каждый день заходила!

Сын поморщился:

– Мама, не надо! Мне еще рано жениться, да и не нравится мне Бьянка!

– Она же тебя провожала, – с укоризной бросила синьора Джанброцци.

– Меня и Битти провожала, – усмехнулся Джанлукко, кивая на старую собаку, радостно встречающую его во дворе.

Синьора насупилась и громко позвала служанку:

– Мирта, проводи молодого синьора в купальню, принеси простыни и чистую одежду!

Хорошенькая черноглазая девица стрельнула в Джанни глазами и пропела:

– Ах, синьора, так ведь ни один камзол не налезет! Молодой синьор так раздался в плечах!

Джиневра Джанброцци снова глянула на старшего сына, словно увидела его впервые, и приказала подать жилет и шейный платок, а завтра непременно позвать портного, чтобы подогнать по фигуре сына парочку камзолов из старого отцовского гардероба. Все же синьора

была рачительной хозяйкой и хорошо разбиралась в тканях и юношах. Ведь наверняка завтра же сын отправится отмечать приезд, кутить с друзьями, и одежду после их приключений можно будет выбросить в канаву. Так пусть портит то, что уже и не страшно испортить!

Глава 4

Джанлукко наверняка оправдал бы все опасения отца и матери, если бы не предсказание цыганки. Ему покоя не давало то, что предсказанное счастье ждет его дома! Где? Отмокая в купальне, он расспросил говорливую Мирту о новостях и узнал, что в доме не прибавилось обитателей. Умерла старая нянюшка синьора Джанброцци, а взамен принята новенькая.

– Вдова молодая из Сиенны, – щебетала Мирта, натирая широкие плечи молодого синьора намыленной губкой. – Говорят, не успела замуж выйти, сразу овдовела. Год у родителей прожила, и к ней опять синьор посватался. Она отказала и уехала, чтобы не осуждали. А синьора Джиневра приняла ее, говорит, хорошо с малышами управляется!

– М-м-м-м, – протянул Джанлукко, млея под умелыми движениями служанки. Он знал, что стоит ему пожелать, девушка охотно залезет к нему в бадью или склонится над скамьей. Ну, а если вдруг по недосмотру начнет расти живот – синьора даст ей небольшое приданое и уйдет в деревню. На такие «забавы» молодого господина во многих домах смотрели сквозь пальцы. Однако сегодня Джанлукко почему-то не хотелось прижимать к себе Мирту, поэтому, когда шаловливая ручка скользнула вниз, он отстранился и приказал:

– Подай мыло для волос!

Девушка неохотно отошла от бадьи. Красивый синьор, молодой и горячий, мог доставить ей удовольствие, да и пара монет к приданому не помешала бы, но Джанни уже принялся смывать пену и больше на попытки служанки привлечь внимание не отвлекался.

Через полчаса чисто вымытый и нарядно одетый Джанлукко вошел в главную комнату дома. Там уже стоял накрытый стол, вокруг суетились домочадцы, только отец сидел довольный, пролистывая тетрадь с его дорожными записями.

– Садись, сын! – родитель торжественно указал ему на стул рядом с собой.

Джанни поклонился, благодаря за честь, сел и с удовольствием принял из рук матери полную миску наваристого рыбного супа с чечевицей.

Отец, сдерживая нетерпение, дал наследнику окунуться в домашнее тепло – съесть суп, жаркое, теплый пирог с ягодами, выпить бокал вина и послушать пение сестер, а потом все же нетерпеливо поманил сына в свой кабинет. И там уже пошла работа. Вдвоем они обсудили каждую продажу и покупку, вышли во двор, перебрали тюки полотна и мешки с нитками, вынули короб с подарками для сестер и матери, раздали хихикающим девчушкам красивые плетеные шнурки с серебряными эглетами. Синьоре Джиневре Джанлукко сам накиннул на плечи длинную серебристую шкурку редкой северной лисы и был вознагражден радостными слезами матери.

В общем, день получился шумный, суетный и праздничный, а к вечеру в дом начали заглядывать соседи. Многие уже слышали об удачном возвращении младшего Джанброцци и спешили поздравить семейство, порадоваться за друзей и прикоснуться к легкокрылой удаче, накрывшей дом Джанброцци светлым крылом.

Вот в этой суете и шуме вылетела на Джанлукко свежая, румяная от волнения Бьянка:

– Джанни! – выдохнула она радостно. – Отец сказал, что с твоим уже сговорился! Свадьба у нас будет осенью!

Молодой купец отодвинул от себя сияющую деву и свел четкие черные брови:

– погоди, Бьянка! Кто сказал? Твой отец?

– Мой, мой, он с твоим отцом весь вечер разговаривал, вот и договорились! Отец за мной оливковую рощу дает! – девушка все еще сияла карими, как вишни, глазами, сверкала улыбкой, радуясь нахлынувшему счастью.

Но Джанлукко отстранился и хмуро взглянул на парочку подвыпивших купцов, сидящих во главе стола.

– Не говори никому, Бьянка! – строго сказал он. – От вина родители наши расшумелись и много лишних слов наговорили! Я жениться не собираюсь!

Лицо Бьянки побледнело, глаза заблестели слезами. Она убежала, хлестнув «жениха» по ногам тяжелыми юбками, и многие посмотрели на молодого Джанброцци с осуждением. Впрочем, Джанни не стал

отвечать на взгляды и ехидные словечки. Он подошел к отцу и жестко сказал, не слушая радостных приветствий:

– Отец, ты сам выбрал маму в жены и мне не мешай мое счастье искать!

Синьор Джанброцци смутился. Ему показалось хорошей идеей женить сейчас сына, поймать удачу за хвост и удержать ее. Бьянка красавица, и отец у нее добрый купец. Оливковую рощу за дочкой дает и пару сундуков с одеждой, бельем и дорогой посудой. С удачей Джанни можно и дом сразу добрый поставить, и с караванами успешно ходить. Красивый и обходительный парень сумеет изрядно заработать, и отец будет первым советчиком. И жена дома будет ждать, и дети, глядишь, пойдут...

– Что ты, сынок, – сквозь хмель улыбнулся Батиста, – я думал, тебе Бьянка нравится, дева достойная и красивая...

– Нет, – строго сказал Джанни, и Батиста вздохнул – быстро его первенец вырос!

– Ну, как знаешь! – не стал упираться купец, но все же прищурился: – Или тебе именно Бьянка не по нраву? Другая на сердце лежит?

– Это неважно, – поспешил завершить разговор Джанлуко и отошел от отца.

Ему внезапно стало одиноко и грустно. Он почти не пил в этот вечер, а страх внезапно оказаться женатым и вовсе вымел из головы хмель, так что он устало и недовольно смотрел на шумно веселящихся друзей и соседей, а потом решил выйти из душных комнат в сад.

На город опустилась ночь. Крупные звезды сияли в темном небе. Ветерок шелестел листьями, то и дело бросая в лицо ароматы цветов и моря. Откуда-то со стороны донеслась мелодия колыбельной. Джанлуко постоял, вслушиваясь в мягкий незнакомый голос, и осторожно двинулся в глубину сада. Он догадывался, что увидит.

Синьора Джиневра была дамой предусмотрительной, ценящей свой покой. Она знала, что малыши не уснут в шумном доме, полном гостей, и на другой день будут капризными, утомляя домочадцев. Поэтому вскоре после рождения старшего сына распорядилась устроить в тихом углу сада беседку. Простое строение из дерева и камня – основательный фундамент, оберегающий от змей и грызунов, каменные плитки пола. А дальше легкие деревянные колонны,

простенки из мелких речных камней и глины и сланцевая крыша с затейливым флюгером. Стены ажурного строения быстро заплел виноград, и вскоре беседка превратилась в часть сада, про которую знали только домочадцы.

Зимой беседка пустовала, и в нее убирали на зиму корзины. Весной полы и стены отмывали, выметали замерзших жуков и бабочек, вставляли в окна рамы, обтянутые редким полотном от насекомых, устилали простые топчаны соломенными тюфяками, и дети, а порой и взрослые, спали тут в жаркие ночи. Во время шумных пиров в беседку уходила нянька с малышами. Им приносили ужин, ночничок, и дети мирно засыпали под колыбельные и сказки.

Едва дыша, Джанлукко добрался до знакомого строения и замер, прислушиваясь. Женщина пела мягким грудным голосом, малыши еще возились, что-то бормотали, но было понятно, что они вот-вот уснут, подчиняясь магии женского голоса. Не желая тревожить детей, молодой Джанброцци прошел дальше, к родничку. Присел на скамью, задумался, любуясь звездами, и позабыл о времени.

Очнулся он, когда из темноты вырезался острый силуэт и подошел к роднику. Черное платье и черное головное покрывало резко оттеняли белую кожу лица, рук, красивую шею и... нянька приподняла юбки и тщательно вымыла в каменном корыте ноги, смывая дневную усталость. Потом умыла лицо и шею, пригладила выбившиеся волосы и ушла обратно к беседке, не заметив Джанлукко. А он забыл, как дышать. Его внезапно и сильно потянуло к этой спокойной печальной женщине с красивыми руками и белой кожей. Захотелось сдернуть с ее волос вдовий платок, заглянуть в глаза, прижаться губами к жемчужно мерцающей коже...

Джанни так и просидел бы у родника до утра, но к воде пришла шумная компания – освежиться перед уходом домой, и он тихо и незаметно ушел по знакомой тропке к дому.

Глава 5

После пира жизнь купеческого дома вошла в прежнюю колею. Лето отцветало, вся семья занималась заготовкой овощей и фруктов на долгую дождливую зиму. Даже малыши садились рядом со своей нянькой, лущили фасоль, бобы, низали на длинные нитки кисти зеленоватого раннего винограда и смоквы. Вся семья в такие дни собиралась во дворе, заполняя кладовые плодами сада и виноградника. Синьора Джиневра строго следила за тем, чтобы каждый получил свою долю работы и выполнил ее.

Джанлукко редко удавалось посидеть вместе со всеми, перебирая виноград или оливки. Отец водил его с собой на рынок, на склады, учил отбирать товар на ярмарках, подписывать договоры и уличать нечестных торговцев, желающих подсунуть порченный товар. Наследнику приходилось крутиться как белке в колесе, и он крутился, но совершенно перестал бывать в компаниях, пить вино с друзьями и веселиться. Синьора даже шутливо упрекала мужа, что он не дает сыну времени на развлечения, а тот лишь отмахивался:

– Успеет еще! Сейчас время упустить нельзя! Самый сезон!

Записи, договоры, покупки... Старший Джанброцци мечтал отправить зимой на север еще один караван – с изюмом, оливками, вяленым инжиром и оливковым маслом. Еще на севере охотно брали лекарственные травы, морскую соль, пряности, шелка для свадебных платьев и ленты для кос. Жаловали северные мореходы и крепкие конопляные и льняные веревки, краски для тканей и хорошее оружие. Впрочем, Джанброцци оружием не торговал, считая это делом неразумным и слишком опасным.

Сын с отцом не спорил, но иногда задумчиво рассказывал что-то из своей первой поездки с караваном:

– Алые платья у них носят молодые жены целый месяц после свадьбы, да и потом на все праздники целый год надевают. А уж если молодка сына родит, то из того платья нарежет лоскутов и на все остальные платья нашьет, чтобы еще сыновья были. Так что красные

ткани туда нужно везти такими кусками, чтобы на замужнюю женщину, ждущую ребенка, хватало.

Батиста кивал и делал пометки в отдельном свитке.

– А голубые ткани у них редкость. Очень северяне этот цвет любят и покупают ткань для юных дев. Жены часто носят зеленый. Мужчины тоже любят принарядиться, но больше украшениями сверкают да хорошим оружием. А вот на плащи яркой ткани им нужно. Только солидной, с узорами!

И так спокойно и ровно Джанлукко все это объяснял, что к нему и другие купцы стали прислушиваться да в караван проситься. А старший Джанброцци и рад – чем больше караван, тем больше шансов добраться до места и вернуться живыми!

Радовался купец и не замечал, что его сын ищет взглядом няньку младших сестер и братьев. Как пристально он наблюдает за ее играми с малышами, как норовит поднять вместо нее тяжелую корзину или быстро подростшего братца. Но встречи эти были на самом деле редкими. Нянька жила в детской, укладывала детей рано и не спускалась в общий зал, если хозяйка не забывала прислать ей ужин. А наследник Джанброцци не появлялся дома раньше заката, да и вход в его комнату был сделан отдельным – с улицы, чтобы молодой синьор не будил домочадцев, явившись ночью домой с гулянки.

Время тянулось карамельной нитью, и как-то незаметно наступило время сбора винограда.

На праздник «первой грозди» собрались все, кто мог ходить. Женщины быстро и ловко срезали тяжелые кисти, мужчины носили корзины к давяльным чанам. Самые юные, ловкие и быстроногие плясали на ягодах, выжимая сок, хлопотливые хозяйки готовили общие столы, заполняя блюда хлебом, сыром, жареными овощами и колбасами.

В этой суете и шуме был лишь один тихий уголок – большое покрывало, обставленное хлебными корзинами. На мягкой плотной ткани копошились младенцы, а рядом сидела нянька в черном одеянии и перебирала ягоды, присматривая за малышами.

Среди родственников и слуг Джанброцци нашлось немало мужчин, заметивших красоту молодой вдовы. Кто-то пошутил, кто-то игриво подмигнул – женщина не обращала внимания, продолжая заниматься своими делами. Джанлукко выплясывал с братьями и

кузенами в давальном чане, но видел, как смотрели на няньку. Пусть рядом крутились юные и свежие девушки, смеялись служанки, недавно прибывшие из деревни, да и синьоры постарше радовали взор, но именно к строгому черному покрывалу возвращались черные глаза молодого купца.

Когда настало время слить сок и забросить жом под пресс, Джанни выбрался из чана, ополоснул ноги в корыте с водой и прилег на траву, закинув конечности на скамью – так ноги успевали отдохнуть, пока носильщики засыпали в чан новые корзины сочных ягод. Ноги гудели, но голова сама повернулась к покрывалу и сидящей на нем женщине. Белое горло, белые руки... Джанлуцко сглотнул, представив на миг, как эти длинные пальцы порхают над его телом...

– Роза! – молодой Джанброцци вздрогнул, когда услышал голос матери. – Роза, – повторила синьора Джиневра, – покорми детей! Я принесла молоко!

Нянька встала, взяла кувшин, поставила его в тень, потом тщательно вымыла руки и принялась размачивать кусочки лепешки в молоке и совать в беззубые ротки. Дети смеялись, жевали, пили молоко, проливая на рубашонки, и, кажется, солнечный свет смеялся вместе с ними.

Внезапно на лицо Джанни упала тень. Отец тоже засмотрелся на малышню и, заметив взгляд старшего сына, сказал веско:

– Выбери себе невесту – и через годик будешь смотреть на своего ребенка.

– Я не спешу, отец, – усмехнулся в ответ Джанлуцко, – вы с мамой пока и без меня справляетесь!

– Наглец, – хмыкнул родитель, – ничего, помотаешься по свету и тоже захочешь свой дом, мягкую постель и теплую женщину рядом!

Молодой Джанброцци не стал разуверять отца, просто фыркнул, как молодой конь, и вскочил – танцоров звали в давальный чан.

Вечером, когда зажгли факелы, убрали в подвалы бочки и уложили маленьких детей спать, все собрались за столами, стоящими прямо в саду. Рекой лилось слабенькое вино, быстро опустошались блюда с хлебом, сыром и овощами. Звучала музыка и кое-кто уже пел, наплясавшись за день в давальном чане.

Джанлуцко сидел рядом с отцом, поднимал кубок, но едва притрагивался к вину. Все несколько устало веселились, ели, пили,

смеялись, а у молодого купца на душе было тягостно. Он ведь выполнил данное самому себе обещание и заглянул в глаза каждой женщине в доме. Кроме... вдовы Розы. Она не позволяла приблизиться к себе, прятала взгляд, брала на руки ребенка, в общем, делала все, чтобы молодой синьор держался от нее подальше.

Вскоре начались танцы, и вот удивительно – парни и девушки, весь день проведенные в давящем чане, с удовольствием выходили в круг, чтобы зажечь теплую южную ночь своей пляской! К ним присоединялись и синьоры постарше. Наконец танцующих стало так много, что никто уже не обращал внимания на другие пары. Вот тогда младший Джанброцци решительно отодвинул кубок и двинулся к стоящей в уголке няньке. Она пряталась под густой вязью винограда и смотрела на танцы с тоской во взоре. Ей явно хотелось танцевать, но вдову не приглашали – то ли пугал ее траурный наряд, то ли тяжелый взгляд, а может, и то и другое. Зачем беспокоить грустную женщину, если вокруг так много хохотушек, желающих развлечься?

Джанлукко подошел ближе, приобнял женщину за талию, чувствуя, какая она тонкая и гибкая под грубой тканью вдовьего платья. Не давая ей возможности вывернуться, потянул в круг. И уже там, взяв ее за руки, заглянул в карие вишни глаз... Заглянул и пропал. Завис над пропастью, боясь сделать вдох! Она тоже застыла, кипя эмоциями, потом вырвалась из его рук и скрылась в толпе, а молодой купец снова смог дышать, чувствуя тяжелую занозу в сердце.

С того дня молодой Джанброцци будто сошел с ума – всюду преследовал Розу. Он не пытался завалить ее на снопы соломы в сарае или на корзины с мокрым бельем в день большой стирки. Нет. Он помогал таскать воду в корыта, отжимал тяжелые простыни, выбирал из ее волос соломинки и вежливо целовал натруженную руку, когда она уходила в детскую.

Родители и все домашние впали в недоумение. Пожелай наследник рода переспать со вдовой, взятой в дом из милости – никто бы не нашел в этом ничего зазорного. Но ухаживать? Оказывать почести, как благородной синьоре? Да еще приносить ей цветы, вышитые ленты для волос и сладости? Словно невесте?

Джанлукко не был совсем уж глупым и привозил ленты и финики сестрам, но обязательно одаривал и няньку, хотя та смущалась, отнекивалась и редко брала подарки. Но слухи остановить нельзя. К

тому же наследник Джанброцци совершенно перестал обращать внимание на прочих девушек. Ни красавицы, ни умницы, ни откровенные кокетки более не трогали ни его ума, ни сердца. Он оставался вежливым юношей, но к дамам перестал даже приближаться, зато мог весь вечер просидеть у ног няньки, слушая, как она рассказывает малышам сказки, успевая штопать их чулки и рубашонки.

Словно с ума сошел наследник!

Глава 6

Когда за окнами полетели редкие белые мухи, а грязь на дорогах замерзла, синьор Батиста объявил сыну, что караван готов отправиться в путь. Товары закуплены, кони вычищены, возницы наняты. Джанлукко неохотно собирал свой дорожный мешок. На сердце было тяжело. Роза, его Роза только на прошлой неделе улыбнулась ему. А вчера перестала вырывать руку, когда он принялся играть ее пальцами, иногда целуя узкое запястье. Сегодня он надеялся урвать поцелуй в губы в темном закутке под лестницей, а вынужден собирать чистые сорочки, теплый жилет и запасные портянки.

Вздыхнув, Джанлукко взъерошил темные кудри и, еще раз проверив содержимое мешка, вышел из комнаты. Его ждал семейный ужин, прощание с матерью, наставление отца, тревожные взгляды младших, а завтра на рассвете – долгий путь на север с новым, большим караваном. И он должен раздуться от гордости и счастья, а он печалится, потому что долго не увидит карие вишни глаз, оттененные черным головным покрывалом.

Ужин прошел ожидаемо. Были и шутки, и смех, и добрые пожелания. Роза увела малышню спать, как только подали панна-котту с курагой. Беттина капризничала, и нянька унесла ее на руках, напевая колыбельную. Остальные малыши ушли сами, помахав Джанни руками на прощание.

Младший Джанброцци выдержал приличное время, выпил бокал вина с отцом и ушел к себе. А потом крадучись вернулся в дом, поднялся на второй этаж и неслышно приоткрыл дверь в детскую. Роза сидела у камина, бездумно глядя на угли. Джанлукко подошел, положил тяжелые ладони ей на плечи и не удержался – уткнулся носом в ее белую шею, жадно вдыхая ее запах.

Молодая женщина не сопротивлялась. Только шепнула:

– Не здесь, Джанни!

Он стиснул ее ладонь, помог подняться и повлек коротким путем в свою комнату. Туда, где стоял собранный заранее дорожный мешок. Туда, где была расправлена большая кровать со свежим бельем и мягкими подушками.

Она остановилась у кровати и, глядя ему в глаза, медленно, словно задыхаясь, потянулась к шнуровке на груди. Джанни не торопил. Он пил ее взглядом, стремясь запомнить, и сам постепенно снимал одежду. Пусть у них будет сейчас эта ночь. Сказочно прекрасная, долгожданная. Он будет честен с женщиной, которая доверила ему себя...

Отбросив вместе с одеждой ненужные мысли, Джанлуцко замер, любуясь невероятной картиной – белое, нежное тело молодой женщины сияло в кругу ее черных юбок. Должно быть, от волнения она стиснула руки, и ее черное покрывало оттеняло белизну ее лица и тела. Картина была так прекрасна, что молодой купец на миг закрыл глаза, а потом шагнул вперед, опустился на одно колено, поймал ладонь Розы и поцеловал ее. И лишь потом так же благоговейно коснулся поцелуем ее живота, принимая ее безусловное доверие.

Он не спешил. Не рвался завершить дело. Он любовался и тянул каждый момент, целуя губы, щеки, закрытые веки, ловя губами слезинку, скользнувшую по гладкой коже... Он не хотел этих слез, но знал, что они неизбежны. Женщина оплакивала прошлое, шагая в будущее, а он усиленно толкал ее туда.

Как они очутились в кровати, Джанлуцко не помнил. Помнил аромат и вкус ее кожи, помнил собственное восхищение черной копной волос, хлынувших из-под покрывала, помнил свои руки, лежащие на талии Розы, а как она распростерлась на прохладных простынях – не понял. Только навис над ней, ловя губами соски, разводя коленом ее судорожно сжатые ноги, потом впился в маняще-алый рот, и... проникнуть в ее лоно оказалось очень трудно.

Узкая. Невероятно узкая и тесная. Должно быть, она блюла себя после смерти мужа, мелькнула мысль в голове Джанлуцко, и в ту же секунду он понял, как ошибался. Лицо Розы исказилось, она негромко вскрикнула, попыталась его оттолкнуть, но он уже взломал хрупкую преграду, войдя на всю длину. И замер, уткнувшись лбом в плечо вдовы, только теперь ставшей женщиной.

– Почему? – хрипло спросил он, запрещая себе двигаться.

Хотелось. Неимоверно хотелось отступить назад и ворваться в ее лоно с новой силой. Да только он слышал ее хриплое, рваное дыхание, чувствовал слезы, подступившие к ее горлу, готовые пролиться

рыданиями, и всем существом осязал внутренние мышцы, готовые вытолкнуть его из ее тела.

– Просто, – таким же хриплым голосом ответила Роза, – мой муж... он был уже стар. Болен. Ему нужна была сиделка, а не жена.

– Не жалеешь? – серьезно спросил он, заглядывая ей в глаза.

– Не жалею, – стряхнув с ресниц слезы, ответила Роза и нежно добавила: – Джанни...

И все. Это стало последней каплей. Он все-таки сорвался. Ему хватило трех движений, чтобы улететь куда-то к небесам, а потом рухнуть в ее горячее тело. Он видел и понимал, что для нее это было лишь кратким безумием, и разочарование уже готово накрыть ее с головой, и Джанлуцко опередил ее:

– Я вкусил твоей сладости, моя Роза, а теперь я покажу тебе звезды...

И он мягко, нежно, обещающе поцеловал ее припухшие губы, а после обнял, давая понять, что здесь и сейчас она не одна, и накрывшее его безумие может стать общим.

Потом снова были поцелуи, глоток вина из кувшина и медленные ласки, призванные вновь разжечь погасший было огонь. И Роза ахала и улыбалась, извиваясь под его руками, губами и языком. А к рассвету, когда он решил все же немного вздремнуть, она набралась смелости и сама опустилась на него, постанывая и умоляюще заглядывая в глаза. Он моментально стряхнул сонливость и потянулся губами к ее груди:

– Ты прекрасна, моя Роза!

Когда вдалеке заржали кони, готовые отправиться в путь, Джанлуцко вскочил и обнаружил, что Роза уже ушла. Он стянул с кровати простыню, полюбовался ярким пятном на тонкой льняной ткани и спрятал полотно в сундук. Незачем кому-то знать, что Роза только его. Он вернется к весне и женится на ней! Да! Так и сделает!

Схватив дорожный мешок, младший Джанброцци выбежал во двор навстречу конюху и радостно хлопнул жеребца по морде:

– Привет, Быстрый! Едем на север?

Конь тихонько заржал, радуясь подsunутой морковке, и Джанни счел, что это хороший знак.

Роза провожала его, стоя у окна детской. Между ног саднило. Измученные поцелуями губы сладко ныли, соски терлись о грубую ткань нижней сорочки, но внутри нее что-то пело и рвалось туда, на холодный камень купеческого двора. Хотелось обнять Джанни на прощание. Заглянуть в его глаза, провести рукой по тугим черным кудрям. Он так красив, молод и горяч, а она думала, что навсегда похоронила себя под вдовьим покрывалом...

Позади захныкала малютка Джина, и Роза отошла от окна, чтобы покачать кроватку. Джанни уехал, а она будет ждать. Прясть, петь, рассказывать детям сказки, штопать чулки и шить сорочки. Зима – тихое время. Все прячутся под крыши, греются у очагов, попивая вино и сплетничая. Ох, только бы никто их не заметил! Роза неожиданно вздрогнула, поежилась и даже подошла к огню, чтобы раздуть угли. Сердце обвинил холодок. Она неровня наследнику купеческой семьи. Ей позволят быть любовницей Джанни, пока он собирает капитал, а потом найдут хорошенькую девушку с приданым. Но может, и ей достанется кусочек счастья? Год или два рядом с любимым мужчиной?

Вздыхнув еще раз, Роза встала, спрятала под покрывало выбившиеся косы и пошла за водой. Новый день наступает. Нужно поставить ведро в камин, чтобы умыть с утра смуглые щечки младших Джанброцци. Потом принести еще дров, забрать с кухни поднос с завтраком, накормить всех, а после усадить девочек шить наряды куклам. Мальчиков заберет Джакопо, старый слуга уведет их на конюшню и будет учить чистить и холить коней. А там уж синьора заглянет в детскую – проверит, все ли хорошо, и поведет Литту на кухню – учиться готовить и считать продукты. Джина сможет поспать под тихое пение, а Бетто будет пробовать ходить, цепляясь за мебель. Обычный день в большой семье.

Вечером все соберутся в зале, у камина, и синьор Батиста расскажет домочадцам о дороге на север. О диковинных зверях, растениях и людях, которые там встречаются. Покажет раскрашенные дощечки, на которых Джанни рисовал свой путь в прошлый раз, и подарки, которые почтительный сын привез родителям. В этом городе верили, что человек, которого помнят – вернется.

Следующий месяц прошел для Розы словно во сне. Она все так же сидела с детьми, шила, помогала перебирать бобы к ужину или изюм для пирожков. Вечерами спускалась в общий зал и даже иногда

улыбалась, когда ее подопечные принимались танцевать и петь, чтобы порадовать домашних. Но ее сердце было там, в пути, на каменистых дорогах севера.

Через месяц в голубятню прилетел замученный голубь. Купец сам помог летуну добраться до кормушки и снял с него крохотный кожаный футляр с письмом. Джанлукко писал отцу, что они пересекли границу, потерь нет, и теперь все лишь в руках Божьих. Взволнованный синьор Батиста в тот же день пригласил каноника и отслужил в доме благодарственную литию. Роза стояла на молитве вместе со всеми домочадцами и от всего сердца просила Бога ниспослать Джанни удачу во всем.

Молодая женщина так увлеклась, что не заметила интереса, который каноник проявил к ней. А между тем служитель храма, собирая книги и свечи, спросил у синьора Батиста – что за вдова живет в его доме, уж не родственница ли? Купец же, не заметив подвоха, ответил – нет, не родственница. Служанка. Няня младших детей. Служитель похвалил синьора за христианское милосердие и тут же пожаловался, что его перевели в собор недавно, и некому навести порядок в его скромном жилище. Синьор Батиста отмяк душой после молитвы и предложил канонику прислать служанку:

– Не волнуйтесь, святой отец, у нас в доме хватает ловких женщин. Пришлю к вам кого побойчее.

– Благодарю от души, синьор Батиста, да только неуместно мне, служителю церкви, принимать в доме девиц. Как бы не случилось поклепа...

В обычный день синьор Джанброцци, может, и поберегся помогать там, где не просят, но добрые вести притупили его обычную цепкость.

– О чем речь, святой отец. Велю Розе к вам заглянуть. Она честная вдова, и в этом не будет худого!

Храмовник ушел, а купец отыскал няньку возле детей и велел ей на следующий день сходить к служителю храма, чтобы прибрать в его келье.

– Возьми, что нужно для уборки, с собой, – важно покивал головой старший Джанброцци, – и захвати на кухне ковригу хлеба, круг сыра и кувшин вина. Пусть святой отец помолится за нашего Джанни!

Роза молча поклонилась. Ей и так хватало забот с малышами, но послушаться купца она не смела.

На следующий день молодая женщина собрала в корзину старые тряпки, немного мыла, щетку, запасной передник и чепец. Во вторую корзинку отправились подарки. До Храмовой улицы вдова шла неспешно – тяжелые корзины оттягивали руки, а еще ей хотелось немного отдохнуть от вечной суеты детской комнаты и посмотреть на город. Ее не узнавали, ведь она редко покидала дом Джанброцци, однако, завидев черное покрывало, многие вежливо кланялись.

Роза быстро добралась до храма, спросила у служки, где келья каноника, и, подойдя к добротному домику, постучала. Мужчина в строгой рясе открыл дверь и тут же расплылся в улыбке:

– А, служанка из дома Джанброцци! Приступай! – каноник посторонился, пропуская женщину в дом, но не ушел.

– Синьор Джанброцци просил передать вам этот скромный подарок, – не решаясь протискиваться мимо крепкого еще мужчины лет сорока, служанка вручила ему корзинку с гостинцами.

Это сработало – каноник отступил в глубину дома, чтобы заглянуть в корзинку, и Роза вошла в дом, настороженно сверкая темными глазами.

По правилам церкви, ее служителям надлежало пребывать в бедности, посте и молитве. Однако келья каноника отличалась приличными размерами. Примерно половину домика занимало единое пространство, включающее в себя сразу и кухню, и прихожую, и некое подобие гостиной. Слева располагалась кухня. Там стояла дровяная печь с плитой, открытые полки с простой посудой и шкаф для продуктов. Еще был утопленный в пол ларь для овощей и стол для готовки. Роза решила начать отсюда, потому что здесь ей все было понятно. Странно, что в доме Божьего служителя вся плита залита жиром, горшки закопчены, словно в них варили мясную похлебку, а на полках красивого резного шкафа стоит множество драгоценных безделушек и книг. Но кто такая Роза, чтобы судить?

Подобрав верхнюю юбку, как делают это поденщицы и прачки, молодая женщина вынула из корзины просторный рабочий фартук и повязала его, полностью скрывая фигуру от шеи до пят. Полотно передника можно вскипятить с золой, а вот плотную шерсть ее темных юбок стирать замучаешься, да и краска отойдет. Лучше побережь

единственное выходное платье! Вдовье покрывало Роза так же аккуратно сняла и убрала в корзинку. Взамен натянула уродливый полотняный чепец на завязочках – он отлично уберегал волосы от паутины, пыли и сажи.

Потом молодая женщина нашла в углу ведро и повернулась к хозяину кельи, чтобы спросить, где тут колодец. Каноник смотрел на нее почти с презрением, но про колодец все же ответил. Сходяв за водой, Роза принялась за уборку. Она скребла, мыла и чистила, погрузившись в свое дело, и не заметила, что каноник подобрался к ней очень близко. Однако ощутив на талии мужские руки, молодая женщина вздрогнула и обернулась.

– Что такое, святой отец? – спросила она, борясь с желанием заехать ему по физиономии грязной тряпкой. – Споткнулись?

Мужчина раздраженно сверкнул глазами, но руки опустил.

– Да, не устоял на ногах! – сказал фальшиво, а потом вдруг огладил Розу по заду.

Она дернулась и закрутилась на месте, заставляя мужчину отступить.

– Что такое, синьор? Неужели паук прицепился? – непонимающе хлопнула она ресницами.

– Показалось, юбка помялась, – с пошленькой улыбкой ответил слуга, отступая.

– А у вас уют есть? Может, вам нужно облачение погладить? – сказала Роза, изображая дурочку, не понимающую намеков.

«Мятыми юбками» иногда называли девиц, ночующих с дружками на сеновале.

Каноник отошел от нее, ощерясь, но вдова уже не поворачивалась к нему спиной и вообще старалась быстрее закончить работу и уйти.

Глава 7

С отъезда Джанни прошел месяц, когда Роза заметила, что ее «женские дни» не пришли в свое время. Это было странно. Потом пришла бледность, тошнота по утрам и желудочные колики. Испугавшись, в один из дней молодая женщина отправилась к травнице, что жила на соседней улице. Лекари брали за прием слишком дорого, а повитуха, которая неплохо лечила женские болезни, была слишком болтлива. Травница же – тихая старушка, отличалась удивительной молчаливостью.

– Добрый день, синьора, – Роза, стесняясь, зашла в лавку, подгадав самое тихое время дня.

– Добрый день, синьора, – старушка подняла выцветшие глаза от пучка лаванды, с которого аккуратно обрывала соцветия.

– Я чувствую недомогание и хотела бы купить травы, помогающие в этом случае.

– Что ж, опишите, что чувствуете, – сказала старушка, не прерывая своего занятия.

Роза перечислила все и напоследок добавила, что у нее пропали «женские дни», но это, пожалуй, нормально, она ведь уже немолода.

В ответ старушка хрипло рассмеялась:

– Ох, синьора, насмешили. Или вы решили, что глупая старуха даст вам зелье, чтобы вытравить плод? Таким не занимаюсь!

– Какой плод? – хлопнула ресницами Роза, и травница смягчилась.

– Неужели вы ни разу не носили дитя под сердцем, синьора?

– Не пришлось, – она закусила губу, чтобы сдержать жалобный всхлип.

– Так вот, Бог послал вам радость. У вас будет ребенок. Берегите его. А от тошноты попейте имбирный чай или мяту и ромашку. Еще хороша огуречная трава и иссоп.

Получив рекомендации и мешочек с травами, ошеломленная Роза вышла из лавки. Беременна! Не может быть! У нее будет ребенок! У нее и у Джанни! Это... это просто чудо!

Она шла к дому Джанброцци и едва не приплясывала от радости. Улыбалась всем встречным и потому не заметила злобного взгляда

каноника, выходящего из комнат синьора. Но уже в детской Роза озадачилась насущными вопросами – она вдова. Джанлукко далеко и неизвестно когда вернется. Что скажут люди? И не пора ли ей потихоньку съехать из гостеприимного дома Джанброцци? Но если она уедет, как ее найдет Джанни?

Проведя беспокойную ночь, Роза решила не спешить – пока никто не знает ее маленький секрет, она вполне может списать свое плохое самочувствие на проблемы с желудком, а там уже видно будет.

И снова полетело время – день за днем. Писем от Джанни больше не было, а вот уборка у каноника стала еженедельным делом. Иногда у Розы получалось увильнуть – ссылаясь на женскую нечистоту, но настырный священнослужитель вновь являлся в дом Джанброцци, чтобы провести молебен, и в качестве оплаты брал помощь служанки по дому. И ведь жаловаться было не на что! Хитрый служитель изъяснялся намеками и умудрялся якобы случайно зажать Розу в своей тесной кухоньке.

Наконец, измученная его приставаниями, она не стала сдерживать рвотный позыв и запачкала только что отмытый пол. Как ни удивительно – каноник все понял! Тотчас отпрыгнул от женщины, как от ядовитой змеи, и зашипел, словно огонь на сковородке:

– Вот, значит, как! Меня приласкать не сподобилась, а какому-то грубому мужику позволила залезть к тебе под юбку? Ну держись! Сегодня же госпожа Джанброцци узнает, какую развратницу пригрела на груди!

– Да и пусть узнает, – устало вздохнула Роза.

Отяжелевший живот и приставания каноника так измучили женщину, что она впала в какое-то странное равнодушие. Собрав рвоту, она окатила пол кипятком и ушла, забрав корзины и тряпки. Служитель церкви ее не удерживал. Однако мстительный и мелочный мужчина выполнил свое обещание уже на следующий день. Он явился к госпоже Джиневре перед самой сиестой и, сказав проповедь о нечестии, поведал о беременности Розы. Синьора поначалу изумилась и велела позвать няньку, но, услышав, что это ребенок Джанни, разгневалась. Она сочла это обманом и уговорила каноника наказать лгунью. А тому того и было надо. Розу немедля забрали в храмовую тюрьму – холодный подвал в одном из пределов – и заперли там без воды и еды.

Больше всего будущую мать пугала неизвестность. Каноник протащил ее через весь город, обзывая блудницей и лгуньей. А еще зубы стучали от холода, и приходилось постоянно ходить, чтобы согреться. Поздно ночью храмовник явился в темницу, принес корзинку с хлебом, сыром и горячим супом. И даже одеяло прихватил. Правда, речь вел не о спасении души, а о спасении тела. Он предлагал Розе «показать, чему ее научил младший Джанброцци», чтобы устроить ей побег. Женщина не верила в обещания, да и липкий взгляд каноника обещал ей не спасение, а муку, так что Роза отказалась и провела в холодном подвале три дня. А на четвертый день ее вытащили на площадь перед церковью и оглушенной, измученной и усталой прочитали решение соборного совета – за ложь, блуд и клевету выпороть кнутом и выгнать из города!

Сказать Роза ничего не успела – ее поднятые над головой руки в минуту прикрутили к позорному столбу, клинок палача скользнул от шеи к подолу, разрезая одежду, выставляя на всеобщее обозрение дрожащую голую спину, а в следующее мгновение позади свистнул кнут...

* * *

Молодой Джанброцци был счастлив! У него все получилось! Он продал товары, довел караван в полном составе и теперь возвращался домой с туго набитой мошной. Да еще в воскресный день! Будет благодарственная месса, будет праздник, и милая Роза, каждую ночь приходящая к нему во снах, снова раскинется своим потрясающе сочным и прекрасным телом на его постели!

В мечтах Джанни уже обнимал ее, но головой понимал – сначала нужно довести людей и телеги с товаром до родительского дома. Впрочем, все равно сейчас все гуляют по храмовой площади, лучше сразу поехать туда! Он сделал знак возницам и первым повернул на знакомую улицу.

Народу на площади было не протолкнуться. Странно, служба уже закончилась, ярмарки вроде нет. А, стал виден палач у позорного столба, донесся свист кнута и стон. Казнь. Не самое приятное зрелище для возвращения. Джанлуцко хотел было повернуть назад, но его

заметили, и толпа расступилась. Он вынужден был проехать вперед и очень удивился, увидев рядом с помостом свою семью.

– Отец, мама, что вы здесь делаете?

– Джанни, ты вернулся! – на него налетели, кажется, все, желая обнять.

– Ерунда, сынок, едем домой!

Синьора Джиневра вдруг засуетилась и попыталась развернуть сына, но наследник рода был упрям – он уставился на помост и вдруг страшно побледнел.

– Роза? – он прямо из седла взлетел на помост и перехватил кнут. – Роза!

Веревки упали к ногам женщины, и он развернул ее к себе, не замечая того, что с нее почти упало платье.

– Джанни, это правда ты? – она с трудом открыла напухшие глаза. – Так возмужал! – ее пальцы бессильно скользнули по его лицу. – Твой малыш, я вас люблю...

И потеряла сознание.

Растерявшийся молодой мужчина вдруг понял, что прижимает к себе не гибкую талию любовницы, а тугий живот довольно приличного размера. Сколько его не было? Полгода? Больше? Выходит, Роза беременна! Что же она делает у позорного столба?

– Мама? – сын купца соображал быстро.

– Джанни, эта бессовестная девка уверяла, что беременна от тебя! Ее наказали за ложь!

– Лекаря! – Джанлукко развернулся к своим людям, подошедшим к помосту, потом обратно к матери: – Роза – моя невеста! Я уехал, подарив ей кольцо! Она честная женщина! Она та, которую я люблю!

Лекарь из каравана быстро растолкал товарищей и попросил:

– Синьор, синьору лучше положить... на живот.

Джанни спустился с помоста и уложил Розу прямо на телегу с товаром. Потом огляделся и скомандовал:

– В гостиницу у ворот!

– Джанни, сынок! – мать торопливо бежала к нему. – Тебя ждут дома! Я прикажу...

– В гостиницу! – яростно крикнул молодой Джанброцци, и люди расступились, пропуская караван.

Увы, чудеса в этом мире случаются редко. К вечеру, несмотря на все усилия лекаря, Роза потеряла ребенка. Крошечный мальчик не издал ни одного звука, когда она с рычанием и слезами вытолкнула его из своего тела.

Джанни сидел рядом, держал ее за руку, и его ресницы отяжелели от слез. Он сам завернул неподвижное тельце в простыню и уложил в корзину. Сам сидел рядом с Розой, смазывал маслом ее раны и расчесывал волосы, уговаривал поесть и пел песни, которыми когда-то соблазнял ее. Ничего не помогало. Она уходила. Ускользала сквозь пальцы вместе с темно-алым потоком крови, которую лекарь никак не мог остановить. К утру лицо Розы превратилось в мертвенно-бледную восковую маску. Последняя улыбка застыла на губах. Сидящий рядом лекарь тихонько вздохнул и с усилием закрыл ей глаза.

– Синьор, ваши родные, они ждут в гостиной с полудня...

Джанни вздрогнул, медленно встал, неохотно выпуская еще мягкую руку возлюбленной. Оглядел окровавленную постель, брошенное в угол вдовье платье, заставленный бесполезными снадобьями столик и медленно кивнул:

– Я выйду к ним, Мауро, а ты распорядись, чтобы Розу приготовили к погребению. Пусть женщины омоют ее тело, смажут раны и наденут самое красивое платье, которое найдется у меня в сундуке. И мантилью. Белую. Как невесте.

Лекарь – спасенный в путешествии мавр – не посмел возражать. Принял кошелек и склонил полуседую голову. Он бы мог сказать молодому господину, что его приказ вызовет кривотолки в городе, но старик знал, что горе трудно утешить, и не стал лезть с советами.

Джанлукко вышел в гостиную и нашел там дремлющего в кресле отца и зятя.

– Джанни! – увидев его, старший Джанброцци быстро потер ладонями лицо, заставляя себя проснуться.

– Да, отец, – холодно ответил сын купца. – Вы с матушкой приготовили к моему возвращению отличный подарок! Тела вашей невестки и внука будут похоронены сегодня. Товары, книги и деньги я передам вам через час. Только рассчитаю своих людей.

Синьор Батиста виновато потупился:

– Джанни, мы же не знали...

– И не хотели знать! – Джанлукко чуть не сорвался, но в последний момент взял себя в руки. Роза не любила ссор. – Можете не приходите на похороны. Я вас не жду.

Развернувшись, молодой купец прошел в купальню. Какая-то добрая душа оставила там теплую воду, мыло и чистую одежду. Джанни было все равно. Он мог умыться ледяной водой, как приходилось это делать на севере. Быстро сменив окровавленную одежду на чистую, он вышел во двор. Караванщики не спали. Они не разошлись, а тихонько подремывали по очереди у костра, как привыкли в походе.

– Братья, – голос Джанни разнесся над двором, заставляя всех затихнуть, – сегодня я потерял любимую женщину и ребенка. Прежде чем мы расстанемся, я приглашаю вас на поминальный обед. А сейчас подходите по одному, я выдам вам жалование.

Все прошло быстро. Как и обещал, через час Джанлукко принес отцу путевые книги, сундучок с монетами и ключи от сундуков с товарами в повозках.

– Моя повозка, кони и лекарь останутся со мной, – сказал он, передавая родителю все, что привез. – Себе оставляю жалование старшины каравана и процент от тех товаров, которые покупал и продавал сам. После похорон я уеду.

– Джанни, – старший Джанброцци только вздохнул, – ты не должен так поступать! Твоя мать погорячилась, но она раскаивается! Тебя ждет большое будущее! Ты счастливо вернулся из опасного путешествия, погорюешь, и все пройдет! В нашем городе много девушек...

Сын круто развернулся и ушел, оставив отца одного с полным сундучком серебра.

Похороны прошли быстро и почти тайно. Роза лежала в гробу, одетая, как невеста, но рядом в кружевной простыне лежал ее ребенок. Джанни не плакал. Он бросил первую горсть земли на крышку гроба и вздрогнул от гулкого звука. Когда могильщики закончили работу, молодой Джанброцци показал на скромный холмик местному каменщику:

– Плиту из белого мрамора и букет каменных роз в вазе. Подписать «Роза, невеста Джанлукко».

– Все понял, – каменщик довольно поклонился. Белый мрамор дорог. А убитый горем сын купца не скупится.

Оставив распоряжения, Джанлукко вернулся в гостиницу и пересчитал оставшееся серебро. Его было немного, но вполне хватит, чтобы закупить в дорогу еды, мелочного товара и... снова отправиться в путь. Вместе со спасенным лекарем и подобранным на караванных тропах мальчишкой. У семьи Джанброцци больше нет наследника!

Следующим утром повозка Джанлукко покинула город. Джанни узнал все дороги Итилии, все самые дальние тропы и деревушки. Дважды в год он возвращался в родной город, чтобы отслужить мессу на могиле Розы и рассказать ей о своей жизни. Когда сундучок с серебром наполнился, а старый лекарь стал плохо ходить, Джанни купил себе дом с большим участком земли неподалеку от кладбища и взялся за разведение роз. Таких пышных кустов с такими крупными цветами никогда прежде не видели в Пьяченце! Несмотря на богатство и красоту, молодой Джанброцци так и не женился. Он воспитал приемыша и оставил ему свой дом и свой сад с условием – похоронить его рядом с Розой. Это условие было выполнено, и рядом с вазой, полной каменных роз, дважды в год появлялась ваза с живыми цветами – в память о любви Розы и Джанлукко.

Глава 8

Третья встреча

Крепкая монахиня с удивительно молодым лицом склонилась над больным и быстрыми аккуратными движениями промокнула его лицо прохладным полотенцем. Температура уже повысилась, и даже такое короткое прикосновение прохлады было невыразимо приятно.

– Потерпите, сударь, доктор сейчас подойдет!

Мужчина, лежащий на соломе, стиснул зубы, сдерживая ругательство и тошноту:

– Чем он мне поможет, сестра? Чума не щадит никого...

– И все же постарайтесь дождаться лекаря, – мягко произнесла женщина, подала мужчине кружку с водой и отправилась к следующему пациенту. Тот уже не шевелился, и, коротко пробормотав молитву, сестра Бенедикта позвала носильщиков, чтобы вынести тело.

Чумной госпиталь не то место, где хотел бы очутиться любой житель Франконии, но Грегу Хромому не повезло. Ветеран дослужился до должности десятника в городской страже и уже начал присматривать домик на окраине и приятную вдовушку для компании, как вдруг на город обрушилась чума. В считанные дни улицы украсили белые кресты, отмечающие дома, в которых есть заболевшие, и постепенно эти кресты сменялись на черные – в тех домах, где умерли все.

Лечения от чумы не было, хотя лекари пытались всячески смягчить последствия, заваривали травы, снимающие лихорадку, испытывали на заболевших странные порошки – от паучьей травы до мозга мышей, но ничего не помогало. Впрочем, в госпиталь попадали только те, кто упал на улице. Из домов старались не выходить, только выносили на дорогу трупы. Каждое утро из центрального госпиталя, устроенного в монастыре бенедиктинок, выезжала пара телег. На одну складывали живых, на вторую – тела умерших. И часто в середине пути из первой телеги перекладывали во вторую, заунывно напевая псалмы.

Доктора ходили всюду в плотных кожаных балахонах, с длинноклювыми масками и плотными перчатками. На площадях горели костры, в которые щедро кидали гвоздику, надеясь отогнать призраков болезни, но все было напрасно – смерть продолжала собирать свою дань.

Грег Хромой все же дождался доктора, назначившего ему кровопускание и настой трав против лихорадки и тошноты. Сестра Бенедикта вскоре подошла к нему с кружкой и медленно, по капле выпоила больному лекарство. Рядом лежали другие больные и умирающие. Мужчины, женщины, дети. Все они нуждались в милосердии и заботе, но сестра Бенедикта позволила себе минуту передышки возле этого больного. Просто присела на минутку, дала попить, снова промокнула лицо, взгляделась в резкие черты лица мужчины. Его трудно было назвать красавцем – слишком много шрамов украшало его руки и лицо. Однако он был спокоен, что было здесь редкостью. Большинство больных, открыв глаза, принимались кричать, плакать, проклинать и даже бить врачей и монахинь. Некоторые впадали в безумную ярость, считая, что если они обречены умирать, значит, все вокруг тоже должны умереть.

Ежедневная борьба со смертью так выматывала, что, когда очередная сестра умирала, подхватив заразу от пациентов, настоятельница говорила:

– Вот и отдохнет Христова невеста!

Минута отдыха придала сестре Бенедикте сил. Укрыв Грега тонким потертым одеялом, она перешла к лежащему рядом почтенному торговцу, потом к подростку, найденному у Рыбного камня, потом еще и еще. Для каждого находилось доброе слово или успокоительная молитва.

Поздним вечером, когда пациенты затихли, а сестер в ночи сменили братья-монахи, привычные к ночным бдениям, у сестры было немного времени, чтобы сменить одежду, обтереть тело ароматическим уксусом, защищаясь от болезни, а потом упасть на узкую койку с жестким и колючим тюфяком, набитым сеном, и уснуть, даже во сне обихаживая больных. Однако монахиня урвала кусок этого драгоценного времени, чтобы подойти к молчаливому стражнику. Ему явно стало хуже. От покраснел, стиснул зубы, на лбу выступил

холодный пот. Женщина неспешно, стараясь не беспокоить больного, промокнула его лицо чистой тряпицей, и он тут же распахнул глаза:

– Сестра, – сказал хрипло, – спасибо!

Бенедикта молча поднесла ему кружку с отваром, помогла дойти до отхожего места и снова закутала в тощее одеяло из колючей шерсти, аккуратно погладив по плечу.

– Поправляйтесь, сударь, вы крепкий мужчина, и я уверена, сможете справиться с напастью! – сказала она на прощание.

Утром его место на соломе было пусто. Сестра Бенедикта спокойно взялась за привычные дела – напоить, подкормить жидкой овсяной похлебкой тех, кто еще мог глотать, убрать за страдающими, отвести к отхожему месту, собрать миски, позвать священника...

Вечером она, как обычно, ушла в свою келью, привычно омылась, переделалась в рубашку, легла, накрывшись ровно таким же жестким и колючим одеялом, какими укрывали больных. Вытянулась и затихла. Обычно после длинного дня в трудах монахиня сразу засыпала, но сегодня, стоило ей закрыть глаза, перед ней вдруг прошла ее жизнь.

Скромная семья из предместий. Мать – прачка, отец – каменщик. Они умерли в самую первую волну чумы, которую запомнила маленькая Полетт. Ее забрали монахини и поместили в монастырский приют. За белеными стенами монастыря было спокойно. Работа – такая же, как дома, немного учебы – это было волшебством, когда буквы вдруг заговорили с ней! Пение в церковном хоре – мать-регент решила, что голос Полетт не отличается особой красотой, так что вскоре ей сменили послушание на уборку в храме. Когда девочка выросла, ей предложили постриг, и она согласилась. Мир за воротами монастыря не привлекал ее, она видела, как он бывает страшен.

Годы неслышно шелестели под монашеской мантией. Были маленькие успехи и радости, было томление духа и слезы – многое она пережила и в свои тридцать считалась особой строгой, сдержанной, но милосердной. Без покровителей и солидного денежного взноса она должна была всю жизнь оставаться простой монахиней, но это сестру Бенедикту не пугало. Даже чума, вновь заглянувшая в город, не пугала. Это была просто работа – грязная, тяжелая, но необходимая Богу и людям.

А теперь ей вдруг показалось, что вся ее прежняя жизнь была прелюдией к этой встрече с измученным болезнью мужчиной. Как он

смотрел. Как он говорил. Как мокрые от пота волосы прилипли к его вискам...

До рассвета из кельи доносилось едва слышное бормотание заупокойной молитвы, а утром бледная и утомленная сестра Бенедикта вновь вышла на службу в госпиталь.

Она прожила еще много лет, став старейшей монахиней монастыря. Пережила еще две вспышки чумы и массу других эпидемий, а умерла тихо, во сне, держа в руках молитвенник с закладкой на заупокойной молитве. Молодые любопытные сестры сунули нос в книгу и увидели, что на полях рядом с текстом молитвы было выведено имя Грег.

– Так вот за кого она так истово молилась каждый день! – удивилась одна сестра.

– Мужчина! – возмутилась другая. – А ведь сестру Бенедикту почитали безгрешной!

– Может быть, это ее отец или брат, – пожала плечами третья.

– Я слышала, что матушка Бенедикта приняла постриг после монастырского приюта, где бы она успела познакомиться с кем-то еще? – сказала первая, аккуратно накрывая тело простыней.

– Покойся с миром! – хором сказали девушки и вышли вон.

Глава 9

Четвертая встреча

Жаркий полдень мучителен среди раскаленных камней огромного города. Вся зелень укрыта высокими стенами частных владений, а редкие «общественные» деревья прячут в своей тени нищих побирушек, сонных цыган да бродячих собак. И влезать в их компанию новичку – дело гиблое. В лучшем случае побьют. Молодой безземельный дворянин дон Хосе Сааведа подошел к фонтану, поставил сложенные ладони под тонкую струйку и жадно припал к ледяной воде. Стало немного легче. Он умылся, стряхивая пыль с черных, как смоль, кудрявых волос, поправил небольшие усы и бородку, отряхнул пыльный плащ из грубой домотканной шерсти, потом оглядел площадь, окруженную домами. В час сиесты здесь никого не было, и стучать в глухие калитки было бесполезно – ни один уважающий себя гишпанец не отворит дверь в два часа после полудня.

Еще раз брызнув водой в лицо, путник обошел фонтан, постелил свой плащ в скудную тень от скульптуры, накрыл голову и задремал. Отец отправил его в столицу искать счастья, выделив на дорогу окорок, кусок сыра и стопку пресных лепешек. Мать сняла с шеи крест, украшенный четырьмя жемчужинами и крохотным рубином, а сестра сунула в его дорожный мешок молитвенник. Вот и все сборы.

Впрочем, было еще кое-что – в столице обитал дядя матери. Для Хосе он был двоюродным дедом и не считался такой уж близкой родней, но других родственников, способных помочь молодому идальго, в Мадриде не было. Вот и затвердил дон Хосе адрес дона Аугусто Трабы в надежде на помощь. Может, старик еще не совсем зачерствел и подыщет внучатому племяннику местечко секретаря или стража? Да Хосе был готов стоять у двери, отгоняя любопытных, только бы за этой дверью кормили, дали место для ночлега да пару рубашек и камзол в год.

Его родное поместье после трех лет засухи обнищало так, что мать и сестра больше напоминали сожженных солнцем крестьянок, чем благородных дам. Слуги разбегались в поисках лучшей доли,

оливковые рощи сбрасывали плоды и листья, виноград побило внезапными заморозками, и уже третий год они питались только овощами, благодаря Бога за маленький родничок, бьющий рядом с домом.

Когда стало ясно, что эту зиму пережить будет практически невозможно, Хосе решился идти искать если не счастья, то хотя бы работы. Молодому здоровому мужчине нужно есть – желательно три раза в день, и не только пресные лепешки с козьим сыром.

Часа через два, когда солнце ушло из зенита, а тени удлиннились, молодой идальго встал, отряхнул плащ, снова умылся, попил воды и достал из тощей котомки последнюю лепешку и затвердевший кусок сыра. Подкрепившись, он нашел нужный ему дом и решительно взялся за тяжелый дверной молоток.

Калитка отворилась не сразу. За ней стоял высокий круглый мужчина в темном вышитом жилете и ярком кушаке поверх поношенной, но чистой рубахи и темных штанов:

– Что угодно синьору? – спросил он, хмуря густые черные брови.

– Дон Хосе Сааведра с визитом к дону Аугусто Траба. Скажите благородному дону, что я сын его племянницы Беаты.

– Ждите, синьор, – ответил слуга, запирая калитку.

Хосе не обиделся – вид с дороги у него был потрепанным, а проходимцев в Мадриде не жаловали. Через четверть часа засов сновабрякнул, и появившийся слуга так же равнодушно сказал:

– Проходите, синьор, дон Аугусто ждет вас!

Гость прошел за калитку и быстрым взглядом оценил то, что увидел. Двор, мощенный камнем, небольшой экипаж под навесом, увитым виноградом. Гранатовое дерево, да не одно! Горшки с геранями и даже розовые кусты! Когда-то двор их усадьбы был украшен точно так же! Похоже, в доме двоюродного дедушки есть женщина! Возможно, это почтенная синьора, живущая уютно и покоем большого дома, а может, юная дочь, ожидающая жениха. Кто знает? Дом красив и богат, весьма ухожен и покоен.

На миг Хосе уколола зависть – ему тоже хотелось бы иметь такой дом. Особняк в усадьбе давно обветшал и требовал вложения денег. Ну что ж, если святой Франциск будет к нему благосклонен, он заработает и на ремонт, и на свадьбу с соседской дочкой – шумной и смешливой Кармелитой.

Слуга вел дальнего родственника через боковой вход, но Хосе не возражал. Не его пыльными сапогами топтать натертую мелом мраморную лестницу. Впрочем, и пусть для слуг был чистым и опрятным, а холодный каменный пол прикрывали свежие циновки. Вот это уже было удивительно – не каждая хозяйка так заботилась о слугах и незваных гостях!

Хосе привели в небольшую комнату с прикрытыми ставнями окнами.

– Ожидайте здесь, – сказал слуга и удалился.

Идальго огляделся – небольшая гостиная, обставленная старомодной, но прочной и ухоженной мебелью. На столе, покрытом темной узорной скатертью, стоял поднос с бокалами и запотевший кувшин сангрии. Это было приятно. Ожидание затягивалось, и Хосе подошел к окну, чтобы выглянуть в щелку между ставнями. Окна выходили в патио – внутренний дворик, окруженный домом. Тут тоже было много зелени. Апельсиновые деревья в кадках источали приятный цитрусовый аромат, откуда-то доносился запах кофе, и вдруг из галереи, окружающей патио, прямо в центр двора выскочил ребенок. Мальчик – одетый только в белую рубашку, жилет и короткие штаны.

– Мигелито! – мелодичный женский голос разорвал сонную тишину, и в поле зрения идальго появилась синьора.

Дама явно была аристократкой. Весь ее облик просто вопил об этом. Черное многослойное платье из тонкого бархата, белоснежный воротничок, строгий головной убор с черной мантильей не оставляли сомнений.

– Мамочка, – мальчик остановился, подождал, пока женщина приблизится, и обхватил руками ее юбки, – я хочу кататься на лошадке!

– Ты не закончил писать упражнение! – строго отчитала его мать. – Вернись в класс, допиши строфу, а после будешь кататься!

– Мамулечка, моя дорогая! Я так тебя люблю! Ну позволь мне!

– Я тоже тебя люблю, мой мальчик, – смягчилась дама, – но не могу позволить тебе стать необразованным лентяем! Сейчас же вернись в класс!

Мальчик продолжал ныть, но синьора решительно взяла его за руку и повела за пределы видимости.

Хосе подпрыгнул на месте, услышав за спиной легкое покашливание. Он развернулся и увидел сухопарого дона в дорогой черной одежде. Некоторые черты так роднили его с матушкой, что идальго не сомневался ни минуты – сдернул с головы потрепанную шляпу, поклонился со всем возможным изяществом и сказал:

– Позвольте приветствовать вас, дон Аугусто! Я Хосе Сааведа, сын вашей племянницы Беаты. Матушка просила завезти вам письмо!

– Вижу, вижу, – нейтрально сказал двоюродный дед и кивнул родственнику на кресло: – Присядьте, юноша, налейте себе выпить, я прочту.

Хосе молча подчинился. Он не знал, что написала матушка в довольно увесистом послании, но догадывался, что там есть просьба к родичу присмотреть за юнцом, впервые приехавшем в столицу.

Сангрия оказалась приятно прохладной, и вина в ней содержалось совсем немного, так что гость с удовольствием сделал пару крупных глотков, а потом не спеша отпивал понемногу, чтобы выждать время, необходимое на прочтение письма.

Читая, дон Аугусто время от времени бросал на внучатого племянника строгие взгляды, но Хосе его не боялся. Отец его тоже бывал строг, а уж матушка и за розгу бралась, надеясь вложить в голову отпрыска побольше знаний.

Наконец хозяин дома отложил письмо и начал задавать вопросы – что читал его родственник, знает ли романсы и молитвы? Умеет ли седлать коня, фехтовать, делать расчет пути и вести бухгалтерские книги? Получая утвердительный ответ, не удовлетворялся, а требовал доказательств. Хосе пришлось и на конюшню с доном Аугусто прогуляться, и выйти в патио, помахать мечом, и даже перечислить семь добродетелей мужчины из книги о воспитании юношества.

– Что ж, – сказал наконец дон Траба, – приглашаю вас поужинать и переночевать в моем доме, племянник. Сейчас вас проводят в комнату, предложат купальню и одежду.

Хосе поклонился. Возражать он не видел смысла – идти ему все равно было некуда, зато было понятно, что дядюшка присматривается к родственнику, явно держа в голове какую-то мысль.

Глава 10

Прибежавшая на звон колокольчика служанка получила распоряжения и повела гостя в комнаты. Правда, Хосе сразу понял, что эта была та часть дома, в которой жили слуги – очень уж крепко здесь пахло чесноком, луком и трубочным табаком.

– Прошу вас, синьор! – девушка отворила дверь в комнату и пропустила Хосе внутрь.

Простая узкая комната – кровать, сундук, узкое окно, закрытое ставнем, небольшой стол, стул, пустая полка и занавеска в углу.

– Купальня дальше по коридору, синьор, я сейчас принесу чистое белье и простыню, а вот камзола на ваш рост, наверное, нет, – вздохнула служанка. – Сапоги может почистить Брино, да и прочую одежду выбьет.

– Буду рад любой помощи, красавица, – улыбнулся Хосе, бросая на пол тощий мешок и пыльный плащ.

У него не было ни единой медной монетки, чтобы порадовать служаночку и расспросить о хозяевах дома, но матушка много раз говорила ему – будь вежлив с теми, кто ниже, и в трудный час это тебе поможет.

Девушка убежала и вернулась через десять минут с бельем, мылом и простыней.

– Прошу, синьор!

Она проводила гостя в большую купальню, подождала, пока он разденется, забрала его пыльную одежду и уточнила с придыханием:

– Вам помочь с купанием, синьор?

Хосе невольно засмотрелся на пикантный вырез служанки, но мотнул головой:

– Благодарю, я сам, синьорита. Ваша красота для меня слишком большое искушение!

Девушка ушла, довольная комплиментом, а идадьго со стоном удовольствия опустил в теплую воду. Две недели в пути измотали его, да и ночевки в стогах и на фермах не делали его чище или ароматнее.

Отмокнув, Хосе потянулся за мылом и снова удивился. Слуги обычно пользовались самым дешевым зольным мылом, изредка добавляя к нему травы, растущие повсюду – душицу, петрушку или мяту. Но этот кусок тонко и приятно пах дорогой гвоздикой! Или дом этот очень богат, или кто-то позаботился о том, чтобы бедный родственник не чувствовал себя изгоем!

Тщательно вымыв волосы и тело, Хосе завернулся в простыню и подошел к стопке одежды. Он ожидал поношенного белья – из тех, что выделяют слугам, но его ждала новая тонкая сорочка, удобные нижние штаны с завязками, верхние штаны, свежие отрезки для ног и плотный жилет, украшенный вышивкой на каталонский лад.

Он успел одеться и разыскивал в мешке шнурок, чтобы собрать отросшие волосы в хвост, когда в купальню вернулась служанка:

– Синьор, вот ваши сапоги! – она плюхнула на пол начищенную и смазанную обувь. – Белье Лусия забрала в стирку, а камзол вычистила и натерла листьями мяты.

– Спасибо! – Хосе не ожидал такой расторопности.

– Хозяин наш строг и любит, чтобы к столу все выходили при полном параде, так что синьора передала вам шейный платок, ленту для волос и ножницы, чтобы подстричь ногти.

Сааведа изумился такой заботе, но воспользовался всем, что предложили. Дорогого зеркала в купальне не нашлось, но служанка принесла ему начищенную медную пластину, и молодой идальго подправил усы и бороду. Право, он сам себе нравился и даже подмигнул девушке, которая одобрительно смотрела на его действия.

* * *

Гостя проводили в его комнату и сообщили, что зайдут за ним перед ужином. Хосе побродил по узкому пространству и уставился в окно. Оно тоже выходило в сад, но в другую его часть. Рядом была кухня, пахло пригоревшим маслом, кофе и растопленным сахаром. Где-то недалеко гулили голуби, вдалеке раздавались голоса слуг, а потом все стихло, и мужчина замер, прислушиваясь к гудению колес судьбы. Так говорила его мать, когда на комнату или сад внезапно

опускалась тишина: «Бог желает, чтобы мы слышали гудение колес судьбы. Готовьтесь к переменам, мои дорогие».

Как только момент тишины минул, в дверь постучали – служанка пригласила его в столовую. Хосе взволнованно поправил шейный платок и двинулся за симпатичной девицей, невольно провожая глазами ее бедра, гуляющие под юбкой.

– Прошу, синьор! – девушка не вошла в столовую, только открыла для идальго дверь и тут же ушла куда-то в сторону кухни.

Де Сааведа вошел в комнату и залюбовался ее убранством. Большой стол был уже накрыт, серебряные кубки и приборы стояли, но еще никого не было. Через минуту скрипнула дверь, вошел дон Траба.

– А, Сааведа, вы уже здесь! Отлично! Давайте-ка выпьем по глотку вина, пока дамы соберутся к столу.

«Дамы?» – в голове Хосе мелькнуло воспоминание о той донье, что уговаривала мальчика доделать задание. Неужели у дядюшки есть такая молодая жена и наследник? Впрочем, вопросы в его положении задавать не принято. Все постепенно объяснится. Он вместе с хозяином дома подошел к подносу с напитками и получил небольшой стаканчик охлажденного сухого вина. Осторожно пригубил, оценивая букет, и удивился – вино было слишком хорошо для случайного гостя.

Между тем дон Аугусто продолжал изучать внучатого племянника. Задавал вопросы о дороге, спрашивал, что стоит пообедать в таверне и нет ли на мадридской дороге разбойников. Хосе прилежно отвечал, что в трактирах он не останавливался. Покупал у крестьян кувшин сангрии или лепешку с сыром и устраивался на ночлег в пустующем домике сторожа или прямо в поле. Разбойников избегал всеми силами. Впрочем, одинокий путник с тощим мешком – не слишком лакомая добыча, так что его хранил святой Себастьян.

Пока мужчины негромко беседовали, дверь, ведущая во внутренние покои, открылась, и вошли дамы. Первой вошла та самая молодая дама, которую Хосе краем глаза видел в патио. Ребенка с ней не было, зато следом шла дама постарше. Судя по ее наряду – более скромному и грубоватому – это была компаньонка. Последней почти вбежала девочка лет двенадцати – ее уже одели во «взрослое» платье, но подол еще был подшит аккуратной «детской» складкой.

– Розалина, позволь тебе представить моего дальнего родственника, дон Хосе де Сааведра! – сказал дон Аугусто.

Прекрасная, как утренний цветок, дама вежливо склонила голову:

– Рада знакомству, синьор!

– Моя дочь, дон Хосе. Недавно овдовела и вернулась в мой дом вместе с сыном и падчерицей. Она ведет дом и утешает мою старость.

Хосе постарался вложить в свой поклон всю благодарность, которую испытывал к хозяйке, умеющей деликатно заботиться о нуждах гостя.

– Эта почтенная дама – компаньонка Розалины, донья Хуана.

Сааведра снова почтительно поклонился. Его опыт знакомства с дочками соседей подсказывал – с компаньонками, нянюшками и камеристками надо дружить.

– И синьорита Селина де Алмейда, падчерица моей дочери.

Теперь гость изобразил только легкий поклон, но дополнил его улыбкой:

– Рад знакомству, синьорита.

– Что ж, знакомство состоялось. Прошу к столу! – довольно сухо пригласил дон Траба. Кажется, падчерица вызывала у него неприязнь, и он плохо это скрывал.

Как только все сели, слуги начали вносить закуски. У Хосе слюнки потекли от вида лопающихся от спелости помидоров, великолепного белого сыра, оливкового масла и сладкого перца. Ко всему этому служанка внесла стопку тонких лепешек, зелень, ореховый соус и запеченные над огнем баклажаны. Все не чинясь наполнили тарелки, но скромно. Хосе примерился было ко второму куску сыра, но заметил, что Селина смотрит на дверь, и вспомнил, что в богатых домах не ставят на стол все и сразу. Так оно и оказалось. Вскоре принесли густой рыбный суп, благоухающий пряными травами, затем паэлью с колбасками, легкое белое вино и большое блюдо фруктов на десерт.

Хосе вежливо взял гранат, чтобы почистить его для доньи Розалины, но дон Траба опередил его, обжег строгим взглядом и подвинул дочери тарелочку очищенного миндаля. Сааведра не смутился и предложил гранат немолодой компаньонке. Та вежливо кивнула, но отказалась:

– Простите, синьор, мой лекарь мне запретил гранаты.

– Прошу прощения, синьора, я не знал.

Несчастный гранат Хосе съел сам, а после трапезы хозяин дома пожелал гостю доброй ночи, и все разошлись. Спорить с дядей Сааведа не стал – вернулся к себе в комнату, разделся до рубахи и нижних штанов, упал на узкую кровать и устался в потолок. Что ж, он жив, сыт и спит не на холодном камне у фонтана. День прожит не зря! Он прочитал молитву Пресвятой Деве и святому Христофору – покровителю путешественников. Матушка наставляла его, что человек, идущий по выбранному пути, всегда путник и может просить этого святого о покровительстве. Потом выпитое за ужином вино дало о себе знать, и Хосе уснул.

Утром его разбудила уже знакомая служанка. Она принесла теплой воды для умывания, полотенце, мыло, свежую сорочку и белье, а когда молодой идальго поблагодарил ее, покраснелась и сообщила:

– Сейчас принесу вам завтрак, синьор, дон Аугусто просил вас предупредить, что ждет вас в своем кабинете в десять часов.

– А сейчас сколько? – Хосе озадаченно глянул за окно, за которым уже сияло солнце.

– Уже девять, синьор!

– Придется поспешить! – гость не стал тянуть, сразу отправился за ширму умываться и одеваться, а девушка торопливо ушла.

Плеская в лицо теплой водой, Хосе задумался – а чем завтракают в столице? У них в поместье матушка подогревала на огне ломти хлеба и летом поливала их оливковым маслом и украшала мелко рублеными помидорами с чесноком, а зимой на хлеб укладывали сыр или ломтик копченой свинины. Но чем же завтракают в столице?

Служанка вернулась довольно быстро, и от подноса в ее руках поднимался дивный аромат. Во-первых, тут был омлет с зеленью и кусочками сыра. Он благоухал так, что благородный идальго с трудом удержал себя в руках. Рядом лежал свежий хлеб, паста из перца, помидоров и баклажанов, полоски зеленого салата, ломтик копченого мяса и целая горка чуррос – жаренных в масле палочек из теста, обильно посыпанных сахарной пудрой. Запивать всю эту благодать предлагалось сильно разбавленным вином.

Поблагодарив служанку, идальго запер за ней дверь и с удовольствием накинута на еду. Несколько полуголодных зим приучили его дорожить каждой возможностью поесть. Едва он

расправился с последним кусочком, допил вино и обтер руки влажным полотенцем, как в дверь постучали:

– Синьор, дон Аугусто ждет вас!

Что ж, идальго встал, поправил перевязь и оглядел комнату. Чем бы ни закончился разговор с родственником, он будет вспоминать это тихое убежище с благодарностью!

Глава 11

Кабинет дона Трабы Хосе ничем не удивил – у его отца был точно такой же. Беленые стены, сохраняющие прохладу летом и тепло зимой, большой стол, заваленный письмами, бумагами и бухгалтерскими книгами, узкие окна, прикрытые ставнями, тусклый ковер на полу, несколько запертых шкафов и легкий запах пряностей – похоже, дядюшка держал все ценное именно тут.

– Племянник, – дядя встретил его, сидя за столом, – я подумал над твоей ситуацией и решил предложить тебе службу...

Старый дон выдержал паузу, а Хосе прикрыл глаза ресницами, чтобы не выдать свое нетерпение. За последнюю пару зим ему пришлось многому научиться, в том числе – сдержанности.

– Мой внук попрос и готов избавиться от женской опеки. Ему нужен наставник. Тот, кто научит его держаться в седле, фехтовать, прилично вести себя в обществе и держать лицо в сложных ситуациях.

Дон Сааведра молчал, но в голове бурлили мысли. Дядюшка ведь не зря завел этот разговор. Место предложит, а вот жалование? Положит ли? Или предложит «жить в доме по-родственному»? Хосе нужны были деньги. Отчаянно нужны.

Через пять минут Хосе мысленно благодарил всех святых – дядюшка предложил ему место наставника юного Мигеля де Канта. Да, дочь вернулась в дом отца вместе с внуком. Ее супруг был только младшим сыном благородного рода, не имевшим собственного дома. Получив назначенную ей вдовью часть и остатки приданого, донья Розалина предпочла тихий дом отца шумному столичному дворцу.

Мысленно идальго, конечно, удивился – почему вдове позволили забрать сына, но и на этот вопрос он получил ответ:

– У старого де Канта восемь сыновей и четыре дочери. Внуков уже считать перестал. Для меня же Мигелито – единственный наследник. Розалина умная девочка, она обрисовала свекру перспективу, он дал добро на ее отъезд. Раз в месяц они ездят в гости к родственникам отца, так что Розалину и Мигеля там не забывают. Однако мальчика нужно учить.

– Я рад услужить вам, дядюшка, – склонил голову Хосе. – На что мне стоит обратить внимание?

– Манеры. Точный счет. Моему наследнику придется вести дела с разными людьми, он должен быть толковым.

– Я понял, – еще раз поклонился Хосе. – Стоит ли уделять внимание верховой езде, фехтованию и музыке?

– Думаю, де Кант будет рад, если этот мальчишка не осрамит себя в приличном доме, – ворчливо ответил дон Аугусто и переключился на обсуждение жалования.

Вот теперь Сааведе пришлось забыть про родство и выгрызть приличное жалование чуть не зубами. В конце концов сошлись на том, что племянник проживает в доме дядюшки, поэтому получает два камзола и полдюжины сорочек в год. Две пары сапог, белье, штаны, две шляпы, пару шейных платков, плащ, перевязь и полдюжины носовых платков. Белье его стирают дядюшкины прачки, горничные следят за постелью, еду он получает с хозяйского стола. И даже может пользоваться свободной лошадью для прогулок с подопечным или после того, как воспитанник уложен спать.

Однако взамен Хосе полностью отвечает за мальчика, не лапает служанок в доме и помогает дону Трабе с бумагами, буде у него возникнет такая необходимость. А жалованье старик положил скуповатое – десять серебряных монет в месяц. И сдвинуть его с этой точки не получалось. Сааведа вздохнул и подписал бумаги, нанимаясь на службу сроком на год.

– Отлично, племянничек, – улыбнулся дон Аугусто, поднимая бокал с легким вином, – завтра с утра познакомлю тебя с Мигелито, а пока ступай, луна взошла!

Хосе откланялся и, немного вымотанный разговором с дядей и собственным решением, двинулся к скромной гостевой спальне, которую ему приготовили. По дороге он вдруг услышал легкий женский смех, и ему стало любопытно. Оглядевшись, идальго понял, что смех доносился из-за прикрытого ставнем узкого оконца. Он подошел к нему и выглянул в щель, стараясь не задевать скрипучее рассохшееся дерево.

Окно выходило в сад. Луна уже взошла, и среди раскидистых деревьев мелькали странные фигуры в белом. Присмотревшись, Хосе понял, в чем дело – лунное купание! Раз в месяц, на полную луну,

незамужние девицы собирались в укромном месте, чтобы облить друг друга лунной водой. Считалось, что луна, покровительница девичества, укрепит здоровье, добавит красоты и укажет жениха. В поместье, где вырос Хосе, место для лунного купания было давно известно, и парни побойчее пробирались туда заранее, прятались в кустах или на деревьях, чтобы увидеть желанную с распущенными волосами и в одной сорочке. Правда, существовал риск быть пойманным. В таком случае парень считался «добычей луны», и девушка, которая его заметила и поймала, могла утром отвести любопытного к священнику и потребовать немедленной свадьбы. Порой девушки даже сговаривались отловить жениха для одной из них. И вот теперь идальго нечаянно стал свидетелем лунного купания.

Около дюжины девиц от совсем юных до вполне зрелых встали в круг с кувшинами на головах и засемили мелкими шажочками, напевая медленную, тягучую песню, обращенную к луне. Темные волосы, белые одеяния и негромкое пение заворожили идальго.

Он не отрываясь смотрел на круг и не сразу заметил, что девушки остановились. Потом одна из них поставила свой кувшин и встала в центр – на нее щедро плеснули из всех кувшинов, так что вода моментально промочила рубашку и волосы. Девушка, смеясь, умылась, повернулась, и Хосе прикрыл себе рот рукой – это была донья Розалина! Ее рубашка намокла, облепив тело, длинные, до колен, волосы отяжелели и тянули голову назад. Она смеялась! Веселилась, словно ей снова четырнадцать, и ее ждет жених, готовый умыкнуть красавицу из родного дома.

Потом донья вернулась в круг «лунных девиц», и они облили следующую, и еще одну, и еще. Хосе не стал больше смотреть – он поспешил укрыться в своей комнате, надеясь, что никто его не заметил. Вдовы редко выходили в «лунный круг», только если... снова хотели выйти замуж.

Глава 12

Утром Хосе разбудили на рассвете. Знакомая горничная принесла воду для умывания, завтрак и свежую рубашку. Собрался молодой идальго быстро, побрился, пригладил волосы, стянул их в низкий хвост, аккуратно завязал шейный платок – в общем, постарался выглядеть максимально аккуратно.

Перекусив хлебом и сыром, Сааведра выглянул в коридор и попросил пробегающую мимо служанку отвести его к мальчику. Очевидно, на кухне уже знали о смене статуса гостя, поэтому отвели сразу в детскую. Мальчик уже встал, и сонная кормилица наблюдала за его одеванием.

Миниатюрные пальчики с некоторым трудом застегнули пуговицы на камзоле – единственный наследник дон Трабы Хосе с юных лет ходил во «взрослой» одежде, показывающей его статус, и по правилам знатных домов его должен был одевать личный камердинер, но в доме деда он одевался сам. Запрыгнув в ботиночки, ребенок кинулся к двери, спеша на улицу – играть, пока маменька не усадила за скучное переписывание непонятных заумных слов. Однако по другую сторону двери ждал сюрприз: высокий худой мужчина, которого мальчик прежде не встречал.

Незнакомец с улыбкой произнёс:

– Рад встрече, Мигелито. Я дон Хосе Сааведра, твой новый наставник.

Незнакомец вежливо поклонился мальчику, а после – учтиво кивнул головой кормилице. Пожилая женщина легко подтолкнула вдруг засмутившегося воспитанника вперёд.

– А чему вы будете меня учить, дон Хосе?

– Хм-м... – молодой мужчина изобразил глубокие раздумья. – Это будет зависеть от... Давай мы спустимся во двор, и ты мне расскажешь, что уже умеешь?

На улице ребенок раскрепостился и почти уже без смущения болтал о том, какой замечательный у его деда есть конь Быстрый, и как Мигелито хочет однажды на нем участвовать в скачках, и он

неприменно победит, ведь Быстрый – самый лучший конь, о котором он слышал, а сам Мигелито – лучший на свете всадник.

– А умеешь ли ты управляться с клинком, Мигелито? – спросил Хосе, когда они сделали второй полный круг вдоль стен внутреннего двора.

Мальчик смущенно потупил глаза и издал невнятное «нгм». Мужчина протянул ему рукоять шпаги – настоящей, хотя и ненамеченной.

– Попробуй поднять.

Мальчик двумя руками поднял оружие. Он напряжения и восторга у него покраснели щеки и заблестели глаза.

– А теперь сделай выпад, – Хосе подал пример, стремительно падая на одно колено и возвращаясь в прежнее место, жая воображаемого противника в колено.

Ребенок «выпал», но столь расторопно подняться не смог.

– Видишь, Мигелито? Когда-нибудь из тебя может получиться неплохой фехтовальщик, но прежде тебе следует упражняться с деревянным мечом, – мужчина поднял шпагу и выполнил несколько тренировочных приемов.

– И тогда я смогу сражаться так же красиво, как вы?

– И даже лучше.

Некоторое время ушло на то, чтобы отыскать среди вороха учебного оружия деревянный клинок подходящего размера для маленького донна, разъяснить правильный хват и стойку.

Несколько часов пролетели незаметно между объяснениями и отработкой движений, и к началу сиесты ребенок был порядочно утомлен.

– Мигелито, где ты? – голос Розалины разнесся по дворику, словно музыка в ушах Хосе.

– Мам! Мама, посмотри, посмотри! Я уже умею сражаться! – мальчик восторженно залепетал, но бежать уже никуда не стал, оставаясь подле учителя.

Розалина вышла во дворик, кажется, еще более прелестная, чем вчера. Ее строгое черное платье украшал кружевной воротник тонкой работы, на поясе висели драгоценные гранатовые четки, а волосы были убраны черными лентами в пучок на макушке. В своем доме

донья Розалина могла ходить без вуали, и Хосе не сдержался – впился взглядом в ее нежное лицо, пока донья ворковала с сыном.

– Ох, неужели? Мой бравый защитник! – женщина улыбнулась и взъерошила волосы ребенка. – Пойдем, тебе пора отдохнуть.

На Хосе дама бросила взгляд – достаточно недолгий, чтобы соблюсти вежливость, но не более.

Мужчина вздохнул от неясной тоски и усталости – прыгать всё утро пришлось не только воспитаннику, но и воспитателю – и направился в дом. Ему хотелось умыться и выпить холодной сангрии. После следовало заглянуть в библиотеку и подготовиться к дальнейшим занятиям.

К новому человеку в доме слуги отнеслись с вежливой настороженностью. Ел с хозяином, но все утро нянчился с молодым доном. Не слуга, но и не господин... Однако кувшин с прохладной водой для умывания Хосе принесли сразу, как попросил, и сангрию тоже. К напитку улыбочивая служанка принесла лепешку с сыром и пару фиников:

– Донья распорядилась, – сказала она, – скоро сиеста.

– Благослови Господь донью Розалину за ее милосердие! – радостно отозвался идальго.

После умывания и перекуса Хосе все же отправился в библиотеку. Там было прохладно. Книг было довольно много, и большая их часть была надежно прикручена к полкам длинными прочными цепями. Но Хосе не интересовали драгоценные переплеты. Он искал список знатнейших родов, гербовник, дуэльный кодекс и «Этикет для юношей» – эти книги имелись практически в каждой знатной семье, ведь с них начиналось обучение юного дворянина.

Книги нашлись быстро – прямо на столе. Похоже, кто-то приготовил их заранее. Еще тут лежали: «Грамматика», книга арабского ученого «Алгебра», а рядом труд греческого философа «Геометрия». Собрание романсов, священное писание с картинками и книга «О славных победах и великих битвах».

Хосе обрадовался тому, что в доме нашлось все необходимое, и, обнаружив в углу удобную кушетку, проспал всю сиесту.

Когда жара спала, кормилица привела умытого дона Мигеля к воспитателю, и Хосе взялся за книги. Алгебра и геометрия мальчика удивили, а дуэльный кодекс и «Славные победы» просто очаровали.

Он благоговейно перелистывал страницы и задавал множество вопросов, так что, когда в библиотеку заглянула служанка и позвала на ужин, Хосе стоило большого труда сдержанно велеть мальчику убрать книги, вымыть руки и переодеться к общей трапезе.

Впрочем, Мигелито был хорошо воспитан и правила знал четко. Так что к ужину ученик и учитель не опоздали. За столом дон Траба задал внуку несколько вопросов и, кажется, остался доволен. Во всяком случае, замечаний не сделал, и это уже было хорошо.

Глава 13

Дни в доме Траба начали сменять друг друга незаметно и неумолимо, словно стекающий с ложки мед.

По утрам Хосе учил мальчика тому, как правильно крепить упряжь и держаться в седле, основам фехтования, этикета и кулачного боя. Немного погодя «сражения» стали перемежаться занятиями танцами. Потратив неумемную детскую энергию, его воспитанник как младенец спал всю сиесту, и после обеда они вместе корпели над бумагами. Простой счет мешков и телег переходил в планирование домашнего бюджета. Они обсуждали прочитанные книги, по косточкам разбирали поэтические слоги. Мальчик не испытывал особой страсти к музицированию, но сносно перебирал струны гитары в нескольких выученных аккордах.

Особой страстью Мигелито была, разумеется, езда верхом. Хосе порой использовал ее как «морковку», подвешиваемую перед носом ученика, чтобы уговорить подвижного ребенка закончить упражнение по чистописанию или геометрии.

Дядюшка, судя по всему, был доволен обучением внука. Порой он приходил понаблюдать за тренировками в саду или расспрашивал Мигелито о том, что он выучил или прочел за последнее время.

Розалина же... Стоило даме появиться неподалеку, Хосе хоть краем глаза, но непременно следил за ней. Его мир наполнялся плавными, элегантными движениями ее рук, ее обволакивающим голосом, витающим в воздухе, неопишным нежным ароматом.

А улыбка? Ох, как Хосе любил ее улыбку!

Ведя светские беседы за столом, он иной раз намеренно вворачивал забавные или даже остро-насмешливые истории, поначалу – чтобы разрядить обстановку, а после – с единственной целью: увидеть, как изгибаются ее розовые губы.

Постепенно сдержанно-вежливая дама привыкла к его присутствию и теперь уже сама делилась забавными историями, которых знала великое множество. Правда, улыбалась все равно редко, поэтому каждую улыбку Хосе ловил, как награду.

Наверное, молодой идальго был бы полностью счастлив, деля свое внимание между хозяйкой дома и ее сыном, но увы, в доме хватало людей, желающих задеть нового секретаря. Поначалу его цепляли слуги – тыкали его подчиненным положением, посмеивались, но Хосе умел сдерживать родовой гонор – бедность быстро приучила следить за языком. Беда пришла, откуда не ждал – юная де Алмейда стала уделять воспитателю брата слишком много внимания. И знала ведь, что никто не одобрит ее брак с нищим родственником хозяина дома, но безжалостно строила ему глазки, требовала услуг и вообще «точила коготки», рассыпая улыбки и двусмысленные комплименты.

Будь де Сааведа в любом другом доме – он бы просто посмеялся над девчонкой, возомнившей себя роковой красавицей, но здесь он вынужденно соблюдал не просто вежливость – неприступную тактичность. А девчонка все усиливала напор, и даже донья Хуана уже неодобрительно поджимала губы и качала головой, наблюдая за выкрутасами сеньориты Селины.

Дон Траба потерпел эти дурачества примерно неделю, а потом... просватал «дикую козу» и приставил к ней дуэнью, дабы девица готовилась к свадьбе, не занимаясь глупостями. Строгая и чопорная донья Кармела быстро научила Селину смотреть в свою тарелку и вышивать в тени.

Хосе решил, что теперь ему ничего не угрожает, однако через несколько дней стало понятно, что Селина винит в своих бедах кого угодно – только не себя. И... мстит учителю. Мелко и гадко, то обливая его колени соусом, то намекая на то, что он гуляка и блудник. Идальго не пристало обращать внимание на капризы юной сеньориты, но за столом сидела Розалина. Она прекрасно видела и наглое поведение падчерицы, и неловкость Хосе, но... молчала. Лишь однажды, когда дон Траба объявлял Селине о помолвке, лицо Розалины исказила эмоция, но Хосе не смог различить какая.

* * *

– Хорошо, а теперь затяни подпругу, – Хосе гладил замшевый нос коня и следил за стараниями мальчика.

Ребенок продел ремень сквозь пряжку, потянул за кожаную ленту с большим усилием. Раз, другой.

– Не выходит! Что я делаю не так?

– Все так, Мигелито. Тебе просто пока силенок не хватает, – мужчина усмехнулся, наклонился и быстро закончил надевание упряжи. – Вот когда ты сможешь подтягивать себя одними только руками хотя бы десяток раз, тогда сможешь сам затягивать подпругу.

Мальчик шмыгнул, оглядел коня, затем ворота и нетерпеливо вскинул голову, умоляюще заглядывая в глаза учителя:

– Покатаемся?

– Что ж, ты правильно пересказал главные добродетели мужчины вчера вечером и усердно занимался. Покатаемся.

Хосе помог мальчику усесться в седле, взял коня под уздцы и неторопливо вывел за ворота. Надо же, а ведь он не покидал дома Траба уже много дней, а может, и недель...

Утреннее солнце приятно щекотало кожу, ветер развеивал все кусочки ткани, до которых мог дотянуться, включая одежду прохожих и редкие сбежавшие из-за ставен занавески. Мигелито без перерыва широко улыбался, возбужденно лепеча о том и о сем, и уверенно управлял поводьями. Хосе пока не отпускал подопечного в «свободное плавание», продолжая вести на удивление терпеливого коня под уздцы. Впрочем, молодой мужчина искренне наслаждался прогулкой и никуда не спешил.

Проехав до ближайшей площади, совершив круг почета вокруг фонтана и вернувшись обратно, Хосе с мальчиком столкнулись в воротах с самим доном Траба. Дядюшка верхом на красивом белом скакуне и в камзоле с особенно ярко сияющими пуговицами чинно направился вверх по улице, бросив:

– Вернусь к завтрашнему вечеру. Обратите внимание на книгу, лежащую на столе в библиотеке.

Позднее Хосе и вправду обнаружил на столе новую книгу – сборник законов, касающихся торговых отношений, наследования и других способов передачи имущества. Дядюшка захотел поднатаскать внука в купеческом ремесле?

После сиесты, часть которой мужчина потратил на изучение книги, донья Розалина, по обыкновению, спустилась к обеду в

великолепном, хотя и скромном, черном платье. Верно, это не платье делало женщину краше, а наоборот, Хосе было трудно судить.

Донья Кармела вышла к столу, сообщила, что ее подопечная приболела, и унесла наверх поднос. Донья Хуана, как всегда, сидела тихо, так что у Хосе на миг сложилось впечатление, что за столом остались только они двое. Он и донья Розалина.

Идальго довольно быстро утолил голод, но остался за столом, потягивая сангрию, деликатно любуясь лицом доньи. Ее улыбка, звук её голоса будили в нем нежность. В какой-то момент мужчина поймал себя на том, что, задумавшись, едва не протянул руку, чтобы поправить выбившуюся из ее прически прядь волос, но успел сделать вид, что тянется к сыру.

Вот только взгляд! Взгляд он не спрятал! Женщина застыла, замороженно глядя на него в ответ. Не возмущаясь, не пугаясь. Просто застыла, словно... в ожидании?

Мысленно Хосе завершил жест, преодолевая последние разделяющие их дюймы, заправляя своевольные волоски ей за ухо. В своих мечтах даже совершил такую дерзость: позволил подушечкам пальцев задержаться на нежной коже, проследив линию челюсти.

Спустя несколько мгновений Розалина сломала окутавшее их обоих томление, повернувшись к дуэнье:

– Донья Хуана, прошу вас, передайте миндаль.

Компаньонка с готовностью передала блюдо и снова склонилась над пряной форелью.

Хосе тут же потупился, разглядывая потеки соуса на тарелке, и просидел так, пока дамы не встали, чтобы уйти. Тогда он тоже вскочил и почтительно поклонился. Когда же двери закрылись, он схватил мятую салфетку и утер ею вспотевший лоб – он едва-едва не уронил репутацию доньи Розалины! И что это на него нашло?

Глава 14

На следующее утро Хосе подорвался чуть свет, торопливо оделся и, не дожидаясь завтрака, выскочил на улицу. В сумерках окрестные улочки выглядели иначе, чем днем, отчего молодой мужчина едва не заблудился среди каменных стен. Однако упорство и безумное желание исполнить задуманное наконец вывели его туда, куда он хотел.

Впервые ему хотелось сделать что-то по велению сердца. О, молодой идальго умел говорить красивые слова, дарить улыбки, приятные мелочи, делать намеки и целовать сеньоритам пальцы, но в этот день каждый его шаг сопровождался гулким биением сердца. Получится ли то, что он задумал? Примет ли Розалина его дар? А если примет – что сделает с ним дон Траба, когда узнает? В том, что хозяин дома узнает, де Сааведа не сомневался, но и остановиться не мог.

Ну же, там, около статуи Святой Марии, он точно помнил... Да, это оно! Хосе постоял немного, любуясь пышным кустом. Когда же редкие пока прохожие исчезли из вида, мужчина принялся за работу.

* * *

В дверь негромко постучали. Розалина спрятав зевок широким рукавом, села на кровати.

– Кто?

– Донья, прошу прощения, если я побеспокоила ваш сон. Могу я войти?

– Конечно, заходи. Что случилось? – голос ее стал обеспокоен. Что могло случиться? Мигелито в порядке?

Дверь отворилась, и вместо служанки в комнату прошел большой пышный букет из мелких белых цветов, густо покрывающих длинные деревянистые ветки.

Служанка, прижимающая к животу объемистую вазу, с улыбкой сказала:

– Дон Сааведа просил принести вам эти цветы, и я взяла на себя смелость принести вазу прямо в вашу комнату.

Донья поднялась с кровати, подошла к столу и вдохнула нежный аромат цветущего белого жасмина. Как прелестно! В их саду не было белого жасмина. В голове мелькнули странички из книги по этикету для дам. Белый жасмин... первое значение – дружелюбие. А вот второе... «наш первый поцелуй взволновал меня»... Разве они целовались? Или... Розалина вспомнила взгляд идальго за столом, и ее щеки невольно окрасил нежный румянец.

– Дон Сааведра просил передать мне какие-нибудь слова? – небрежным тоном спросила она, вдыхая легкий сладкий аромат.

– Нет, донья. Просто просил принести цветы, ответила служанка, пряча улыбку. Она радовалась тому, что застывшая в своем вдовстве хозяйка начала оттаивать.

* * *

Остаток дня Розалина находилась в смятении. Хосе – он возмущал и будоражил ее сердце и разум, даже не находясь рядом. Поначалу она видела в нем лишь незнакомца, дальнего родственника, пришедшего в ее дом в поисках денег. Однако мужчина был воспитан, обаятелен, наконец, молод и недурен собой. Когда он рассказывал истории за обедом, молодая вдова не находила его рассказы скучными, а его голос неприятным в какой-либо мере. Когда он шутил, Розалина искренне улыбалась. Иногда ей даже хотелось смеяться, но жизнь в доме мужа – чопорном и холодном вытравива в ней смех. Теперь же ей иногда хотелось выразить свою радость сильнее, и тут же в памяти вставал укоризненный взгляд покойного супруга. Его бесконечные нотации, В последние дни Розалина даже поймала себя на том, что ей приятно рассматривать его лицо, заглядывать в эти черные бездонные глаза – и словно прямо в его душу.

Женщина не осмеливалась даже в мыслях дать верное имя расцветающим в груди чувствам. Да, она была вдовой. Еще достаточно молодой, чтобы выйти замуж, и достаточно состоятельной и уважаемой, чтобы не гнаться за браком по расчету. Она даже танцевала с Луной, надеясь найти свою любовь еще раз. Однако, стоило остывшим углям в ее сердце начать вновь разгораться, Розалина испугалась.

Хосе был мил и любезен, красив, умел ее развеселить. Но он все еще был простым идалго, без денег и связей. Она не могла выйти за него, даже если бы хотела. Она не могла позволить себе так уронить честь свою и, главное, своего милого сына. Мигелито ждало хорошее будущее, но оно легко было бы разрушено мезальянсом матери. Поддаться же искушению, не заключая брака... Это было рискованно, это было грешно и постыдно. Разумом Розалина четко это понимала, но душа терзалась от тоски и рвалась в темный омут чувств.

Женщина огладила миниатюрные цветы чистого, невинного белого цвета. Конечно, прелюбодеяние было бы грешно, но разве Святое Писание не учило «возлюби ближнего своего»? Если она удержит себя в руках, то в простом общении с Хосе не будет ничего постыдного. Она сможет смеяться, глядеть в его притягательные очи и наслаждаться его присутствием. Да, именно так. Совершенно изолировать себя от Хосе или вдруг стать чопорной и холодной – все это вызовет едва ли не больше слухов, да и Мигелито отлично ладит с учителем, и разлучить их будет хлопотно, жестоко и так против влечения ее сердца.

* * *

Хосе и Мигелито прыгали по ровной голой площадке во внутреннем саду с деревянными шпагами в руках:

– Спину держи ровно. Парируй! Давай ещё раз, медленно. Вот так, плавное движение. Теперь быстро! Давай, не стой на месте!

Розалина неслышно подошла ближе, наблюдая за занятием. Горящий огонь, льющуюся воду и человеческий труд воистину можно наблюдать бесконечно.

– Пока все. Потянись немного и отдохни, – Хосе развернулся, собираясь, должно быть, положить деревянные клинки на их обычное место, но увидел женщину и замер.

Розалина немного смущённо улыбнулась и поправила бутоньерку из нескольких тонких веточек жасмина:

– Благодарю за цветы, дон Сааведа. Они меня очень порадовали.

Мужчина медленно моргнул и тоже улыбнулся – так ярко и искренне, словно ему только что вручили драгоценный подарок.

– Рад услужить, донья, – Хосе склонился в легком поклоне, как если бы он целовал ее руку.

Благородная донья не позволила себе измениться в лице, но ее опущенные ресницы дрогнули, а уголки губ чуть-чуть, почти незаметно, приподнялись.

У Хосе замерло сердце. Он еще раз поклонился и вернул внимание Мигелю, однако краем глаза ловил движения доньи.

Розалина дошла до скамьи, укрытой аркой из вьющихся роз, и села. Мигелито радостно подбежал к матери, делаясь своими успехами. Хосе неспешно прибирал деревянные мечи, щит, мишени. Он тянул время, любясь дивной картиной, пока не заметил, что за ними наблюдают. За чуть приоткрытой ставней второго этажа виднелся кусочек белой ткани. Служанка в чепце? Или это дуэнья сеньориты Селины? Заметив наблюдателя, де Сааведа не подал вида – остался на месте и с другого конца тренировочной площадки поклонился:

– Донья де Алмейда, вы позволите мне уйти? Становится жарко.

Розалина подняла на него прекрасные темные глаза, позвала взглядом подойти ближе, но Хосе дернул бровью и чуть покосился вверх. О, донья была приметлива и умна. Она лишь кивнула без улыбки:

– Идите, дон Сааведа, я побуду с Мигелито, а потом отведу его к няне.

Хосе ушел в свою комнату. Ему отчаянно хотелось остаться, но соглядатай беспокоил. Кто это? Зачем подглядывает? Что принесет ему эта безумная любовь?

В своей крохотной комнатке мужчина упал на колени перед распятием и долго шептал молитву, прося Господа и всех святых сохранить его прекрасную Розалину. Потом лег на узкую постель и закрыл глаза. Во сне он может любоваться ею сколько угодно, и никто не сможет ему помешать!

Глава 15

Лето закончилось быстро. Холодные осенние дожди заставили всех обитателей дома собираться в одной комнате у очага. Чтобы не скучать, дамы занимались вышивкой, служанки шили одежду, а мужчины читали книги.

Вообще, Хосе с некоторым удивлением узнал, что в доме донна Трабы читать, писать и считать умеют почти все. Даже горничные умели нацарапать свое имя, а уж монеты все считали виртуозно.

Впрочем, престарелый дон не давал семейству заскучать – каждому давал урок и требовал его выполнения. Выучив с Мигелем очередную главу из учебника, Хосе нередко читал вслух что-нибудь поучительное, деля время чтения с доньей Хуаной. Когда же дон Траба был в хорошем расположении духа, он приказывал секретарю взять гитару, а дамы дружно пели. С каждым днем сдерживать огонь, полыхающий в его сердце, становилось все сложнее. Хосе, как истинный влюбленный, ловил моменты – «нечаянно» ловил руку доньи в темном коридоре, чтобы припасть к ней губами. Передавая за столом блюдо, умудрялся слегка коснуться ее тонких пальцев. Однажды, кипя от страсти, он поймал губы Розалины губами – и едва не умер от счастья, когда ее губы дрогнули в ответ.

Однако эти сладостные моменты разбавлялись другими – пугающими. Из обмолвок, упоминаний и разговоров между дуэньями идальго узнал, каково донье де Алмейда жилось в замужестве. Супруг был значительно старше и желал от юной порывистой сеньориты «наследников и достойного поведения». С наследником получилось не сразу, а «достойное поведение» дон Алмейда умело вбивал в молодую жену нотациями и... палкой.

Впервые услышав о том, что Розалине приходилось отлеживаться по нескольку дней в супружеской спальне, ссылаясь на женские недомогания, потому что она и сидеть не могла после «уроков» мужа, Хосе едва сдержал гневный возглас. А после долго благодарил своих святых покровителей за то, что удержали. Его гнев окружающим показался бы смешным. Супруг – повелитель женщины, и никак иначе!

День за днем Хосе и Розалина сближались. Короткие взгляды, улыбки, вежливые поклоны и несколько слов о малыше Мигелито – все это служило дровами их чувств. Однако на людях они умело держали дистанцию. Ничего лишнего. Никаких намеков. Даже подозрительные дуэньи в конце концов уверились – хозяйка холодна и отгоняет потенциальных женихов своей чопорностью и строгим нравом.

– Как донья Розалина заботится о будущем Мигелито! – вздыхала донья Хуана.

– А ведь могла бы снова замуж выйти! – добавляла донья Кармела. – Дон Траба не поскупился бы на приданое, да и дон де Алмейда кое-что оставил своей вдове!

– Дон Траба нашел Селине отличного мужа! Придворного! А о дочери словно забыл! – вздыхала дуэнья, перебирая четки.

– Что вы, донья, – переходила на шепот ее собеседница, – я слышала, дон Келестин просил руки доньи Розалины, но донья отказала ему. Сказала, что не может забыть своего супруга и не смеет отравлять своей печалью жизнь такого доброго дона!

– Как красиво сказано! – прикладывала платочек к глазам донья Хуана. – Да ведь хозяйка, и верно, из дома не выходит. Разве что в собор, на службу, да и то как положено знатной даме – в портшезе, с сопровождением. Да и дома часто в молельне часами на коленях стоит!

– Истинная донья! – припечатала Кармела и вздохнула: – Жаль, синьорита Селина не так набожна...

Повздыхав о нравах молодежи, дамы разошлись, а Хосе, невольно подслушавший этот разговор, задумался – вот почему донья Розалина не подпускает его близко. Ее сын. Драгоценность любящей матери.

Идальго томился своими чувствами, и однажды, когда дон Траба уехал по делам, дуэнья приболела, а маленький Мигелито уснул раньше времени, утомленный упражнениями и чистописанием, Хосе осмелился – упал к ногам прекрасной доньи и признался в любви. Он знал, что ему максимум позволят поцеловать руку, но держать в себе чувства уже не мог.

– Прекраснейшая, прошу простить мою дерзость, – идальго потупился, вспоминая украденный в темном коридоре поцелуй, – я люблю вас и не смею надеяться ни на что... Прошу лишь – не лишайте меня своей милости...

Розалина склонилась к нему, давая увидеть слезы, стоящие в ее прекрасных глазах, и прошептала:

– Простите меня, дон Сааведа, но я... ради моего сына я должна быть выше любых подозрений! – потом донья встала и быстро ушла. Хосе поник. Он понял. Малыш Мигелито – его судьба полностью зависела от благоразумия его матери. Но дети ведь растут? Пройдет еще десять, может быть, двенадцать лет, и птенец обернется юным соколом. Его мать отойдет в тень и сможет позволить себе чуть больше, чем брошенный украдкой взгляд. Во всяком случае, Хосе позволил себе надеяться на это. Стиснув сердце в кулак, идальго поклялся – не оставлять молодого де Алмейду. Вырастить его достойным доном на радость его прекрасной матери.

Де Сааведа сдержал свою клятву, хотя ее не слышал никто, кроме Бога. Он стал самым лучшим учителем малыша Мигелито. С годами его любовь из огня страсти превратилась в глубочайшую преданность. Он стал тем столпом, на котором держались жизнь и благополучие доньи Розалины и Мигеля де Алмейда.

Втроем они пережили смерть старого дона Траба – старик ушел в мир иной от весеннего поветрия, ругаясь и постанывая в бреду; месь Селины – девчонка, выскочив замуж, стала придворной дамой и сполна отыгралась на мачехе, когда настало время выводить юного Мигелито в свет. Хосе всегда был рядом с Розалиной – поддерживал, утешал, подавал кошелек, платок, бил морду обнаглевшим лакеям и тасил на себе юного де Алмейду, перебравшего на вечеринке. Постепенно и все финансовые дела перешли в его руки – управлять обширным поместьем, домом и несколькими лавками было непросто. Порой Хосе не спал ночами, проводил сутки в седле или ел на бегу, но не нарушал покой доньи Розалины даже в мелочах.

Глава 16

Прошло двенадцать лет. Мигель вырос, превратившись в красивого стройного юношу, образованного, воспитанного и горячего, как металл в тигле кузнеца. Хосе порой любовался им, порой тяжело вздыхал, терпел взбрыки и пару раз прикрывал глупца перед матушкой, жалея его горячую голову.

А потом случился тот день, чернее которого не было в жизни Хосе де Сааведы. Вечером юный де Алмейда сцепился в приемной Его Величества с хлыщеватым доном из Севильи. Слово за слово – оба схватились за шпаги. Их расцепили, напомнили, что в королевском дворце дуэли запрещены, и тогда Мигель бросил севильцу вызов. А тот его принял, довольно улыбаясь.

Мелкий дворянин, умело обращающийся со шпагой, прибыл в столицу, надеясь заработать деньги и славу своим клинком. Горячий юнец стал его первой «добычей». Потом Хосе много раз проклинал себя за то, что не пошел в тот день во дворец вместе с Мигелито.

Они встретились на рассвете – двое мужчин в плотных кожаных штанах и белоснежных рубашках. Еще двое были секундантами. Мигель выбрал в секунданты Хосе, а севилец – одного из придворных сплетников, чтобы новость о победе быстрее разнеслась по столице. Юный и пылкий де Алмейда ринулся в атаку. Севилец элегантно уклонился. Некоторое время они фехтовали, стуча железом, а потом бретер решил показать свои умения и кольнул Мигеля в бедро... И промахнулся! Мальчик замер, не понимая, откуда и как пришла боль, потом побледнел и рухнул на затоптанную траву.

Хосе первым подбежал к нему и понял – поздно. Алый фонтанчик впитывался в землю, унося с собой жизнь. Он схватил ладонями лицо Мигелито, ловя взглядом расширяющийся зрачок, и услышал сдавленный вздох севильца – тот заметил маленькое золотое колечко в левом ухе противника, означающее единственного сына у матери...

Де Сааведа сам принес Мигеля домой. Погребальные дроги остановились у ворот, и наставник внес подопечного через узкую калитку. Сбежавшиеся слуги расступились, пропуская белую, как мел,

Розалину. Она постояла молча, глядя на сына и виновато склонившего голову Хосе, а потом тряпичной куклой осела на белые плиты двора.

Следующие три дня дом Траба был пропитан запахами ладана, тающего воска и погребальных цветов. Розалина каменной статуей сидела рядом с гробом сына. Обморок в первый день словно что-то сломал в ней. Хосе взволнованно смотрел на нее, но не смел приблизиться. Она казалась одновременно сильной и хрупкой – как яичная скорлупа. Казалось, одно прикосновение может разрушить самообладание этой прекрасной женщины. Дуэнья – сильно постаревшая донья Хуана – плакала. Были служанки. И только Розалина безучастно смотрела на лежащего в гробу сына и не проронила ни одной слезинки.

Донья де Алмейда проводила сына в родовой склеп. Вернулась в дом, откинула траурную вуаль, сняла перчатки и повернулась к де Сааведа:

– Хосе? А где Мигелито? Почему он меня не встречает? Малыш? Малыш? Ты где? Mamочка дома!

Секретарь, давно ставший управляющим, побледнел. Донья Хуана подпрыгнула и кинулась вслед за хозяйкой. Розалина быстрым шагом поднялась на второй этаж – к хозяйским комнатам, и теперь кружила по давно опустевшей детской, зовя сына. Служанки застыли соляными столбами, давились слезами и абсолютно ничего не делали!

Первой, как ни странно, пришла в себя донья Хуана. Она ласковым голосом сказала Розалине, что Мигелито уехал кататься на лошади, а донье Алмейда надо бы отдохнуть. День такой жаркий. Донье нужно выпить немного сангрии с маковым соком и отдохнуть...

Услышав приказы, служанки отмерли и быстро увели Розалину в ее комнаты. А Хосе, плачущий Хосе отправил мальчишку за доктором.

Доктор прибыл вечером. Осмотрел сонную Розалину, поговорил с ней, налил стаканчик успокоительных капель и спустился в столовую – поужинать и переговорить с управляющим. Доктор был уже немолод, повидавший в жизни многое, так что он сначала отдал должное жаркому, пуляркам с гранатовыми зернами и вину – и только за десертом сказал:

– Донья пережила страшную потерю. Она может очнуться от своего помрачения уже завтра, а может никогда не прийти в себя. Полагаю, семья де Алмейда выделит ей вдовью часть, так что можно

будет нанять сиделку или отправить даму в монастырь под присмотр добрых сестер...

Хосе изменился в лице, но уточнил:

– Доктор, а что если донья не сумеет пережить смерть сына? Если ее разум останется во тьме?

– У меня были такие пациенты, – вздохнул лекарь, – женщины – чаще, мужчины – реже. Они жили столько, сколько позволяло их тело.

– Донья Розалина здорова и еще молода, – сказал Сааведра, тая в сердце надежду, – как можно ей помочь прийти в себя?

– Поменьше макового сока, – сказал доктор, – он мешает выйти из темноты разуму. Побольше прогулок, новых впечатлений. Но никаких гарантий нет...

Хосе поблагодарил доктора, заплатил ему за визит и проводил к дверям.

А на следующий день в дом пожаловали родственники де Алмейда. Дом Траба отобрать они не могли – его донье Розалине оставил отец. Зато отобрали все, кроме дома. Хосе стоял насмерть, борясь за вдовью часть доньи, но Розалина успокаивалась только рядом с ним, а де Алмейда не дремали – моментально обстряпали все дела, оставив вдову почти ни с чем.

Слуг пришлось распустить, дом без присмотра начал подозрительно быстро ветшать, а скромных денежных запасов едва хватало на обогрев одной комнаты и скудную еду. Но Розалина ничего не замечала. Летом она сидела в саду, делая игрушки для «малыша Мигелито», зимой – у огня. Иногда она плакала и сама удивлялась своим слезам. Иногда пела колыбельные, и тогда плакал Хосе. Де Сааведра не бросил свою прекрасную возлюбленную. Не вернулся в родной дом. Розалина просто не могла жить в другом доме, а он не мог жить без нее. Через десяток лет они умерли вместе, замерзнув в особо холодную зиму. Она – в кровати, укрытая тряпьем, он – в кресле у ее ног. Нашедшие их соседи доложили в префектуру, и благородную вдову де Алмейда увезли в родовой склеп. А Хосе... Его похоронили на бедняцком кладбище Мадрида, и некому было всплакнуть на его могиле...

Глава 17

Аманда

Карл

– Аманда Адеркас, в девичестве Бренлау, вы обвиняетесь в колдовстве, противной богу связи с Дьяволом и отравлении собственного мужа, почтенного Эриха Адеркаса! – визгливым голосом прокричал секретарь суда.

Тоненькая девушка в грубой рясе, накинутой поверх шелковой камизы, подняла усталые зеленые глаза и снова их опустила.

Карл – старший инквизитор Бамберга – поморщился. Угораздило же графа Адеркаса жениться второй раз на такой... Рыжая, зеленоглазая, тонкая, как веточка, девушка потрясающей красоты. Наверняка метла выдержит ее вес, да и в печную трубу пролезет...

Пока секретарь зачитывал список обвинений, помимо убийства престарелого мужа, Карл разглядывал свидетелей обвинения. Ожидаемо. Младший сын и невестка покойного Адеркаса. Старший унаследовал майорат, ему нет дела до вдовьей части мачехи. А вот младший решил, что отец ущемил его, отделив треть немайоратного состояния вдове. И подал жалобу, да не куда-нибудь, а в инквизицию!

Старый инквизитор прикрыл глаза. Как объяснить этим идиотам, что инквизиция не занимается убийствами? Только еретиками! Вот если бы молодая графиня Адеркас поддерживала лютеранскую ересь... Или еще хуже – служила черному культу...

– В качестве свидетеля вызывается служанка покойной графини Гертруды Адеркас Ханна!

«А вот и недовольные», – Карл кивнул головой, отмечая логично выстроенное обвинение. Наверняка молодая графиня привезла в замок собственную камеристку, и старая получила отставку. Возможно, ее перевели на более простую работу, а то и на кухню. Вот она и накопила злобу на молодую хозяйку. А младший Адеркас не упустил момент.

Немолодая длинноносая служанка в туго накрахмаленном чепце вышла к свидетельскому месту и, брызгая слюной, принялась обвинять молодую графиню во всех смертных грехах. Карл поморщился. Девчонка не реагировала – похоже, уже запугали. А может, брат Вульф уже «поболтал» с ней в пыточной, хотя до вынесения обвинения это было запрещено.

– К мессе она не ходила! До обеда спала! И ладаном покои свои не окуривала! И милостыню подавала только тем, кто соглашался в храмовом дворе дорожки подметать!

Инквизитор вновь поморщился. Все бы так милостыню подавали! А то развелось прихлебателей, ленящихся помочь с уборкой листвы или снега!

После истеричной служанки на место свидетеля вышел управляющий графа. Он отвечал осторожно. Молодая графиня жила в замке Адеркас меньше месяца. Граф болел давно, но кто-то ему нашептал, что женитьба на юной девице поможет справиться с болезнью, вот он и высватал себе старшую дочь у Бренлау. Знал, что род обеднел, и девицу отдадут охотно, чтобы младшим приданое справиться.

Плохого управляющий не сказал ничего – ибо был осторожен, опытен и очень дорожил своей шкурой. А почему хозяйка к мессе не ходила? Так в первую неделю ходила – вместе с мужем. Во вторую он заболел и не отпускал ее от себя. На третью ему совсем худо стало. А там уж и преставился. А как же благородной меффрау на мессу пойти без траурного платья? А белошвейки не успели... Да, вот не успели. А кто белошвейками в замке командует? Так бывшая камеристка покойной графини, Ханна!

Карл нахмурился – дело не стоило выеденного яйца! Но тут на место свидетеля ступил младший Адеркас и понес такую чушь, что измученная графиня вскинулась, словно не веря, что вот этот щеголеватый господин, который ей кланялся, насмешливо величал «матушкой» и «госпожой графиней», теперь обвиняет ее в смерти отца и подделке завещания! А подкупленные им слуги хором поют: «не мог граф просто так жениться на этакой пигалице! Околдовала! Очаровала!»

На обвинение в колдовстве вострепнулся брат Пфальц. Ох, любил он колдунов пытаться! Сразу открыл узкие, заплывшие глаза и оценил

хрупкую фигурку молодой графини. Вздохнул. Брату Пфальцу нравилось ломать крепких мужиков, а этой фитюльке покажи «чертову флейту» или щипцы для вырывания ногтей, и она признается в чем угодно...

Наконец настал черед высказаться и самой обвиняемой.

– Аманда Адеркас, признаете ли вы свою вину? Раскаиваетесь ли в совершенных грехах? – все так же визгливо и явно наслаждаясь происходящим, спросил секретарь судьи.

Девушка, словно только проснувшись от вязкого и томительного сна, встрепенулась. Подняла лицо, чтобы взглянуть на судью. Облизнула пересохшие губы.

– Перед всеми собравшимися здесь, над могилой моего усопшего мужа и перед лицом Господа Бога нашего – я клянусь! Клянусь, что не убивала Энриха Адеркаса! Меня оклеветали, Ваша Светлость, и я молю вас выяснить правду... – ее голос становился все тише и тише под тяжёлым, словно пушечное ядро, взглядом судьи.

– То есть вы утверждаете, что все эти благочестивые люди врут? Считаете, что все они не побоялись намеренно исказить правду? Быть может, вы скажете, что сам Дьявол вложил в их уста эту ложь, чтобы оклеветать вас?

Искра надежды, теплившаяся в зелёных глазах, потухла под толстой пеленой страха.

– Выходит, что либо вы лжете, чтобы избежать наказания за содеянное, либо вы предполагаете, что Сатана помутил рассудок стольким праведным и достопочтенным людям, лишь бы только подставить вас. И зачем бы Дьяволу устраивать такое, если он не положил на вас глаз, если вы действительно так чисты и непорочны перед глазами Господа, как вы утверждаете?

Толпа одобрительно загудела в ответ на пламенную речь судьи. Карл лишь поморщился – он видел так много процессов, что уже мог с уверенностью сказать, когда судейское красноречие было сдобрено взяткой обвиняющего, словно пасхальный крендель маслом.

– Итак, Аманда Адеркас, я спрашиваю вас: вступали ли вы в какие-либо связи с Сатаной? Возносили ли ему мольбы, приносили ли жертвы? Просили ли нечистого даровать вам магические силы?

– Нет! Я не делала ничего из этого!

– Именно так сказал бы любой прислужник Дьявола!

Младший сын графа, не сдержавшись, ухмыльнулся.

– Я постановляю пытаться подсудимую до тех пор, пока мы не выведем всю правду!

По толпе прокатился рокот, тут и там звучали возбужденные охи и ахи. Лицо Аманды стало словно фарфоровая маска, белое и недвижимое. Собравшиеся зеваки начали расходиться, а молодую вдову толчком направили в сторону камер.

В следующий раз Карл увидел девушку привязанной к стулу. Её рука была зажата в тисках «испанской перчатки».

– Позаботишься тут о графине, брат? – спросил брат Пфальц скучающим голосом.

– Да. Иди отдохни, брат, – отозвался Карл, благословляя верного слугу церкви.

Карл подошел ближе к девушке. Ее щеки были залиты слезами, глаза покраснели, и веки опухли, но даже это не скрывало юной, почти еще даже детской красоты. Старому инквизитору было жаль несправедливо оговоренную девушку.

– Признайся, что ты ведьма.

Хриплым от криков, дрожащим голосом Аманда прошептала:

– Я не ведьма. Я не убивала мужа, я невиновна... – она повторяла, словно проговаривая текст молитвы, произнося слова, но сама уже не слыша их смысла.

– Дура! Признайся, нет тут другого пути, и все тут.

Девушка посмотрела на него несколько более осмысленно, удивленная словами и интонациями, которые предыдущий инквизитор явно не использовал.

– Неважно, убивала ты мужа на самом деле или нет, – Карл со вздохом опустил на стул. – Тебя уже обвинили в колдовстве. Теперь тебя будут истязать, пока ты не признаешься. И чем быстрее ты признаешься, тем меньше тебе придется страдать, прежде чем твоя душа наконец отойдет к Богу.

Карл и сам не знал, зачем это все говорил. Почему такой черствый старик, как он, вдруг проникся сочувствием и жалостью к этой зеленоглазой пигалице? Почему пытался ей помочь, облегчить долю?

Инквизитор снова посмотрел на ее лицо. Бледное, словно молоко, слегка присыпанное веснушками, обрамленное копной длинных рыжих волос, завитых в колечки. Ей бы не сидеть в темном, воняющем

кровью и страхом застенке, а гулять по полю среди цветов, или кататься на лошади, или читать книгу, сидя у заснеженного окна...

Что-то в сухом и, казалось бы, мертвом уже сердце старика екнуло, зашептало настойчиво «защитить», «спасти», «уберечь».

Аманда всхлипнула отрывисто от боли. Карл оглядел ее зажатую в тиски руку, а затем заметил, что нога девушки уже была облачена в «испанский сапог». Черт, брат Пфальц времени не терял. От сдавливания суставов и мышц конечность опухла, еще сильнее врезаясь в металлические обручи. Как долго она тут сидит? Шесть часов, больше? И все еще не сломалась и не потеряла сознание.

– Признайся!

– Н-нет. Я не делала этого. Я-я не... – шепот Аманды становился все тише, пока не исчез вовсе. Девушка наконец потеряла сознание.

Карл осенил ее крестным знаменьем и принялся раскручивать пыточные приспособления, странно успокоенный тем, что ей не доведется страдать от снятия всего этого железа. Когда кровь возвращается в пережатые обручами конечности, это вызывает боль не меньшую, чем от самой пытки. Закончив, старый инквизитор пошел доложить о «чистосердечном признании» подсудимой.

К утру на площади уже установили столб и приготовили хворост и солому. Безработные зеваки околачивались неподалеку в ожидании зрелища.

Ближе к полудню судья, палач, младший сын почившего герцога и приличная толпа зрителей собрались вокруг будущего костра. Карл спустился в пыточную, чтобы привести «ведьму» на эшафот.

Аманда бредила. Быть может, боль, отчаяние и страх за ночь окончательно помutilи ее рассудок. А быть может, нога, слишком долго пережатая в тисках, отравила ее, с кровью разнося яд по телу. Увидев вошедшего, девушка заметалась, бормоча о том, что она «уже умирала на костре, ей нельзя туда снова», и что «Страж нашел ее слишком поздно, ах, слишком поздно», и «она ведь вела праведную жизнь, за что же Бог послал ей такие страдания?».

Когда Карл склонился над лежащей на лавке девой, намереваясь вынести ее на руках, Аманда вдруг обняла лицо инквизитора ладонями, словно не чувствуя боли в раздавленных пальцах. И улыбнулась так тепло и нежно, словно они всю жизнь, а может, и не одну, знали друг друга, а не встретились только вчера на суде.

– До следующей встречи, мой Страж, – прошептала Аманда. И перестала дышать.

Глава 18

– Розетта, Розетта, радость моя! Ты где-е-е?

Молодая девушка вбежала в комнату и закружилась.

– Софья Ильинична, что это с вами? – Молоденькая черноглазая девушка с улыбкой смотрела на воздушную красавицу с золотыми косами.

– Ах, моя Розетта, Петр Адрианович сделал мне предложение!

– Поздравляю! – Девушки порывисто обнялись.

– Сегодня они с папенькой все обсудят, завтра маменька пригласит гостей на званый ужин, а потом!..

Глаза Софьи Ильиничны сияли, в голове звучала музыка, и все прелести жизни молодой замужней красавицы представлялись ей в один момент. Между тем ее компаньонка – Розетта Россет, милая девушка с итальянскими корнями, видела в ситуации нечто угрожающее:

– Софья Ильинична, – взволнованно спросила она, – да ведь папенька ваш говорил, что полк не сегодня-завтра уйдет из города!

– Да, так и есть! – Хорошенькая блондинка упала в кресло и сделала печальное лицо. – Поэтому Петр Адрианович и пошел к папеньке сейчас. Я не хотела помолвку или свадьбу в мае, говорят, это плохая примета!

Молоденькая итальянка испуганно трепыхнула ресницами. На ее родине весьма почитали всевозможные приметы, поэтому Розетта торопливо перекрестилась и поцеловала крестик из черного дерева, висящий на груди.

Между тем ее подруга продолжила:

– Мы с маменькой планировали помолвочный прием в июне, с тем чтобы провести церемонию в сентябре... Ты же знаешь, милая моя Розетта, как хороши бывают свадьбы осенью? Золотые листья кружат, воздух напоен свежестью, и гости не падают в обморок во время танцев.

– У нас во Флоренции осенние свадьбы сулят плодородие семье! – Почти шепотом произнесла итальянка.

Ее отец, кадровый офицер, сбежал в Россию от армии Наполеона. Жена его умерла в пути, сына-подростка он взял с собой в казарму на новое место службы, а дочь приютила у себя семья его командира. Розетте все было непривычно, однако, будучи набожной и благоразумной девицей, она приняла и квартиру с глянцевыми изразцовыми печами, и узкую комнату, разделенную с Софьей Ильиничной, и жгучий холод зимой, и нездоровый интерес местных кумушек к ней самой.

Отдельным испытанием для Розетты стал жених генеральской дочери. Милейший Петр Адрианович появился в доме генерала Казачковского задолго до итальянской девочки. Будучи подчиненным генерала, он не сразу начал ухаживать за подрастающей Софьей Ильиничной, но вот уже год старательно наносил визиты, танцевал с юной Сонечкой все мазурки – и, наконец, сделал ей предложение, предчувствуя скорый поход.

Розетта всячески поддерживала новую подругу, но при этом старалась не появляться в гостиной, если там находился Петр Адрианович. Этот высокий светловолосый красавец в военной форме будил в ней странные чувства. Дочь военного, она привыкла к мундирам, выправке и громким голосам. Но именно голос Петра Адриановича Смирницкого вызывал у юной девушки странную дрожь.

Полковник «итальянскую сиротку» не замечал, был обыкновенно вежлив, и все свое внимание уделял Софье Ильиничне.

Между тем Сонечка, пережив момент восторга, вскочила и помчалась к маменьке – нужно было обсудить прием, наряд, *et cetera*... Розетту энергичная генеральская дочь потащила с собой. Счастливым человек желает счастья всем вокруг, поэтому Софья Ильинична упрашивала маменьку перешить одно из ее нарядных платьев для худенькой невысокой итальянки. Госпожа Казачковская не возражала.

Белошвейка, срочно приглашенная в дом, быстро перебрала несколько платьев Софочки, выбрала нежно-розовый атласный чехол, посоветовала накрыть его белой дымкой, добавить пару розовых бутонов и на том успокоиться.

– Мадемуазель яркая, ей довольно будет пары цветов, – говорила эта ловкая женщина, старательно изображая акцент. – А я подгоню по

фигуре.

Софочке это розовое платье совершенно не нравилось, к тому же на подоле красовались пятна, так что она с легкостью отдала туалет итальянской сиротке и принялась обсуждать с маменькой собственное платье – из белоснежного крепа, с турецким лазурно-золотым поясом и золотой тесьмой на подоле.

Пока шло обсуждение и подбор тканей, белошвейка уже надела розовый атлас на Розетту и наколола ткань булавками.

– Вот так, мадемуазель, постоит немного, я наметаю.

Белошвейка свое дело знала, поэтому ловко обузила плечи, подняла ткань на талии, подвернула подол, и вуаля – через полчаса скакания с булавками и нитками стало понятно, что платице получится премиленькое. Не такое роскошное и нарядное, как у дочери генерала, но для дочери капитана – самое оно.

Пока дочь и жена генерала обсуждали фасон, белошвейка усадила помощницу шить и взялась помогать будущей невесте, накалывая белоснежный креп изящными складками.

– Готово, мадемуазель. Завтра к полудню закончим оба платья!

– Отлично! – хлопнула в ладоши Мария Александровна. – Девочки, идите в сад, я позову вас к чаю!

Следующие несколько часов подруги провели в саду: Розетта читала, тренируя свой русский, а Софочка рисовала виньетки в своем девичьем альбоме. Периодически она отвлекалась, мечтая вслух о том, как же необыкновенно пройдет ее осенняя свадьба. После был чай в беседке, плавно перешедший в ужин. Успевший к семейной трапезе генерал одарил дочь редкой улыбкой и заявил, что не видит смысла в долгой помолвке, и чем скорее Сонечка станет Смирницкой, тем лучше. Мария Александровна потаенно вздохнула и... согласилась с мужем. Она лучше многих знала, как скоротечна жизнь военного, и раз уж дочь выбрала себе в мужа полковника – со свадьбой лучше не тянуть.

* * *

Розетта шла по туманной аллее неподалеку от родного дома. Как же так может быть? Она ведь уже совсем не на родине, она в темной

комнате, укрывшись одеялом с головой, перешептывается с Софочкой. Или уже не перешептывается? Она во сне?

Девушка почувствовала чей-то взгляд, тяжелое безмолвное присутствие – и резко обернулась, но никого совершенно позади себя не увидела. Только туман, густой и холодный, пронизывающий до костей.

Вдалеке слышались голоса: бабушка, которая умерла незадолго до девятого дня рождения Роззи, и маменька. Ах, маменька, как же сердце сжимается по ней! Женщины о чем-то весело переговаривались друг с другом, их голоса становились все ближе. Розетта с сомнением ступила с присыпанной песком дорожки на траву и прошла сквозь редкую полосу высоких темных деревьев. В тумане она различила три фигуры: сгорбленную бабушку, статную маменьку, как всегда, завернутую в турецкую шаль, и высокого широкоплечего мужчину в мундире. Однако, сколько Роззи ни силилась, она не могла разглядеть ни черт лица мужчины, ни его волос, ни даже отличительных знаков его военной формы. Как загадочно...

* * *

Девушка просыпалась тяжело и медленно, нехотя отпуская прстранный сон. Было ли это просто плодом ее фантазии, возбужденной сегодняшней – или нет, уже вчерашней – новостью? Или вправду знак судьбы, намек на грядущее?

– Роззи! Роззи, просыпайся, ты мне нужна! – блондинка почти подпрыгивала на месте от нетерпения. – Скорее, помоги мне выбрать, я никак не могу решить: синие или красные? – генеральская дочка приложила к одному уху серьгу с сапфиром, а к другому – с рубином.

– Синие, Софья Ильинична, вы же платье вчера хотели... с лазурно-золотым поясом... – Розетта едва не провалилась в мистическую дрему вновь, но сумела взять себя в руки и подняться. Новый день уже начался, и сулил он нечто радостное!

– Ой, тогда бирюза лучше! Или жемчуг?

– Софья! – укоризненно сказала Мария Александровна, заглянувшая к дочери. – Юной девушке не дозволено ничего кроме жемчуга!

Дочь генерала покраснела и ссыпала украшения в шкатулку. Розетта только улыбнулась. Сонечка давно ей похвалилась подарками от дедушек и бабушек.

Дело было в том, что Мария Александровна происходила из знатного и богатого рода Голицыных. Брак с офицером они позволили, но поначалу молодой семье не особенно помогали. Рождение Сонечки растопило сердца суровых предков, и на каждый праздник малышка получала милую безделушку вроде бонбоньерки или куклы и... драгоценный подарок. Серьги, броши, кольца... Маменька все аккуратно складировала в шкатулку, а когда дочь собралась замуж – вручила ей серебряную коробку, чуть не доверху полную украшений, доступных только замужней даме. И вот теперь Софья Ильинична с нетерпением предвкушала момент, когда сможет надеть всю эту роскошь.

Марья Александровна покачала головой и напомнила девушкам, что пора одеваться к приему.

К семи часам в гостиной собрались: Софочка, ее папенька и маменька, два младших брата и Розетта. Ровно в девятнадцать часов в зал вошел Петр Адрианович, кажется, даже еще более отполированный и выглаженный, чем обычно. Он поприветствовал всех и вопросительно глянул на отца семейства. Генерал чуть насупил кустистые брови и дал отмашку. Софочка прикрыла рот ладонями, сдерживая восторг.

Петр Адрианович подошел к Сонечке, взял ее за руку и в торжественный форме, хотя совершенно нескладно, поведал всем, как прекрасна юная дева, как она благонравна и чистосердечна, и как он, Петр Адрианович Смирницкий, просит ее руки и сердца.

– ...Скажите, Софья Ильинична, выйдете ли вы за меня замуж?

– Да! Да, я согласна! – Соня сияла, как стосвечовая люстра, и готова была прыгать на одной ножке, но строгий взгляд матери держал ее на месте.

Первым жениха обнял генерал Казачковский, потом так же сердечно – будущая теща. Соня же стояла рядом и млела от восторга. Последними жениха и невесту поздравили братья Софьи Ильиничны и Розетта.

Генерал приказал подать шампанского, и когда бокалы наполнились, все дружно подняли их за здоровье помолвленных.

Роззи же вдруг поняла, что совершенно не уделяла внимания столь волнительному событию, как помолвка ее лучшей подруги. Она утонула в собственных мыслях и ощущениях, в том, как непривычно и тревожно что-то отзывается в ее груди при звучании голоса Петра Адриановича. Словно он был ей знаком! Или... не его ли она слышала во сне?

Торжественный ужин шел своим чередом, когда в двери гостиной вдруг постучали, и дворецкий произнес:

– Генерал, вас незамедлительно желают видеть в Адмиралтействе.

Отец поднялся из-за стола и стремительным шагом направился вон, но на полпути задержался на минуту, оглянулся на Петра Адриановича и бросил:

– Дождитесь меня, полковник, – и вышел вон.

Вечером, когда гость уже неловко подумывал о том, чтобы и честь знать, генерал вернулся. Смурной, он чеканил тяжелые шаги все в той же гостиной, в которой домашние собрались на чаепитие, опустился во главу стола и без прелюдий объявил:

– Свадьба состоится завтра.

– Как завтра? У нас же ничего не готово! Надо же разослать приглашения, устроить празднование, а наряды?! Дорогой, к чему же такая спешка?

– З-завтра? – со смесью страха и радости повторила Софочка, не слушая причитаний маменьки.

– Завтра? – спросил разом побледневший Петр Адрианович.

Кажется, одна только Розетта молчала, понимая куда больше, чем ей бы хотелось. Ровно так же себя вел отец тогда, когда приказал матери собрать все самое необходимое для дальней дороги...

– Уже через считанные дни полк выдвигается, и не абы куда, а к границе! – сказал генерал Казачковский. – Если вы, Петр Адрианович, намерены сдержать обещание и жениться на моей дочери, вам следует сделать это немедленно, покуда вы еще в Петербурге.

– Я готов! – ни минуты не сомневаясь, полковник стукнул каблуками.

– Тогда идемте, обсудим, – генерал приказал подать ему коньяку в кабинет, поцеловал жену в щеку, велел ей готовить дочь к следующему полудню и вышел.

Собравшиеся несколько долгих мгновений сидели в тишине, а потом вдруг вскочили и принялись делать кто что горазд: полковник учтиво поцеловал руку своей невесты, раскланялся с ее маменькой и вышел прочь – готовиться к неожиданно скорой свадьбе. Маменька вызвала кухарку и горничную и принялась наговаривать им список очень срочных и совершенно необходимых приготовлений. Софочка сидела, недвижимая, и глядела в пустоту, не зная – радоваться ей или огорчаться. Розетта решила сделаться полезной и мягко увлекла Сонечку за собой в их комнату, где невеста наконец разрыдалась от смеси страха, счастья и беспокойства.

Глава 19

Всю ночь дом гудел и шуршал приготовлениями, и к утру невеста была готова: то самое белоснежное креповое платье с лазурно-золотым поясом мягко облегалo ее пышные формы, волосы сияли золотом, жемчужными шпильками и лазурными атласными лентами в хитрой прическе «а-ля грейс». В руках Софочка сжимала изящный букет из синих ирисов, бруннеры и ландышей, и цветы дрожали, как и сама невеста.

Отец повел ее к алтарю полковой церкви. Церемония была маленькой, тихой и уютной. Знакомый девушке с детства священник, мягко улыбаясь, соединил молодых, приятным, чуть дребезжащим голосом вычитывая молитвы. Хор мягко выводил «Исайя, ликуй». Где-то позади, среди родственников и знакомых молодоженов, стояли младшие чины, тоже решившие заключить брак накануне очередного похода.

Пахло ладаном и цветами, Розетта стояла в сизом тумане, вдыхала запах воска и флердоранжа и... плакала. Сама не зная почему. Ей бы радоваться за подругу, но девушка заливалась слезами, стараясь только не шуметь, чтобы не портить торжественный момент.

Когда же молодых повели вокруг анаоя, ей вдруг привиделось, что Петр Адрианович идет по взрытому картечью полю, и на его парадном мундире проступают черные пятна засохшей крови. А белое платье Софочки превратилось в погребальный саван, прикрытый белыми складками фаты. Отчаянно крестясь, молодая итальянка просила всех святых уберечь ее подругу и ее молодого мужа, а стоящие рядом косились на девушку, думая, что она с таким отчаянным видом просит себе замужества.

На праздничный обед семья и немногочисленные друзья молодых собрались в ресторане. Шумно праздновать не стали – выпили по бокалу шампанского, закусили икрой, а потом молодожены уехали сразу в квартиру полковника. До отправления полка оставалось три дня.

Розетта осталась жить в семье генерала. Эти три дня она не находила себе места – бродила уныло по саду, пыталась рукодельничать, читать, писать записочки Софье – все было напрасно. Девушку мучили дурные предчувствия и страшные сны. Немного оживилась она лишь тогда, когда в дом генерала заехали ее отец и брат – попрощаться. Розетта обнимала брата, отца и с трудом сдерживала слезы. У нее было четкое ощущение, что она видит их в последний раз. А следующим утром Софья Ильинична вернулась в родительский дом. Из казенной квартиры супруга ее не гнали, но молодой женщине страшно было оставаться одной.

Мария Александровна приняла дочь с радостью, хотя и встал вопрос – молодой, но все же замужней даме неприлично жить в ее девичьей комнате, да еще с незамужней девицей. Поразмыслив, генеральша приказала перенести вещи замужней дочери в гостевую спальню с широкой «семейной» кроватью. Туда же перенесли часть приданого, гардероб и милые сердцу безделушки Софьи Ильиничны.

Проводив мужчин, женщины впали в странное состояние ожидания. Они вставали утром, приводили себя в порядок – совсем просто – и собирались за завтраком. Поскольку мужчин в доме практически не осталось, готовили тоже просто и строго соблюдали постные дни. После еды дети шли заниматься с гувернанткой, а Мария Александровна, Софья Ильинична и Розетта усаживались в гостиной с рукоделием. Кто-то читал вслух, создавая фон для мыслей, в которые погружалась каждая.

Рукоделие тоже было непривычное – Мария Александровна резала на бинты старые простыни. Потом полосы ткани кипятили, сушили на ветерке, утюжили и сматывали в рулоны для передачи местному госпиталю. Софья и Розетта щипали корпию – из тех же мягких лоскутов и обрезков надергивали нитки, превращая их в мягкий клубок, который доктора пропитывали лекарствами при обработке ран. Все служанки, свободные от домашних дел, садились за пряжу. Мария Александровна искренне опасалась, что поход затянется, и мужчинам не обойтись будет без теплых чулок и рукавиц.

Все сидели, казалось бы, спокойно, иногда беседовали, нередко Розетту просили спеть, но стоило хлопнуть двери, как все вздрагивали, прерывали свои занятия и замирали испуганно, с волнительным ожиданием глядя на вход в гостиную. А уж если на тихой улице, где

располагались офицерские квартиры, раздавался стук копыт курьера... Изо всех окон высовывались головы в чепцах и шляпках, стремясь увидеть посыльного, чтобы вперед всех узнать новости.

Так прошел июнь. В июле Софочка упала в обморок от жары, и тогда измученная нездоровой городской атмосферой Мария Александровна внезапно решила ехать за город, чтобы немного переждать летнюю духоту и тяжесть. Войска отступали. Покинули Гродно, Вильну, к началу июля Литва была полностью в руках французской армии. Когда в сводках появился Полоцк, генерал прислал письмо.

– Дорогая моя Маришенька, – торопливо писал генерал, – мы продолжаем отступать. Короткие стычки с итальянской, французской и шведской армиями кровопролитны и бессмысленны. Прошу тебя и Софочку беречь себя. Поцелуй Александра и Николая.

Мария Александровна прочитала вслух часть письма, а после ушла с ним в свою спальню и утром выглядела очень усталой, словно много плакала.

Розетта переживала об отце и брате, но добрый генерал Казачковский сделал в своем письме приписку о том, что ее близкие здоровы и, несмотря на тяготы походной жизни, держатся бодро и весело.

Между тем дела на фронте становились все хуже. Родственники Марии Александровны, живущие в Москве, приехали в Петербург, и дом наполнился людьми и голосами. В комнату Розетты подселили старую девушку лет тридцати – нервную, склочную и склонную к длинным сентенциям. Маленькая итальянка вынужденно терпела соседство, но старалась проводить время в саду или в гостиной с Софьей Ильиничной и Марией Александровной. При хозяйке дома гостя не смела обвинять Розетту в чем-либо. Зато тетушки, бабушки и дядюшки живо интересовались «судьбой несчастной сиротки» и доставали Розетту нравоучениями и советами немедля выйти замуж.

На фоне всего этого беспокойства Софочка снова упала в обморок и, сославшись на духоту и толчею, съехала на квартиру супруга вместе с Розеттой.

Уже в скромных апартаментах полковника молодая женщина призналась подруге, что, скорее всего, она ждет ребенка. Для подтверждения Розетта сбегала за доктором, и, выслушав утомленного

наплывом пациентов эскулапа, Софочка погрузилась в блаженное ожидание. Вот только уже в начале августа будущую мамочку начали одолевать тягостные сны. Днем она плакала, молилась и снова плакала. А потом, в один из серых дождливых дней, схватила Розетту за руки:

– Розетта, я знаю, что должна ехать. Туда! К Смоленску! Маменька меня не отпустит, но... Ты поедешь со мной?

Маленькая итальянка, с трудом державшаяся на успокоительных микстурах, чуть не подпрыгнула на месте:

– Поеду, Софья Ильинична! Только... Надо как то сделать так, чтобы нас не остановили!

– Я уже все продумала! – супруга полковника на миг отбросила свои тревоги и задорно улыбнулась.

На следующее утро Софочка приказала вынести сундуки в карету, написала маменьке записку, что уезжает к подруге в пригород, а подруге отправила посыльного с целой стопкой писем, которые они с Розеттой писали всю ночь.

Сонные и утомленные дамы сели в карету и покатали к Смоленску. Их план сработал – их никто не остановил. Аккуратно выписанная подорожная – жена офицера едет в распоряжение полка – позволяла двум женщинам довольно быстро преодолевать дорожные преграды. Их обеих словно кто-то гнал туда, к войскам.

Однако за три дня пути до Смоленска Софье Ильиничне стало нехорошо, и они остановились в гостинице. Мокрые, грязные, уставшие путешественницы вдруг ощутили какой-то предел и решили провести в трактире два дня, чтобы вымыться, высушить одежду и отоспаться на кроватях.

Провидение было к ним милосердно – спали измученные женщины без предчувствий и кошмаров. А на третий день, когда кучер уже ставил сундуки на задок кареты, до них долетел ужасающий грохот...

– Что это? – замерла Сонечка, рефлекторно прикрывая живот.

– Так пушки палят, ваше сиятельство! – ответил кучер, бывший когда-то денщиком ее супруга.

– Пушки?

– Битва, похоже, близко. Туда вам сейчас точно ехать не стоит. Давайте лучше назад вернемся, а как затихнет, тогда уж в распоряжение полка...

Софья Ильинична засомневалась было, но кучера энергично поддержала Розетта:

– Сонечка, вам нервничать доктор запретил! И шум для малыша вреден. Переждем!

Забравшись в карету, путешественницы стали смотреть в окно и с некоторым ужасом наблюдали поток мирного населения.

– Кто все эти люди? Куда? – лепетала Софья, кутаясь в шаль.

– Известно куда, – вздыхала в ответ Розетта, уже видевшая что-то подобное. – От войны бегут.

– Но как же... Разве наши войска не побеждают?

– Кажется, именно сейчас идет битва, – утешала свою спутницу итальянка.

Они добрались до другой гостиницы, но мест в ней не нашлось. Ночевка в карете и отсутствие горячей пищи довело Сонечку до слез. Розетта утешала подругу, ворчливый кучер отправился на поиск котелка, дров для костра и хоть завалящей курицы.

Пока их единственный спутник и охранник где-то ходил, к карете подошел седенький монах в поношенной рясе и бурой камилавке:

– Сударыни, есть горячий суп и сухари, – сказал он негромко.

– Мы будем вам очень благодарны! – сразу сказала Розетта. – Мы готовы заплатить, но здесь столько людей, нуждающихся в помощи...

Монах молча передал в карету горшок с теплой похлебкой и мешочек с сухарями. Софья Ильинична оживала с каждым глотком, да и Розетта была страшно рада первой горячей еде больше чем за сутки.

Они действительно отдали за горшок супа серебряный рубль, но монах никуда не ушел – он забрал опустевший горшок, тщательно вымыл его у колодца, наполнил водой и поставил на задок кареты. Вскоре пришел кучер – ему удалось раздобыть курицу и немного зелени в каком-то затоптанном огороде, так что, расположившись у кареты, старый солдат неспешно обрабатывал птичку и рассказывал двум юным дамам, что происходит:

– Картечью лупят. Шума много, но хорошее укрепление сдюжит. А это вот горящие ядра летят, словно звездочки мерцают...

Два дня женщины прожили в карете, питаясь тем, что добывали мужчины. В конце третьих суток, когда на дороге показались первые раненые, монах сказал:

– Пора! – достал из своего нищенского мешка священническое облачение и медленно двинулся в сторону затихшего сражения.

– За ним! – скомандовала Софья Ильинична, и кучер послушно запряг отдохнувших лошадей и взмахнул кнутом.

Глава 20

Потом Розетта вспоминала неделю, проведенную на Бородинском поле, как выпавший из памяти кусок жизни.

Русская армия отступила на Можайск. Смоленская дорога была загружена сверх меры. Пикинеры использовали свои пики и плащи как носилки. Их кучер перехватил по дороге кого-то из знакомых и выяснил, где стоял полк Смирницкого. Поболтав еще немного, узнал даже, где была ставка генерала Казачковского.

– Папенька ваш жив! – сказал он первым делом Софье Ильиничне, вернувшись с дороги. – А вот супруг... Сказывали, его полк у кривой сосны стоял, если сейчас навстречу нам не попадетсЯ, будем там искать...

Голос старого солдата дрогнул, а Софья до побеления сжала руки.

Вскоре карету пришлось бросить со всеми пожитками. По совету монаха дамы взяли с собой пледы, воду и переобулись в сапоги, прихваченные на случай дождливой погоды. Для чего – стало понятно на подступах к полю. Всюду лежали тела. Сломанное оружие. Земля пропиталась кровью, а в воздухе висели стоны раненых, которых не успевали выносить с поля.

– Вон, госпожа, сосна-то кривая! – кучер ткнул пальцем в точку на горизонте, и девушки содрогнулись.

Чтобы добраться туда, им предстояло преодолеть горы человеческой и конской плоти, оружия и воронок от влетевших в землю ядер. К тому же на поле они были не одни – тут бродили раненые, суетились пикинеры, и медленно, с торжественной мрачностью, слетались вороны, примериваясь к еще теплой плоти.

Полковника Смирницкого они нашли под той самой сосной. Его убило картечью, поэтому опознать его было сложно, но кто-то из вестовых накрыл покойного ярким плащом, и это помогло в поисках.

Неподалеку Розетта нашла отца. Синьор Россет лежал, скорчившись от боли, сжимая одной рукой другую – оторванную, кажется, тем же залпом, которым убило полковника.

– Брат! – закричала обезумевшая от горя девушка, но, осмотревшись, не нашла рядом худенького мальчика с шапкой

смоляных кудрей. Стиснув зубы, она пробормотала молитву святой деде и обняла рыдающую Софью Ильиничну. Молодая женщина выла, обнимая холодное тело супруга, и только монах, чинно служащий заупокойную литию, не давал женщинам соскользнуть в безумие.

Им удалось вынести тела с поля только спустя несколько дней. Похоронили там же, у дороги, поставив в изголовье камень с кое-как написанными женской помадой именами. Маленького Марселя Россет рядом с отцом и командиром так и не нашли.

Измученные своим безумным путешествием и горем, две женщины ехали в столицу. В пути у них кончились деньги и припасы, они навидались смертей и ужасов войны, но все же вернулись в дом генерала в Петербурге.

Навстречу побитой жизнью карете выбежала похудевшая и почерневшая Мария Александровна. Она, плача, порывисто обнимала дочь и ее подругу, целовала полуседые локоны юной вдовы и с долей благоговейного ужаса касалась еще пока едва заметного живота Софочки.

Потом две беглянки мылись, ели, примеряли платья – Розетта просто отошала до прозрачности, поэтому легко надела свои девичьи платья, посильнее затянув корсет и пояс. А вот Софья Ильинична при общем нервном истощении все же обзавелась милым животиком, поэтому от корсета ей пришлось отказаться.

Сидя в гостиной, девушки поведали родным о своем путешествии и ужасающей находке. Сонечка привезла с собой ордена мужа и прядь его волос и не могла смотреть без слез на эти реликвии. Розетта тоже плакала – от отца она сохранила его медали и часы с портретом матери в крышке. О брате не было никаких вестей.

Между тем вести со всех сторон доносились ужасные – Наполеон взял Москву!

Войска отступали, деревни горели, провиант стал неоправданно дорог, и даже в столице трудно стало раздобыть извозчика, ведь всех мало-мальски приличных коней забрали либо на строевую службу, либо в обоз.

Немного придя в себя, Софья Ильинична хотела было вернуться в прежнюю свою квартиру, но узнала, что более не имеет права ее занимать. Ее попросили забрать со склада личные вещи и

предоставили пенсию, как вдове, намекнув, что в следующий раз нужно будет прийти в присутствие, когда родится ребенок.

Всеми этими делами руководила Мария Александровна. Жена генерала разослала сообщения родственникам о смерти члена семьи. Уведомила кого надо о том, что у полковника Смирницкого должен родиться наследник или наследница, заказала панихиды и в напряжении каждое утро лично встречала дворника с газетой, чтобы первой узнать все новости.

Розетта... Маленькая итальянка впала в странную меланхолию. Ей казалось, от нее отрезали огромный кусок и похоронили там, рядом с Бородинским полем...

Девушка много молилась, читала писание и проводила свои дни рядом с Софьей Ильиничной. Молодая вдова плакала целыми днями. Иногда даже во сне по ее лицу катились слезы. Доктор ворчал, ругался и выписывал успокоительные капли, но на Софочку ничего не действовало. Немного успокоилась она лишь к декабрю, когда ударили морозы, и стало понятно, что огромная армия Наполеона отступает.

В конце января случилось чудо – в дом явился, постукивая деревяшкой, одноногий инвалид в потертой солдатской шинели. А с ним...

– Марселино! – Розетта очнулась от своего странного сна наяву и кинулась в объятия родственника. Они плакали, обнявшись, потом вместе пошли к Софье Ильиничне, и молодой корнет рассказал, как погибли его отец и полковник Смирницкий. В черных волосах мальчика просвечивали белые пряди, но это никого не удивляло. В Петербурге хватало выздоравливающих солдат и офицеров, несущих на себе тяжелый отпечаток сражений.

В общей суете не сразу заметили, что Сонечке стало нехорошо, а когда послали за доктором, будущая мама вцепилась в подружку, с которой не расставалась весь последний год, и не отпустила ее даже тогда, когда ее спешно уложили в постель для осмотра. Розетта, конечно, старалась не видеть лишнего. Она утирала Софочке пот, подносила воду, болтала, отвлекая подругу от долгих и болезненных схваток.

Однако Софья Ильинична отвлекаться не желала. Она требовала с Розетты клятву – назвать младенца именем отца и вырастить из него достойного офицера.

– Софочка, – ласковым голосом уговаривала ее Розетта, – а что, если у тебя девочка родится? Имя «Петр» ей совсем не пойдет!

– Будет Петра! – стонала, извиваясь, Соня. – Обещай мне! Клянись!

Когда у тебя на руках корчится от боли живой человек – ты пообещаешь ему что угодно. Вот и Розетта пообещала. Под утро Сонечка родила крепкого горластого мальчишку. Призванная на помощь повитуха торопливо обмыла младенца, запеленала и вручила Розетте:

– Подержите, синьорина, вам тут лучше не смотреть!

Розетта с облегчением ушла к окну и поначалу не прислушивалась к тому, что происходило в комнате. Ее удивлял и поражал ребенок, лежащий у нее на руках. Сын Петра Адриановича и Сонечки. Такой крохотный, но довольно увесистый. Громкий. Интересно, его волосы будут золотыми, как у матери? Или каштановыми, как у отца? А глаза? Какого цвета будут глаза?

Покачивая младенца, девушка засмотрелась в окно и наконец услышала за спиной тревожный шепот доктора и повитухи. Кажется, после рождения юного Петра Петровича Смирницкого что-то пошло не так.

Чтобы не мешать, Розетта вышла. В соседней комнате ожидали кормилица и новоиспеченная бабушка. Мария Александровна приняла на руки первого внука и, пряча слезы, прижала его к груди. Потом, правда, младенец недовольно завозился, захныкал, и его передали кормилице. А через час из спальни вышли опустошенные доктор и повитуха – спасти родильницу не удалось.

Зато у доктора в руках была бумага, на которой слабеющей рукой Софочки была написана ее последняя воля – опекунами ее сына назначались Розетта Россет и генерал Казачковский.

Пока Мария Александровна рыдала над телом дочери, Розетте пришлось заниматься малышом, и она отдала ему все свое время и силы. Ведь больше в ее жизни ничего ценного не осталось.

Генерал Казачковский вернулся домой только в 1814 году, завершив вместе с русской армией заграничный поход. Глава семейства вышел в отставку, но успел определить на службу Марселя Россет, а своего старшего сына – в кадетский корпус.

Дома генерала встретили жена, сыновья и полуторагодовалый внук – Петр Петрович Смирницкий. Розетта Россет никогда не была замужем. Когда молодой капитан Смирницкий женился, вышел в отставку и уехал в унаследованное им поместье, он взял с собой «тетушку Розетту». Сия почтенная особа жила в его доме, нянчила детей и внуков и умерла в глубокой старости – в возрасте более девяноста лет. Последними ее словами были: «Сонечка, я сдержала свое слово».

Глава 21

Трехсотлетие семьи Романовых праздновали с размахом. Балы, театральные премьеры, амнистии, стипендии, молебны и парады. Тысяча девятьсот тринадцатый был годом бурным и тревожным, но для кого-то он был радостным. Катенька Байкова – младшая дочь полковника Байкова – поступила в Смольный институт. По этому случаю маменька подарила ей прелестный альбом, украшенный фотографией юной смолянки.

– Я дарю тебе эту вещицу на память о родном доме и твоих близких, – сказала Надежда Павловна Байкова, выводя красивую виньетку после дарственной надписи. – Береги его, не марай листов зря, и пусть этот альбом станет для тебя лучшим собеседником.

Катенька поцеловала мамá в щеку и в нетерпении принялась перебирать скромные пожитки из дозволенного списка. Белье, ленты для волос, пакетик с леденцами, завернутый в стопку носовых платочков, перчатки, носочки, заботливо связанные няней.

Хотелось плакать, в носу противно щипало, но девочка сдерживалась – ее берут в первый класс Смольного института! Это большая честь! К тому же они с Машей едут в Петербург, и она успеет полюбоваться столицей!

Мария Николаевна – старшая, замужняя сестра Катеньки – тоже радовалась поездке. Она закончила Смольный институт десять лет назад, почти сразу вышла замуж за офицера, родила детей и изрядно соскучилась по блеску и шуму большого города. Оставив детей на попечении матери, Мария Николаевна собиралась отвезти сестру в Смольный и повидать живущих в столице подруг. Заодно пройтись по столичным магазинам, заглянуть в театр и полюбоваться городом, украшенным к торжествам.

Все получилось почти так, как задумывалось. Сестры приехали в Петербург сонным туманным утром. Вышли, шатаясь от усталости, на перрон и кликнули носильщика. Бравый парень в фуражке с лаковым козырьком, с номером на бляхе подскочил к ним, подхватил

немногочисленные пожитки и довел до стоянки извозчиков. Марии Николаевне отчаянно хотелось сэкономить, но у Финбана был такой поток пассажиров, что никто не торговался.

Взяв коляску, дамы отправились в недорогую гостиницу. Старшая сестра любовалась городом, толчеей и витринами, младшая судорожно вцепилась в пришитую петлю и втянула голову в плечи. Петербург ошеломил Катеньку. Здесь плохо пахло, в ушах звенело от гула конок и звонков автомобилей. А люди! Сколько же здесь было людей! Даже на полковом параде Катенька не видела столько народу!

В гостинице их встретил любезный швейцар и проводил в номер. Мария Николаевна поморщилась на пыльные занавески и потрепанную скатерть, но промолчала. На жалованье капитана особо не разгуляешься. Маменька тоже не смогла добавить денег – Катенька младшая, а кроме нее в семье еще шестеро детей. И всем нужно учиться! Хорошо, маменькина дальняя родственница похлопотала о месте в Смольном. Маша тоже окончила этот институт – пусть и не блестяще, без шифра, но с благодарственным письмом. И замуж вышла быстро. Вот с мальчиками куда труднее – Петя только второй год учится в гимназии, Павлуша в шестом классе, а Григорий заканчивает гимназию в следующем году. Благо Алексей уже поступил на службу, но его жалования едва хватает на приличный мундир и оплату комнаты поближе к присутственному месту.

Мария Николаевна вздохнула и предложила сестре умыться с дороги, переодеть платье и выйти перекусить.

– А... сюда нельзя заказать еды? Хотя бы самовар! – дрожащим голосом спросила Катенька.

– Прости, милая, – вздохнула Мария Николаевна, – но нам нужно экономить. Чай в трактире обойдется нам куда дешевле.

Девочка не спорила. Она ушла за ширму, быстро умылась, обтерлась полотенцем, переменила белье, причесала волосы и показалась, вполне готовая к выходу.

– Ты молодец, быстро управилась! – устало улыбнулась ей сестра. – Положи пока белье в ту корзину, его отдадут прачке, я сейчас переоденусь!

Через полчаса две дамы вышли из гостиницы и, немного покружив по улице, зашли в кофейню.

– В Петербурге чай пьют редко, – шепотом объясняла младшей сестре старшая, – тут предпочитают кофе.

Катенька была удивлена. Дома ей кофе не наливали, считая слишком маленькой, зато чая – сколько угодно! Горячего, душистого! С вареньем и баранками!

Впрочем, чай в кофейне тоже нашелся, а к нему превкусные сайки с изюмом и свежее масло. Подкрепившись, дамы вышли на улицу, и Маша предложила прогуляться.

– Для визитов еще слишком рано, к тому же у меня мало адресов. Сначала заедем к Лидочке Веринской, она ведет переписку со всеми, вот у нее и узнаем, кто сейчас в городе.

Катенька из этой фразы почти ничего не поняла, но на прогулку согласилась. Они неспешно прошли по улицам, разглядывая дома, наряды встречных дам и редкие витрины. А потом... вышли на Невский! И вот тут обе дамы совершенно пропали у витрины Елисеевского универмага! Им так хотелось заглянуть внутрь этого волшебного царства стекла, электрического освещения и диковинок, что Мария Николаевна не удержалась – взяла сестру за руку и решительным шагом направилась к дверям. Им не препятствовали.

Внутри было потрясающе! Пахло чем-то тонким, острым и нездешним. Под стеклянными колпаками блестели разноцветные леденцы, рядом висели расписные жестяные коробочки с надписью «ЛандринЪ». Дальше стояли бонбоньерки с шоколадными трюфелями в бумажных кружевных розетках, висели горки пастилы и орехов в шоколаде.

Катенька смотрела на все это, как на сказку – безо всякого желания заполучить это чудо себе. Она просто любовалась, вдыхала запахи ванили, шоколада и пряностей, дышала сладким теплом и восхищалась.

Внезапно Машенька остановилась и, восклицая что-то вроде: «душка», «прелесть», «не чаяла увидеть», принялась обниматься с тоненькой дамой в платье из нескольких слоев светлого шелка и в шелковой же накидке с отделкой из лебяжьего пуха.

– Ах, Мими! – дама наконец оторвалась от Машеньки. – Ты почти не изменилась! Кто это прелестное дитя?

– Моя сестрица, Катенька, – улыбаясь, ответила Мария Николаевна, – я привезла ее поступать в Смольный!

– Рада знакомству, – чарующим голосом пропела дама, – меня зовут Зинаида Павловна.

Катенька присела в книксене и потупилась.

– Мими, твоя сестра прелестна, приходите ко мне на чай в семь часов. Будет маленькое общество. Познакомлю тебя с мужем и сыном.

– Благодарю за приглашение, Зизи, непременно будем! – Мария Николаевна улыбнулась, дамы еще раз обнялись и разошлись.

– Катенька, уже два часа пополудни! Немедля в гостиницу! Нужно приготовиться к вечеру!

Легкая паника в голосе сестры заставила девочку ускориться. Они выбежали на улицу, наняли извозчика и помчались в гостиницу. Там Маша вызвала горничную и приказала ей сию секунду взяться за приведение в порядок их визитных платьев.

Глядя на прихваченное в дорогу визитное платье, Мими только вздыхала. Конечно, оно было глубоко провинциальным, и эти широкие рукава, давно вышедшие из моды! Но что было делать? Шить новое нет времени и средств, а появиться на приеме в плохо пригнанном платье «с вешалки» из ближайшей лавки готового платья не позволял хороший вкус. Так что Мария Николаевна сделала ставку на безупречный внешний вид. Платье было проветрено, пропарено, воротничок и манжеты из тонкого кружева сияли белизной и крахмалом, а корсет затянут ровно настолько, чтобы не выглядеть «затянутой».

Катеньке было проще – ее платьице было, по сути, еще детским, и от него не требовалось соответствие моде. Скромное, строгое – этого довольно.

До дома Зизи добрались на извозчике. Залюбовавшись ярко освещенным особняком, Мария Николаевна незаметно вздохнула – Зизи сделала отличную партию, выйдя замуж за товарища министра. Впрочем, зависть – смертный грех. У них с Катенькой есть шанс отлично провести вечер, и это уже большое счастье!

У дверей дома дам встретил швейцар. Он открыл тяжелую дверь и держал ее, пока они входили. В прихожей ждала дежурная горничная. Она приняла накидки, помогла снять шляпки, поправить прически и проводила в гостиную.

– Мими! – Зинаида Павловна подошла к подруге и снова нежно с нею расцеловалась. – Идемте, я представлю вас семье...

Семьей Зизи были мужчина лет тридцати пяти – одетый элегантно и строго, и молодой человек лет шестнадцати.

– Знакомьтесь: Аристарх Петрович Яхонтов, мой муж, и его сын – Алексей Аристархович! Моя подруга по институту, Мария Николаевна...

– Кунгурова, – представилась Маша, вспомнив, что бывшая сокурсница не знает ее «замужней» фамилии.

– И ее сестра, Екатерина Николаевна Байкова, – закончила Зизи.

Девочка сделала книксен, мужчины поклонились.

– А моя крошка Лили сейчас в детской, – с той же очаровательной улыбкой закончила представление Зинаида Павловна, – ей пока рано бывать вечерами в гостиной.

После нескольких любезных слов о детях и хлопотах взрослые отошли, оставив Катеньку рядом с молодым человеком.

– Алексей, займи гостью, – сказала Зинаида через плечо.

Юноша покривился, но остался. Девочка огляделась и увидела на столике несколько альбомов, похожих на тот, что подарила ей маменька.

– Алексей Аристархович, – сказала она вежливо, – вы можете идти, я займу время этими альбомами. Матушка недавно подарила мне похожий, и я бы хотела узнать, что в них пишут.

Молодой человек, наверное, и рад был бы оставить маленькую гостью одну, но народу в гостиной было немного, и его дезертирство станет замечено. Поэтому он любезно ответил:

– А давайте посмотрим эти альбомы вместе! Право слово, я прежде в них не заглядывал!

Они присели на диванчик и открыли первый, самый большой альбом, обшитый пластинками малахита. Этот камень отлично вписывался в интерьер гостиной госпожи Яхонтовой.

– «Сию книжицу дарю любезной моей тетушке Розетте Россет, с уважением и любовью, П. П. Смирницкий», – прочитала негромко Катенька и удивилась, заметив атрибуцию: 1839 год! – Эта госпожа Россет – ваша родственница?

– Нет, что вы, – живо ответил Алексей, – кажется, этот альбом матушка, – тут он бросил взгляд на жену отца, – купила в антикварном магазинчике на Васильевском. Для украшения интерьера.

Между тем сразу под крышкой после дарственной надписи красовался гравюрный портрет не юной, но очень красивой темноволосой и черноглазой женщины в старинном одеянии.

– Розетта Россет, – прочитала Катенька и бережно обвела портрет по краю: – Какая она красивая!

Молодой человек промолчал. На его взгляд, красота неведомой дамы была слишком южной. Ему милее были светлые локоны и голубые глаза, вот как у этой до смешного серьезной девочки. Между тем Катюша аккуратно перевернула толстый картонный лист и едва не захлопала в ладоши от восторга – толпа веселых амуров, лукаво улыбаясь, кружила вокруг вставленного в самодельную рамку портрета.

– П. А. Смирницкий, – негромко прочла девочка. – А здесь, смотрите, Алексей Аристархович, С. И. Смирницкая в день свадьбы! Какая красивая пара! Интересно, кто это?

– Может быть, – рассеянно ответил Алексей. При взгляде на портреты его вдруг охватило странное чувство. Французы называют его *déjà vu*^[1]. Он смотрел на молодого мужчину в парадной форме и чувствовал на плечах тяжесть золотых эполет, хотя учился в университете и собирался служить в штатском. А женщина... Странно, она казалась знакомой, хотя Алексей готов был поклясться, что видел ее впервые!

На следующем листе был изображен младенец на пышной алой подушке. Одетый в тонкую белую рубашку, он держал в руках игрушечную саблю и выглядел довольным жизнью.

– П. П. Смирницкий, два года, – прочитала Катенька и улыбнулась. – Алексей Аристархович, вы не находите, что все маленькие дети очень похожи?

Алексей растерялся:

– Не знаю, – ответил он искренне. – У меня есть младшая сестра, Лилечка, она очень менялась каждый месяц. Сейчас уже не так быстро, но все же.

– О, как вам повезло, Алексей Аристархович! – серьезно сказала Катенька. – У меня нет младших братьев или сестер, только старшие. Но есть племянники, дети моей сестры, Марии Николаевны. Они все очень похожи, пока маленькие. Даже трудно сказать – мальчик лежит в пеленках или девочка!

– Никогда над этим не размышлял, – снова искренне сказал Алексей и на миг задумался – почему он так откровенен с девочкой, которую, скорее всего, видит первый и последний раз? К его огромному сожалению, продолжить беседу над альбомом им не дали – позвали к столу, за которым отец его, как всегда, говорил о политике, мачеха – о моде, а приглашенные гости делили внимание между ними.

За столом Катеньке было скучно и не особо вкусно – Зинаида Павловна увлекалась здоровым питанием, поэтому даже к званому ужину подавались протертые и несоленые блюда. Только Аристарху Петровичу принесли его любимый бифштекс, на который молодая жена смотрела неодобрительно.

Алексея усадили рядом с пожилым гостем, который считал, что в нынешнее непростое время у молодого человека существовал лишь один выбор – армия, и он всячески пытался донести свою мысль до юноши. Возражать и спорить было бесполезно, поэтому молодой Яхонтов угукал и кивал, тоскливо думая о том, что мог бы рассматривать старинный альбом с той смешной крохой, и вечер прошел бы куда приятнее.

Глава 22

Поздним вечером усталая и расслабленная Мария Николаевна вместе с Катенькой вернулась в гостиницу. Они быстро умылись, обтерлись полотенцами и легли спать. Бывшая институтка радовалась встрече с подругой, немного завидовала ее финансовому благополучию и переживала, что узнать о других «девочках» ничего не удалось. Не подвернулся удачный момент для таких разговоров. Катеньке же снились портреты из альбома, и почему-то сон ее был крепким и спокойным, как дома.

Утром сестры поехали в Смольный. Дорога выдалась неблизкой, да и возница не спешил погонять лошадь. Любуясь городом, соборами и разноцветными особняками, Маша и Катя молчали. Одну страшило грядущее, вторая размышляла над тем, стоит ли купить новое визитное платье?

В институте их приняли холодно. Объяснили, что в самом институте мест в младших классах нет, но раз есть письмо от благотворительницы, Катеньку могут взять в гимназию принцессы Ольденбургской. Она совсем рядом с институтом, и занимаются в ней по той же программе, но вечером в пятницу девочек отпускают домой с условием возвращения вечером в воскресенье или рано утром в понедельник.

– Но у нас нет родных в Петербурге! – чуть не плача, сказала Мария Николаевна.

– Тогда придется доплатить за содержание девочки в выходные. Ну неужели у вас нет никаких друзей? – укоризненно спросила заместительница начальницы мадам Шалье, которая их принимала.

Ох, если бы только Мария Николаевна знала, что на деле место для Катеньки было подготовлено. Однако с условием, что девочка появится в институте до начала учебного года. Если же Катеньку не успеют привезти – бесплатное место доставалось племяннице мадам Шалье. Не зная, что делать, бывшая институтка сдалась. Согласилась оформить сестру в гимназию, надеясь, что сумеет выделить из своего скудного бюджета необходимые два рубля в месяц.

Документы оформили быстро, и сестры отправились в гимназию – знакомиться с новым начальством. Тут их встретили куда теплее – угостили чаем, приняли бумаги и попросили привезти девочку в школу не раньше первого сентября.

– В этом году делаем ремонт в дортуарах, и немного затянули, – с легкой улыбкой сказала директриса, – но к началу учебного года должны успеть.

Мария Николаевна задумалась. Она-то везла сестру в Смольный институт, зная, что там всегда есть свободные кровати и дежурные преподаватели. А тут... Конечно, провести в Петербурге еще две недели заманчиво – но очень уж накладно. Да и муж, дети...

В общем, покидала гимназию молодая женщина в глубокой задумчивости.

Сестры вернулись в гостиницу и собрались пообедать в ближайшей чайной, но, к их удивлению, им передали приглашение – от Зизи. На чашку чая в будуаре.

– Кажется, Зиночка тоже недовольна тем, что мы вчера не смогли поговорить вдвоем, – довольно вздохнула Маша. – Давай поедем к ней на чай, а потом поужинаем в номере. Боюсь, из гостей вернемся поздно.

Катенька устала, перенервничала и проголодалась, но капризничать не стала. Услышав, что они снова едут к Зизи, девочка подумала, что сумеет снова полистать тот интересный альбом в гостинице.

Зинаида Павловна встретила их в домашнем платье. У нее болела голова после шампанского, выпитого накануне, и ей хотелось кому-то выговориться и поплакать. Мария Николаевна с готовностью распахнула ей объятия и в свою очередь пожаловалась на свои заботы.

– Какие пустяки! – фыркнула Зизи. – Оставь девочку у нас. В детской полно места! И если тебе так важно, я могу посылать кучера с коляской, чтобы забирать ее на выходной!

– Зиночка! Ты меня просто спасаешь! – возликовала Мария Николаевна.

– Сейчас в моде благотворительность! – отмахнулась подружка и, подлив себе в чай пару ложек ликера, продолжила рассказ о том, как тяжела жизнь супруги высокопоставленного чиновника.

Еще несколько дней сестры прожили в гостинице. Навещали подруг Марию Николаевну, бродили по магазинам и даже заглянули в Русский музей, основанный императором Александром III, а потом настало время прощаться. Взволнованную и немного испуганную Катеньку привезли в особняк Яхонтовых, отвели в комнату с детской кроваткой и оставили одну. Девочка стояла на месте, боясь шелохнуться, но тут из-за корзины с игрушками выбралась девочка лет пяти, подошла к ней, встала напротив и спросила:

– Ты кто?

– Катенька...

– А я мамина девочка Лилечка!

– Рада знакомству! – вежливо ответила Катя.

– Ты будешь жить со мной?

– Наверное, недолго, – неуверенно сказала Катенька.

– Тогда будешь спать здесь! – девочка потянула Катю в угол, за ширму, и показала узкую походную кровать^[2], накрытую неярким покрывалом. – Сегодня дворник принес, – продолжала болтать Лилечка, – мама сказала папе, что это для тебя. Пойдем играть?

Девочки успели перебрать всех кукол, обсудить их наряды и даже устроить им чаепитие, когда в детскую вошла немолодая женщина в сером платье и переднике. «Няня», – сразу поняла Катенька. У них в семье тоже была няня, но гораздо старше. Между тем Лилечка сразу побежала к няне, обняла ее за подол и стала сумбурно рассказывать про новую подругу.

– Здравствуйте, барышня, – спокойным голосом сказала женщина, – меня Валентина зовут. Я няня Лилечки. Зинаида Павловна про вас сказала. Очень хорошо, что вы с Лилечкой побудете, ей уже пора по-французски говорить, а я только по-русски умею.

– Меня зовут Катенька, – вежливо ответила девочка, – буду рада помочь.

На следующий день гостя поняла, что ее приняли в дом, чтобы сэкономить на гувернантке. Лилечку начали спрашивать, учит ли она уже французские или немецкие буквы, как будет по-французски «гости» и «обед». Катя ужасно от всего этого смущалась, но все же попросила Зинаиду Павловну купить для малышки французскую азбуку, тетрадь и карандаши. Эта просьба почему-то вдохновила хозяйку дома, и она взяла девочек в поездку по магазинам. Катенька

должна была присматривать за капризной Лилечкой в магазине и слушать бесконечное: «Ах, мы уже покупаем французскую азбуку! Дети так быстро растут!»

Вечером за столом только и разговоров было о том, что Лилечка начинает учебу. Катенька молчала. Она привыкла к детям и часто играла с племянниками в «гимназию», но и подумать не могла, что на нее возложат такую ответственность.

Первым это заметил Алексей Аристархович:

– Зинаида Павловна, – сказал он хмуро, – вы приняли для Лилечки гувернантку?

– Да зачем? – отмахнулась Зизи. – Лилечка еще мала. Вот Катенька высказала желание позаниматься с нашей крошкой. Она такая милая!

Взгляд темных глаз хозяйки дома уставился на Катеньку с хищным прищуром голодного крокодила и не обещал девочке ничего хорошего, если она попробует возразить. Возражать Катя и не стала – просто молча опустила голову.

– В таком случае, – невозмутимо сказал Алексей, отлично знающий свою мачеху, – было бы неплохо назначить Катеньке жалование.

– Какие глупости, зачем маленькой девочке деньги?

– За тем же, зачем и большой, – тут Алексей позволил себе проявить истинное отношение к жене отца. – Катя поступила в гимназию принцессы Ольденбургской, полагаю, туда понадобятся книги, тетради, перья и прочее. Если уж вы нашли недорогую помощницу для няни, извольте оплачивать ее усилия!

Зинаида Павловна выразительно фыркнула, явно собираясь сказать что-то резкое о нищих, принятых в дом из милости, но тут приборы положил Аристарх Петрович:

– В самом деле, барышня, вы поступили в гимназию Ольденбургских?

– Все верно, сударь, – отвечала Катенька, – места в Смольном мне не хватило.

– Очень рад за вас и поздравляю. Если вы действительно будете заниматься с Лилечкой французским языком, я готов платить вам два рубля в неделю. Вы согласны?

У Катеньки пропал дар речи. Ей изредка дарили гривенник на Рождество и Пасху, но чтобы два рубля?

– Да, Аристарх Петрович, я согласна! – сказала она с воодушевлением.

– Вот и замечательно, – обрадовался товарищ министра, – я нечасто бываю дома, но в случае необходимости обращайтесь ко мне или к Зинаиде Павловне. Учеба – дело чрезвычайно важное!

Катенька покивала, доела безвкусное рагу и, сделав книксен, хотела удалиться в детскую, но ее поймал за руку Алексей:

– Прошу вас, Катенька, спасите меня!

Девочка стояла в недоумении.

– Сейчас к отцу придут его коллеги, к маме заглянут подруги, будет шумно, суетно и скучно.

– Но как я могу спасти вас от шума и скуки? – искренне удивилась девочка.

– А пойдёмте смотреть альбом! – с улыбкой предложил Алексей Аристархович. – Мы будем заняты, и никто не будет отвлекать нас разговорами о политике!

Катя неуверенно оглянулась на Зинаиду Павловну. Та поправляла у зеркала модную причёску с лентой на лбу и не обращала на девочку никакого внимания:

– Боюсь это будет не совсем удобно, – сказала Катенька Алексею, – но посмотреть тот альбом мне бы очень хотелось.

– Понимаю, – вздохнул молодой человек, – что ж, тогда давайте условимся посмотреть альбом завтра перед обедом!

– Мне бы хотелось, – сказала девочка и, сделав книксен перед хозяйкой дома, все-таки ушла в детскую.

Лилечка с нетерпением ждала новую подружку и радостно прыгала вокруг, щебеча, пока няня не напомнила ей, что пора ложиться спать. В дорогом и модном доме Яхонтовых были устроены ватерклозеты, раковины для умывания и даже ванны! Няня предложила Катеньке искупаться в большом медном тазу, в котором купали Лилечку. И даже выдала ей кусочек душистого мыла и новенькую мочалку.

Лилечка не хотела расставаться с новой подружкой, поэтому Катя сначала помогла выкупать малышку и пообещала ей сказку. Потом быстро вымылась сама, запрыгнула в длинную, до пят, ночную

рубашку и быстро-быстро добежала до кровати, чтобы спрятаться под одеялом. Мокрые волосы неприятно холодили спину, но это ведь была не субботняя баня, сушить волосы было негде!

К счастью для Катеньки, няня Валентина сообразила, что девочка приехала из провинции и просто не знает, как быть после ванны. Подсушив волосы гостыи полотенцем, няня закутала двух девочек в одеяло и усадила на перинку, брошенную рядом с изразцовой печью. Пока Катенька рассказывала сказку, малышка уснула, и няня отнесла ее в кроватку. Катя ушла за ширму сама и тоже уснула, удивляясь тому, что сумела вообще сомкнуть глаза в незнакомом доме.

Глава 23

Две недели пролетели быстро. Тридцать первого августа, за ужином, Зинаида Павловна, причитая о головной боли, отказалась везти Катеньку в гимназию.

– Пусть отвезет кучер! – махнула она рукой. – Я не в состоянии так рано подняться с постели!

Аристарха Петровича в этот день не было за ужином, поэтому ее причитания слушал только Алексей.

– Что ж, маменька, – сказал он подчеркнуто, – раз вы не в состоянии позаботиться об этом ребенке, я сам отвезу Катеньку в гимназию.

Зизи раздраженно сверкнула глазами:

– Если тебе так угодно, Алексей!

– Угодно! – ответил молодой человек, не понимая, отчего его так сердит эта ситуация.

Катеньки за общим столом не было – ей накрывали в детской, вместе с Лилечкой и няней. Алексею, занятому учебой в университете, и времени не было следить за маленькой гостьей, прячущейся в глубине дома, однако он почему-то знал, что девочка проводит дни в саду с Лилечкой, обучая ее французским считалочкам. А в дождливый день – в комнатах. Знал, что Катенька неплохо музицирует, легко читая ноты с листа, и рисует забавные картинки для Лилии, которые та потом раскрашивает. Не раз он заставал Катеньку с книгой в тихом углу, когда няня укладывала Лилечку спать, и он умудрился стянуть из гостиной тот самый роскошный альбом с малахитовой крышкой, и они с Катей прочитали его весь, сидя на диване под прикрытием пышного олеандра в маленьком зимнем саду особняка Яхонтовых.

Чем больше Алексей рассматривал иллюстрации в альбоме, тем больше ему казалось, что он был знаком с очаровательной черноглазой Розеттой Россет. И мнилось, что иногда Катенька точно так же закусывает губу и вздергивает светлую бровку. Почудится же такое! Хорошо, что девочка уезжает учиться. Только вот Зинаида Павловна делает вид, будто сама не помнит, как страшно юному созданию

менять жизнь. Войти совершенно одной туда, где проведешь следующие восемь, а то и десять лет своей жизни, страшно!

Алексей, хмурясь, доел очередное модное месиво, и откланялся. Прошел по коридору, спустился на первый этаж и заглянул в кухню, где ужинали слуги:

– Трофим!

– Я, барин! – вскинулся кучер.

– Завтра поутру приготовь коляску и лошадей. Зинаида Павловна распорядилась барышню в гимназию отвезти. Явиться велено в два часа пополудни, но ты ко второму барабану будь готов, надо будет еще в лавки заехать!

– Слушаюсь, барин! – ответил кучер.

Удовлетворенный своим решением, Алексей ушел к себе. До глубокой ночи он курил, листал «В дебрях Африки» господина Сенкевича и думал о том, что грядущий учебный год станет последним. Впереди выпускной курс, потом служба, и он еще не определился, чего он хочет больше – начинать в министерстве, под началом отца, или пафосно отринуть семейную поддержку и ринуться в дебри самостоятельной жизни. Впрочем, время покажет.

Утром серьезная и немного испуганная Катенька ждала кучера внизу, у лестницы. Алексей спустился как раз в тот момент, когда Трофим подхватил небольшой саквояж с разрешенными в гимназии личными вещами и понес его в коляску. Утро выдалось зябкое. Девочка куталась в тонкий плащ с пелериной, но ее губы неумолимо синели.

– Катенька! – окликнул ее Алексей.

– Доброе утро, Алексей Аристархович, – девочка присела в книксене.

– Доброе утро! Вы позволите мне проводить вас? Зинаида Павловна с утра чувствует себя плохо.

– Буду очень рада! – будущая гимназистка улыбнулась, и ее напряженное личико немного расслабилось.

– Отлично! У нас есть немного времени до официальной встречи, поэтому предлагаю заехать к Вольфу и Беранже, чтобы позавтракать!

Катенька покраснела. Добрая няня принесла ей на завтрак стакан чаю и кусок сухой булки. Аристарх Петрович завтракал позже, а Зинаида Павловна вообще вставала только к полудню, Алексей обычно

перехватывал стакан чаю с бутербродом и бежал на учебу. Вот и не привыкли на кухне готовить полноценный завтрак так рано.

– Согласны? – с легкой усмешкой спросил Алексей.

– Согласна! – расцвела девочка.

Они сели в коляску, и вскоре Алексей усаживал Катеньку за столик тихого, еще сонного кафе.

– Чего изволите? – половой в длинном белом фартуке подошел к столу, пока Катенька рассматривала убранство кофейного клуба, ценимого литераторами.

– Нам бы, дружок, позавтракать посытнее и... – тут Алексей заговорил совсем тихо, – коробочку пирожных с собой. Мадемуазель едет в гимназию Ольденбургских.

– Все понял! – официант торопливо ушел, а молодой мужчина завел с девочкой беседу о сладостях и выяснил, что Катенька любит монпансье «Ландринь», орехи в карамели и огромный синий изюм, который в их доме покупают только к Пасхе. Незаметно Алексей тоже поделился своими предпочтениями, и вскоре они уже азартно обсуждали, что вкуснее – блинчики с икрой или с красной рыбой.

Азартный спор прервал половой с подносом.

Алексею вручили шипящую на сковородочке яичницу с колбасой, пару бутербродов с бужениной, сыр со слезой и чай. Для Катеньки принесли молочную кашу с изюмом и орехами, чай с мятой и бутерброды с паштетом. Они с аппетитом позавтракали, а на десерт выбрали по пирожному – Алексей, как мужчина и бонвиван, остановил свой выбор на шоколадном рулете, а Катенька предпочла воздушное безе со свежими ягодами.

– У мадемуазель отличный вкус! – польстил ей официант, принимая заказ.

Потом Алексей расплатился, приказал отнести в коляску какую-то коробку и, выйдя на улицу, сказал девочке:

– Катенька, мне очень нужно заехать в пару магазинов, вы не откажетесь меня сопровождать?

Конечно, девочка не могла отказаться, только спросила:

– А мы не опоздаем?

– Не волнуйтесь, сегодня первый день приема, думаю, опоздавших будет много, но мы обязательно приедем вовремя!

После чего Алексей Аристархович приказал кучеру ехать в кондитерскую, но по пути остановиться у лавки кожевника. В эту лавку он зашел один, велел Трофиму приглядывать за барышней. Вышел действительно быстро – выбрать и купить саквояж чуть побольше того, с которым приехала к ним Катенька, не составило молодому человеку труда.

Да, для бедного студента это была дорогая покупка, но Алексей Аристархович денежных затруднений не имел, поскольку получал содержание, положенное ему из капитала его покойной матери. Этот факт невероятно бесил Зинаиду Павловну. Она даже пыталась заставить пасынка оплачивать квартиру в его родном доме или съехать, но тут ее быстро поставил на место Аристарх Петрович. Роскошный особняк на Миллионной на самом деле принадлежал Алексею, поскольку был частью приданого его матери. Вопрос был закрыт, но время от времени Зизи разыгрывала трагедию, надеясь, что муж либо выкупит особняк, либо переедет с молодой женой в другой дом.

Вернувшись к экипажу, Алексей приказал ехать в кондитерский магазин. И уже там взял с собой Катеньку, позволив ей выбирать все, чего душа пожелает. Изюм, орехи, монпансье, пастила и «смоква» – все в красивых коробочках, в шуршащих бумажках и нарядных фунтиках. Когда саквояж наполнился до половины, Алексей повез девочку в маленький магазинчик, известный тем, что в нем продавали разные милые мелочи – ленты, кружева, носовые платки, и там ей подобрали несколько комплектов шелковых лент с кружевной отделкой – для кос, и полдюжины носовых платочков с монограммой в виде буквы «Е» и новенький передник.

Взглянув на часы, Алексей Аристархович заявил, что устал кататься по городу, и предложил заехать пообедать. Счастливая и немного взвинченная Катенька согласилась – у нее просто не осталось моральных сил сопротивляться. Они плотно пообедали и наконец отправились в гимназию. Ехать пришлось довольно далеко, так что девочка еще раз полюбовалась городом, в котором ей предстояло учиться еще минимум восемь лет.

Наконец у литой решетки гимназии коляска остановилась. Алексей помог Катеньке спуститься и проводил в приемную. Сухопарая дама в черном шелковом платье встретила их, приказала отнести саквояжи в дортуар и проводить Катеньку за формой.

Поскольку учреждение было благотворительным, форму в нем выдавали, дежурная модистка лишь немного подгоняла ее по фигуре, если в том была необходимость.

Простившись, девочка ушла в высокую двустворчатую дверь, а молодой человек, удивляясь самому себе, смотрел ей вслед, испытывая ничем не оправданное чувство потери. Вежливо простившись с дежурной дамой, Алексей вышел на улицу, но задержался у литой решетки. У него кружилась голова, сердце бешено стучало, и в целом он чувствовал себя как в детстве, когда у него в наказание отобрали любимую игрушку.

Очевидно, он побледнел или так плохо выглядел, потому что кучер вдруг сорвался с места и подбежал к нему:

– Что это вы, барин, али перегрелись? Лица на вас нет! Садитесь скорее, садитесь!

Усадив молодого Яхонтова в коляску, кучер погнал лошадей к дому. Там же немедля вызвали лакея, помогли Алексею подняться в спальню и вызвали доктора. Крепкий и энергичный лекарь пришел быстро, выпил с Зинаидой Павловной чаю в гостиной и после осмотра сказал встревоженному товарищу министра и его молодой жене:

– Сильное потрясение, господин Яхонтов. Не знаю, что так взволновало вашего сына, но подобное состояние я встречал у людей, переживших смерть родственников или смертельную опасность. Ваш сын кого-то потерял?

– Что вы! – с удивлением сказал Аристарх Петрович. – Алеша, конечно, потерял мать, но это было давно, во младенчестве. Я расспросил кучера, он провел обычный день. Завтрак у Вольфа, прогулка по лавкам, обед... Отвез девочку в гимназию, но, право, никто там его не пугал и не угрожал...

– Очень странный случай, господин Яхонтов. Я оставил Алексею Аристарховичу успокоительные капли и сердечные. Проследите, чтобы он их принимал дня три. Если не станет лучше, вызывайте меня снова!

Доктор откланялся, а товарищ министра и его жена так и остались в недоумении. Впрочем, Аристарх Петрович зашел в комнату сына вечером и осторожно спросил – не присоединился ли Алексей к одному из студенческих кружков вольнодумцев, но тот лишь покачал головой:

– Отец, я сегодня даже в университете не был! Трофим повез меня домой, как умирающего. Право слово, легкое сердцебиение и бледность того не стоили, но я могу тебе поклясться, что ни в одном вольнодумном предприятии я не состою!

Немного успокоенный Яхонтов-старший ушел к себе. А утром Алексею стало лучше, и он отправился на учебу, удивляясь своей такой внезапной слабости.

Глава 24

Через неделю, в субботу после завтрака, Зинаида Павловна с тяжелым вздохом вспомнила, что нужно забрать из гимназии Катеньку. Муж ее только кивнул, энергично разделявая свой бифштекс, а вот пасынок нахмурился:

– Маман, вы хотите отправить за девочкой кучера?

– У меня сегодня вечер в саду, – томным голосом ответила Зизи, – мне нужно готовиться. В конце концов, какая разница, кто заберет это дитя?

Алексей нахмурился. Он знал, что разница есть. Любое закрытое учреждение – та еще корзинка с ядовитыми змеями. Однако выдавать перед мачехой свой интерес он не собирался, поэтому спросил:

– Не слишком ли свежо для вечера в саду?

– Зато не жарко! – пылко заявила Зинаида Павловна. Супруг исполнил ее давний каприз и оплатил покупку тончайшей кашмирской шали. Одной из красавиц Петербурга не терпелось похвастать обновкой, потому она и затеяла вечеринку в саду, несмотря на неподходящее время года.

– Пожалуй, стоит приказать поставить в саду жаровни, – предложил Алексей Аристархович, – это напомнит о Помпеях и Древнем Риме. Вы, маман, будете, как весталка, в белом платье и шали на плечах...

Зинаиде польстили слова Алексея, так что она, торопливо закончив завтрак, отправилась отдавать распоряжения о жаровнях. Отец только одобрительно хмыкнул ей вслед и уточнил:

– Съездишь за девочкой? Я беспокоюсь. Лилечка всю неделю переживала за нее.

– Съезжу, – спокойно ответил Алексей. С отцом он не играл в дурные светские игры и пусть не понимал, что заставляет его беспокоиться о Катеньке, все же следовал велению сердца.

После полудня он отправился в гимназию и был вознагражден той радостью, которой полыхнуло лицо девочки, когда он вошел в приемную и со всей серьезностью сказал, что прибыл за мадемуазель Байковой. Девочки, нетерпеливо заглядывающие в дверь,

встрепенулись, куда-то в глубину коридора полетело эхо «Байкова, Байкова»! И вскоре в скучную комнату с потертыми креслами вышла Катенька с саквояжем в руках. Она почтительно присела в книксене, вежливо поздоровалась, но Алексей почему-то знал, что она очень рада тому, что за ней приехал именно он.

Они молча вышли из гимназии, сели в коляску, и тут молодой человек вдруг понял, что их ожидает в особняке. Катеньку сразу займет Лилечка, его ненадолго отпустят, но вечером в приказном порядке велют быть в саду – развлекать подружек маман и мелькать возле отца, демонстрируя свою увлеченность политикой. И все, что у них есть на двоих, эта короткая поездка или...

– Трофим! Отвези нас в кондитерскую!

Катенька посмотрела на Алексея удивленно, и он пояснил свой порыв:

– Дома Зизи готовится к приему, все с ног на голову, а вы еще наверняка не пообедали.

Девочка кивнула:

– Верно, Алексей Аристархович, мадам Журбе сказала, что сегодня будут подавать только чай и хлеб с маслом, потому что мы будем обедать дома.

– Ну вот, а обеда сейчас нет, и неизвестно когда подадут, потому что маман срочно ищет для вечеринки жаровни в помпеанском стиле. Да и вообще нам там будут не рады. Слуги бегают, как наскипидаренные, пытаясь сделать все и сразу. Я еще могу укрыться в своих комнатах, а вас сразу атакует Лилечка...

Катенька улыбнулась и сказала:

– Пожалуй, я предпочту чашку какао с пирожным!

– Не сомневался в вашем благоразумии!

Они отлично провели время в кондитерской. Катенька пила какао и рассказывала о школе и новых знакомствах, а младший Яхонтов смотрел на нее и думал, что, наверное, пора задуматься о женитьбе. Чтобы у него появилась такая вот серьезная девочка с косичками и строгими серыми глазами.

Когда они все же прибыли в особняк, все случилось так, как предполагал Алексей. Катеньку с визгом утащила в детскую Лилечка, а его ангажировала Зинаида Павловна, чтобы проверить – достаточно ли красиво расставлены жаровни и кушетки-рекамье в саду.

Вечером Катенька не вышла к гостям. Они с Лилечкой играли и учили французский до темноты, а потом, когда малышка уснула, Катенька попросила няню Валентину отдать прачке ее белье, ленты и фартуки, чтобы к вечеру воскресенья все было готово. Няня только руками всплеснула:

– Барышня, а смены у вас нет?

– Так нет, – покраснела Катенька, – маменька положила все лучшее, чтобы в дортуаре не смеялись.

– Боюсь, не успеет Марфа... Но я отнесу, конечно. Спите!

На следующий день Зинаида Павловна привычно отсыпалась до полудня, а Лилечку и Катеньку няня повела в церковь. Эта простая женщина нашла лучшее решение желанию хозяйки соблюсти утром после приема тишину в доме и занять шумного ребенка.

Катенька не возражала. Она любила посещать храм. В родном городе маменька строго следила за тем, чтобы в воскресенье все отправлялись в церковь и после возвращались к накрытому столу с праздничным обедом. Все дружно садились за стол, старенький денщик отца вносил самовар, а кухарка – большой пирог или кулебяку. Все улыбались и предвкушали спокойный сытный обед, а после – отдых перед вечерними гуляниями или театром.

В Петербурге все было иначе. Няня разбудила их, налила Лилечке стакан теплого молока, а Катеньке стакан пустого чаю – чтобы не наедаться перед причастием. Потом помогла сонным девочкам одеться и выйти в серые городские сумерки. Церковь располагалась неподалеку, но все же пришлось изрядно прошагать через Марсово поле, вдоль Летнего сада, потом перейти улицу, свернуть к мостику через канал, и вот она – церковь Симеона и Анны.

Не торопясь и не суетясь, няня вошла с девочками в притвор, купила свечи, повела Лилечку ставить, сказав Катеньке:

– Исповедь вон там будет, пока сама помолись.

Девочка вспомнила, что у нее в кармане осталось несколько копеек – Алексей Аристархович дал горсточку меди, чтобы она купила себе карандаши, а ей удалось взять их подешевле в школьной лавочке. Тоненькие восковые свечи горели теплыми огоньками. Девочка встала в стороне от суетящихся людей, уставилась на икону и степенно принялась благодарить Бога за все, что с ней произошло. И вот когда она помянула в молитве Алексея Аристарховича, огонек свечи

дрогнул, и она увидела вереницу незнакомых ей мужчин. Молодые, старые, с добрыми или суровыми лицами – все они смотрели на нее абсолютно одинаковым взором, и от этого Катеньке должно было стать страшно, а ей было... тепло.

Из видения ее выдернула Валентина:

– Катенька, что застыла? Идем, уже батюшка вышел!

Они дружно подошли к священнику, принимавшему исповедь, перечислили грехи, получили благословение и встали в стороне, не мешая исповедоваться другим. Лилечка вела себя на удивление смиренно, и Катенька не заметила, как опять засмотрелась на свечу и на этот раз увидела женщин. Молодые, пожилые, в лохмотьях и нарядных платьях, они улыбались ей, и это тоже было хорошо.

Из видения девочку вырвал возглас, призывающий к причастию. Она подошла вслед за Валентиной, получила просфору и неспешно двинулась вместе с няней к особняку Яхонтовых. Ей казалось, что те мужчины и женщины ей просто приснились. Наверное, она задремала, стоя у колонны, вот и помстилось.

Воскресенье пролетело быстро. Вечером Алексей Аристархович не смог отвезти ее в гимназию, и Катенька грустила всю следующую неделю, пока он снова не явился за ней. Как-то незаметно у них сложился свой ритуал – обязательный заезд в кондитерскую, разговоры об учебе, о книгах, о новостях из газет. Когда наступили холода, из родного дома Катеньке прислали два рубля на теплую одежду. Для Петербурга это было ничтожно мало, однако Алексей вызвался сопровождать Зинаиду Павловну, Лилечку и Катеньку в магазин, и сам оплатил все, что было нужно девочке. Аристарх Петрович на жалобы жены только отмахнулся:

– Зиночка, я даю тебе довольно денег. Алексей волен сам распоряжаться своим содержанием.

Зизи надулась, но успехи Лилечки во французском примирили ее с «мотовством» пасынка.

На Рождество Катеньку ждали дома. Она уже приготовила родным подарки, уложила свой саквояж, чтобы утром Трофим отвез ее на вокзал, но внезапно почтальон принес срочную телеграмму – в семье скарлатина, Катеньку просят остаться в Петербурге.

Девочка расстроилась, и Алексей взял ситуацию в свои руки – подарки отправили почтой, и все рождественские каникулы студент

развлекал и забавлял двух девочек, посещая с ними катки, гулянья, санные выезды и детские праздники в знакомых домах. Петр Аристархович посмеивался, Зизи сердилась, но каникулы прошли превосходно.

Новый 1914 год встретили торжественно и нервно. Политическая обстановка все обострялась, но на время праздников все постарались забыть о грядущих делах и просто веселились.

Потом снова началась учебная рутина. Алексей готовился к выпускной работе, много времени проводил за бумагами, и тут ему тоже пригодилась помощь Катеньки. Девочка обладала каллиграфическим почерком и красиво переписывала его заметки под диктовку прямо в гостиной.

Застав их там несколько раз, Аристарх Петрович предложил приобрести печатную машинку, чтобы ускорить процесс. Алексей по его совету приобрел громоздкий, но надежный «ундервуд». Катенька научилась печатать, и Зинаида Павловна, посмеиваясь, заявляла, что барышня Байкова уже готова к самостоятельной жизни. Машинистки служили в министерстве в изрядном количестве.

Пролетели зима и весна, наступило лето. Завершился учебный год. Семейство Яхонтовых собиралось на министерскую дачу в пригород, Катенька должна была поехать на лето к родным, но тут неожиданно для всех возмутилась Зинаида Павловна. Она давно оценила тактичность и умение маленькой помощницы управляться с Лилечкой.

– Я не смогу на даче с детьми одна! – патетически восклицала она, картинно заламывая руки.

– Помилуй, Зиночка, с какими же детьми? – удивлялся Яхонтов-старший.

– Лилечке будет скучно, нужно взять на дачу Катеньку! – объясняла ему супруга. – А две девочки – это шум, гам и расходы! Пусть с нами едет Алексей!

Министерская дача располагалась на Каменном острове, и семье товарища министра выделялось несколько комнат во флигеле.

– Если захочет – пусть едет! – сказал Аристарх Петрович и поспешил уехать на заседание.

Алексей согласился сопровождать мачеху и девочек. В конце концов, ему было все равно, где писать свою работу, а Катенька

отлично печатала и правила ошибки в его текстах.

Это было чудесное лето. Они практически не расставались. Катя была сущим ребенком, пусть и серьезным, а Алексей строго следил за тем, чтобы с ними всегда были няня и Лилечка или хотя бы Зинаида Павловна.

Он не испытывал к девочке каких-либо запретных чувств, просто для него почему-то было важно знать, что она здорова, весела и находится где-то рядом. Однако, как молодой человек, выросший в обществе, он понимал, какой страшный вред могут нанести слухи и сплетни и ему, и Катеньке. Поэтому большую часть дня он старался проводить так, чтобы никто и не догадывался, что он где-то поблизости. Если девочки играли в мяч на лужайке – он сидел в доме, переписывая свои тезисы для речи в тетрадь или вычерчивая таблицы. Если Зинаида Павловна везла детей на пикник или в летний театр на представление – он сопровождал маман, но непременно уговаривал присоединиться к ним соседку с парой симпатичных, вполне взрослых дочерей. Оттого в той семье негласно считался женихом, но никто не мог понять – за кем же из барышень он ухаживает?

Аристарх Петрович присоединялся к семье по выходным и находил, что Лилечка подросла, похорошела и поумнела, а Катенька весьма серьезно с нею занимается, так что польза семье Яхонтовых от ее присутствия обоюдная.

Глава 25

Лето мчалось с невиданной скоростью. Все чаще в разговорах за столом звучало слово «война». И наконец, 28 июля 1914 года она была объявлена официально.

Новость застала семью Яхонтовых врасплох. Алексей Аристархович только-только защитил диплом с отличием и выбирал место службы, а тут вдруг такое... В первой волне призывали только уже служивших солдат и офицеров, так что его, вчерашнего студента, призыв пока миновал, но Аристарх Петрович хмурился, понимая, что это только начало.

Лето прошло в напряжении. Сводки докладывали то о победах, то о поражениях, Петербург наводнили люди в солдатских шинелях, и постепенно в городе появлялись раненые. Зинаида Павловна организовала женский клуб среди дам, помогающих военным.

Поначалу это даже было модным – катать бинты, ездить толпой в свежееорганизованные госпитали, чтобы застелить постели чистым бельем, спеть под гитару или привезти раненым офицерам яблок с дачи. Однако осенью все переменилось. Все больше раненых поступало не с ранениями, а с тифом. С первыми морозами начались обморожения, потом нагноения... Смотреть на смердящие раны, стирать вонючие бинты дамам уже не хотелось, а между тем необходимость в помощи населения возрастала. Девочки в гимназии уже не вышивали шелком бархатные кисеты в подарок отцам и братьям, а вязали носки и перчатки, такие необходимые на фронте. Зинаида Павловна к посещению госпиталей поостыла и все чаще восклицала в гостиной: «Господа, прошу вас, без политики!»

Катеньке было страшно. Ее братья ушли на войну. Матушка разболелась, переживая за них, да и муж старшей сестры Машеньки тоже был офицером и готовился к отправке на фронт. Девочка похудела от волнения, но при этом вытянулась, как растение, растущее в тени, и производила трогательное и немного пугающее впечатление своей хрупкостью.

А время бежало сквозь пальцы. В пятнадцатом году Алексея призывали. Он не стал отказываться – явился в сборный пункт, получил

форму и старенькую винтовку, обнял как-то разом постаревшего отца, рыдающую в захлеб Лилечку и даже застывшую Зинаиду Павловну. А Кате еще накануне подарил свою фотографию, попросив взамен ее фото в гимназической форме. Она подарила свою единственную – ту, что сделали для всего класса в конце учебного года. Общую фотографию повесили в приемной гимназии, а индивидуальные – по три штуки – раздали девочкам. Две Катенька отправила матери и сестре, а одну оставила себе и... подарила ее Алексею с внутренним трепетом:

– Я буду вас ждать, Алексей Аристархович, – мучительно краснея, прошептала она, – обязательно вернитесь!

– Я постараюсь, – молодой человек в необмятой шинели поцеловал девочке кончики пальцев и ушел по перрону к своему вагону эшелона.

После отъезда Алексея Аристарховича в доме стало тише. Даже Лилечка перестала капризничать и всерьез занялась учебой. Поскольку Катенька не могла заниматься с ней каждый день, Зинаида Павловна все же выбрала для дочери постоянную гувернантку с проживанием в доме. Аристарх Петрович пропадал на службе, а Зизи отчаянно скучала дома – выезжать без сопровождения и охраны стало не таким простым делом. В городе участились беспорядки, ассортимент в магазинах сократился, и во всем ощущался привкус опасности.

Весной шестнадцатого года Алексей вернулся. Он стал совсем иным. Теперь он пах табаком и ружейной смазкой, сильно хромал на левую ногу и смотрел на собеседников так, что слетевшиеся за «подробностями» кумушки давились чаем и умолкали.

– Алексей, так нельзя! – вопила Зинаида Павловна, как только гости разошлись. К ее счастью, Аристарх Петрович задерживался в министерстве и не видел, что она самовольно устроила вечеринку, едва пасынок вернулся домой из госпиталя.

Яхонтов-младший бросил на мачеху нечитаемый взгляд, свернул самокрутку и подошел к окну, чтобы покурить.

– И этот ужасный табак! Где ты набрался таких манер?

– В окопах, маман, в окопах, – фыркнул молодой прапорщик. Потом затушил сигарету в блюдце и спросил: – Катеньку забираете так же, по субботам?

– Что? – не поняла резкого изменения тона Зизи. – Катеньку? Ах, эту девочку привозит Трофим. Я ее почти не вижу. Детьми занимается мадемуазель Сирин.

– Понятно. Доброй ночи!

Алексей вышел из гостиной, поднялся в свою комнату. Теперь она казалась ему одновременно и слишком просторной, и слишком тесной. Какие-то глупые детские картинки на стенах, вычурная трубка – до окопов он не курил, череп на подоконнике... Легкая и наивная жизнь богатенького мальчика из хорошей семьи. Как же мало он знал эту жизнь! Там, в окопах, он научился ценить последнюю затяжку самокрутки, глоток коньяка во фляге, минутку передышки во время обстрела и боль в груди, когда понимаешь – ты жив. Ранен, но жив! А тот, с кем ты делил последний глоток минуту назад, лежит на твоих ногах тяжелой неподвижной грудой.

У него была сотня шансов навсегда остаться там – сначала в жидкой осенней грязи, потом в ледяном крошеве сугробов. Весенняя распутица чуть было не стоила ему ноги – еще немного, и могла бы начаться гангрена. Однако новые антисептические средства, которые начали применять в госпиталях с легкой руки доктора Пирогова, помогли справиться с бедой, и Алеша выжил. Отвалялся на узкой солдатской койке с соломенным тюфяком, отбрел под стоны других раненых и умирающих. Выбрался из ада, следуя за путеводной звездой – к серьезному личику девочки на потертой фотографии.

В самые тяжелые минуты он вспоминал мать, но ее облик был размыт и позабыт. А Катенька, точнее, ее фотография – была рядом. И стискивая зубы, он как молитву повторял свое обещание вернуться.

Скинув потрепанную форму, Алексей открыл шкаф, с легким хмыком осмотрел свои гражданские костюмы – они все ему сейчас широки в талии и узки в плечах. Дурное питание, протаскивание по грязи легкой и якобы самоходной пушки, ежедневная «гимнастика» по переноске снарядов превратили его в худого и жилистого человека с запавшими щеками и порыжевшими от табачного дыма усами. Он зашел в ванную, глянул на себя в зеркало и задумчиво провел рукой по подбородку – побриться надо. А как усы? Оставить или сбрить? Интересно, Катенька узнает его таким? Или испугается?

Рисковать молодой прапорщик не хотел, но тут же вспомнил, что ему еще нужно будет явиться в штаб, отдать бумаги и получить

окончательную отставку по состоянию здоровья. Нога предательски заныла. Оставив усы в покое, Алексей выбрил подбородок, умылся и наконец позволил себе давно не виданную роскошь – забрался в ванную, сдержав порыв налить себе в бокал коньяка из припрятанной бутылки.

Вымывшись и натянув чистое белье из старых запасов, он завернулся в халат и сел у окна, бездумно глядя на сияющий электрическими огоньками город. Там, в окопах, света было мало. Любой огонек – повод для выстрела. Так что сидели в темноте, травили байки, любовались звездным небом... Больше нигде и никогда Алеша не видел таких звезд...

Его мысли прервал стук в дверь.

– Отец! – Аристарх Петрович вошел в комнату, едва сбросив пальто.

– Сын!

Они обнялись. Алексей невольно отметил, что в волосах товарища министра прибавилось седины, виски запали, и сам он стал как будто тоньше.

Помолчав некоторое время, оценив друг друга, мужчины сели в кресла, и Яхонтов-младший все же разлил по бокалам коньяк.

– Что собираешься делать? – сразу взял быка за рога Яхонтов-старший. – Вернешься в министерство?

– Подумаю, – уклончиво отозвался Алексей, – мне бы хотелось немного отдохнуть, прийти в себя. Потом подыщу себе занятие по душе.

– Добро. Жениться не надумал?

– Отец, – отмахнулся Яхонтов-младший, – мне сейчас лучше подумать о здоровье и службе. Вот немного пообвыкну, там и присмотрюсь к барышням.

– Не тяни, – хмыкнул Аристарх Петрович, – я не молодею.

– Уверен, ты еще успеешь научить внуков писать докладные министру! – фыркнул Алексей, как когда-то, и вдруг почувствовал, что действительно – вернулся.

Спал он беспокойно. Шум большого города был настолько иным, что заставлял отвыкшего мужчину нервничать и просыпаться. На рассвете он не выдержал – встал, подошел к окну, приоткрыл форточку

и закурил. Потом надел форму и спустился в кухню. Там только-только начали разжигать самовар.

– Алексей Аристархович! Вот сюрприз! Что вам угодно? – всполошилась кухарка.

– Чайку бы, Марфа, покрепче, и, может, телятина холодная есть или ветчина?

– Так сейчас все сделаю! – засуетилась женщина.

Алексей сидел у большого скобленного стола, вдыхал запах еловых шишек, смолистой лучины и дыма, грелся у бока огромной печи. День был прохладный, и кухарка собралась печь хлеб, поэтому растопила большую «русскую» печь, а не маленькую плитку, годную лишь для приготовления пищи.

– Хлеб все сама печешь? – улыбнулся Алексей. Он помнил кухарку с детских лет. Зинаида Павловна поначалу пыталась отменить эту «варварскую» традицию печь хлеб дома. Мол, приличные семьи все покупают в булочных и не тратят дрова и продукты. Но Аристарх Петрович кухарку свою ценил – она приехала в его дом вместе с первой женой – и обижать не позволил. А Марфа довольно быстро приловчилась печь модные «французские» булочки и научилась удивлять гостей изысканной выпечкой с модными начинками. Тогда Зизи сделала вид, что «приличные семьи все заказывают повару» и перестала ворчать на то, что раз в месяц к заднему двору привозят воз дров и несколько мешков разнообразной снеди.

– Сама, Алексей Аристархович, как же, – улыбнулась в ответ Марфа. – Да сейчас и лучше, что сама пеку. В булочных вон стали в ситный всякую дрянь подмешивать! И уже восемь копеек за фунт спрашивают!

Алексей улыбался, грелся, пил чай из граненого стакана, ел вчерашний пирог, который так и не попробовал на «суаре» у мачехи, и отмякал душой.

– А что, Марфа, испечешь сегодня к обеду пирог с вишней? Давно такой вкусноты не ел!

– Для вас, Алексей Аристархович, что пожелаете, – пообещала румяная крепышка, берясь за дежу с тестом. – С вишеньем – так с вишеньем!

Яхонтов-младший неохотно ушел с кухни и до полудня валялся на постели, перебирая книги с полки. Это чушь, это ерунда, а этот

писатель явно не бывал нигде дальше своего кабинета и дачи на Фонтанке... Наконец часы пробили полдень, и он быстро встал, схватил офицерскую сумку, оружие, шагнул к двери, вернулся – вынул из стола бумажник с документами и деньги. Отец присылал ему в госпиталь немного, да кое-что он отыскал в столе с прежних времен. Заехать в кондитерскую хватит. Самое главное – еще немного, и он увидит Катеньку! Интересно, она изменилась за эти полгода? Поросла?

Трофим уже запряг лошадей. Увидев младшего барина, даже обрадовался:

- Вы за барышней, Алексей Аристархович?
- За ней, Трофим, за ней!
- Так давайте поторопимся, мало ли, что по пути будет!

Глава 26

Алексей трясся в коляске, смотрел по сторонам и не узнавал город. Мундиры. Много. Раненые, хромые, нищие в обрывках шинелей. Дамы испуганно жмутся к спутникам. На крыльце стоит швейцар неправильной формы. Яхонтов-младший присмотрелся и чуть не ахнул – женщина! Швейцар – женщина! А вот и дворник с могучим бюстом, заметным даже под ватной тужуркой!

– Трофим, – окликнул он кучера на перекрестке, – а чего это бабы в дворники подались?

– Так мужиков не хватает, вашбродь, – ответил кучер, – которое заведение победнее, те вот и нанимают бабу покрепче. А вдовы за любую работу берутся, лишь бы детишек прокормить.

– Понятно, – задумчиво ответил Алексей. Там, в окопах, ему казалось, что в Питере живут как и всегда. Собственно, вечеринка мачехи оставила у него именно такое впечатление. А вот город... Город показал, что и здесь, в тылу, жизнь изменилась – и довольно сильно.

Здание гимназии тоже показалось ему другим – более приземистым, обшарпанным. Кажется, его давно не ремонтировали?

Алексей осторожно спустился с коляски – хотел лихо прыгнуть, как раньше, но вовремя вспомнил про ногу. Подошел к двери. Положил ладонь на тяжелую дверную ручку и на секунду замер – узнает ли его Катенька? И что скажет, увидев вместо студента потрепанного жизнью вояку? Эх, и зачем он надел форму? Мог подобрать что-то штатское...

– Вы за кем? – строгая дама в черном шелковом платье смотрела на Алексея с подозрением.

– За Байковой, – ответил Алексей, чувствуя сухость в горле.

– Байкова! – дама повернулась к двери, и знакомое эхо разбежалось по коридору.

Катенька вскоре выходит – бледная, худенькая. Ее большие глаза становятся еще больше, когда она видит его. А потом... девочка бросается к нему через всю просторную приемную, прижимается лицом к колючей шинели и рыдает, рыдает взахлеб! Он тоже обнимает

ее за худенькие плечи и ждет, пока перестанет щипать в носу. Дама деликатно отворачивается.

– Идем? – спрашивает девочку Алексей, когда она немного успокаивается.

– Да, прошу прощения за бурную реакцию, – Катенька потупилась.

– Все в порядке, – шепчет ей он, – я тоже очень скучал! Кондитерская?

Девочка улыбается, и теперь Алексей видит, что она повзрослела и похорошела. Совсем юная девушка, еще где-то неловкая и тем особенно милая. Она подросла, платье ей явно коротко, а Зинаида и не подумала позаботиться о девочке. Что ж, это легко исправить... А пока они все-таки едут в кондитерскую!

Кофе Алексею, какао Катеньке – тут все без изменений. Однако вместо кремового пирожного девочка выбрала ореховый торт, а сам Алексей, к собственному удивлению, предпочел ягодную корзиночку с масляным кремом. Потом взял безе. Эклер. Катенька смотрела понимающе и не отказывала себе в сладостях. Пока Алексей Аристархович служил, ей не так уж и часто доставались сладости. Да и денег не хватало.

Сидя за столиком, они поначалу молчали. Потом Яхонтов-младший спросил Катеньку о близких и узнал, что муж старшей сестры погиб, один из братьев был серьезно ранен, а младший переболел тифом и теперь приходит в себя в родном доме, получив длительный отпуск «до выздоровления».

Все эти невеселые новости Катенька пересказала со всей серьезностью рано повзрослевшего человека.

– У нас в гимназии сделали дополнительный курс сестер милосердия, – сказала она наконец, – я записалась на него. Мы иногда выезжаем в госпиталь, чтобы помочь настоящим сестрам с уборкой и приготовлениями к операциям.

– Катенька, помилуйте, – изумился Алексей, – вам же сколько... двенадцать лет?

– Четырнадцать, – покраснела девочка и призналась: – В гимназию принимали только с десяти, и маменька немного подправила мою метрику.

Алексей застыл. Так вот что его все время настораживало в девочке! Вот почему она казалась более взрослой, чем он думал! Она действительно старше! Просто невысокий рост и хрупкое сложение позволили ей ввести окружающих в заблуждение. Однако девочка напряженно ждала его реакции на свое признание.

– Я понимаю, Катенька, и не осуждаю, – поспешил он ее успокоить. – И даже рад, что вы нашли для себя интересное и полезное дело. Когда я лежал в госпитале, там очень не хватало сестер милосердия. Порой некому было подать раненому лекарство или воду, ведь все вокруг были лежачими.

Девочка повеселела. Они провели в кондитерской больше двух часов – разговаривая и поедая сладости. Потом все же поехали в особняк. Зинаида Павловна встретила их с кислым лицом, но никто не обратил на это внимания. Зато Лилечка была по-прежнему рада своей подружке и сразу потащила Катеньку в детскую. Алексей же остановил няню сестры и попросил:

– Валентина, сходите завтра с девочками в магазин. Это просто неприлично, как у Катеньки руки из рукавов торчат.

– Обязательно схожу, – ответила добрая женщина, пряча в карман пару ассигнаций.

– И с пальто надо что-то сделать, – добавил Алексей, – девочка мерзнет!

– Можно к портному отнести, надставить, – предложила няня, – если в цвет подобрать, хозяйка и не заметит.

– Сделайте! – Алексей добавил еще одну бумажку и прошел к себе.

Его отпустило. Катенька не отшатнулась, не закричала в ужасе. Простила ему отсутствие манер и резкую рубленую речь. Только на самокрутки морщилась, но молчала. Алексей подошел к окну, привычным движением извлек кисет, портсигар с «гильзами» для набивки и... остановился. Посмотрел на пожелтевшие пальцы, на потрепанные завязки кисета и убрал все в стол. Пусть полежит.

В этот день Алексей увидел Катеньку только за ужином. Девочка выглядела куда лучше. Ее словно отпустила внутренняя тревога. Она ела, разговаривала с Лилечкой, улыбалась и вообще выглядела куда лучше, чем в гимназии. Правда, платье ей было так же отчаянно мало и узко. Оставалась надежда на няню Валентину – с той поры, как

Лилечка потеряла младенческую прелесть, Зинаида Павловна перестала замечать подрастающую дочь.

На следующий день Алексей проснулся все так же рано. Оделся, потянулся к карману за самокруткой и остановил себя. Спустился в кухню, выпил чаю, поблагодарил Марфу за вишневый пирог, вернулся в комнату и застыл у окна, не зная, чем себя занять.

Вообще-то, там, в окопах, у него родился план. Он решил уехать из Петербурга куда-нибудь на Урал или даже в Сибирь. У него есть образование, есть деньги. Он инженер, в конце концов! Его дипломной работой была полностью механизированная мельница. Сейчас стране отчаянно нужно зерно. Не только пули, снаряды и пушки. Продовольствие. Сухари, галеты, сухие пайки... Там, в окопах, все это ценится.

Но уехать прямо сейчас означало бросить Катеньку, отца... Товарищ министра не откажется от своей службы, а девочке, по сути, некуда идти. Ей учиться еще шесть лет, да и потом неизвестно, как сложится ее судьба. Приданого наверняка нет, навыки машинистки да курсы сестры милосердия... Может, приткнется к какой-нибудь конторе, а может, к больнице – все равно это будет не жизнь, а существование на жалованье в меблированных комнатах где-нибудь в доходном доме подешевле. Ему же уже двадцать пять. Он офицер практически в отставке. Пора решать, как жить дальше...

Алексей сел за стол и подробно расписал свой план. Урал или Сибирь, правда, заменил тем городком, в котором выросла Катенька. Стоит съездить туда, познакомиться с ее семьей, узнать, как обстоят дела с мельницами и запасами зерна. Купить кусок земли для строительства не так и сложно, деньги у него есть. А там будет видно.

К обеду Алексей вышел уже совсем в другом состоянии. У него есть цель. Отец заметил это и одобрительно улыбнулся. Такой сын нравился ему гораздо больше. Зинаида Павловна тоже была довольна – Алексей спустился к обеду в штатском. Только его усы напоминали о военной карьере. Катенька тоже радовалась – Валентина, как и обещала Яхонтову-младшему, отвела ее к портному, а тот просто предложил поменять платья и пальто на такие же, но большего размера – кто-то принес ему ушить одежду старшей дочери для младшей, и маленький обмен устроил всех.

За столом Аристарх Петрович и Алексей Аристархович неспешно обсудили грядущую неделю. Алеше нужно было подать в отставку, оформить все документы и с чистой совестью заниматься своими делами. Приближалось лето, и Зинаида Павловна уже беспокоилась насчет дачи. Лилечке хотелось на дачу, а еще мороженого!

Семья засиделась за столом, так что Катенька чуть не опоздала в гимназию. К счастью, Алексей сам вспомнил о том, что девочке пора в школу. Уже в приемной, провожая, он сунул ей в руку сверток, припасенный еще в кондитерской – монпансье, шоколад и ореховое печенье. Катенька благодарно улыбнулась и ушла, оглядываясь. Молодой мужчина вышел на крыльцо, хлопнул по карману в поисках кисета, вздохнул и сел в коляску:

– Трофим, в клуб на Английскую набережную! – интересно, помнят ли его там?

* * *

Остаток весны прошел в делах – бумаги, разрешения, подтверждения, печати... Алексей утешал себя тем, что ему хотя бы нет нужды выбивать себе пенсию по ранению и вообще хлопотать о тихом месте где-нибудь в провинции.

В первый же день лета семья Яхонтовых отправилась на дачу, а Катенька и Алексей Аристархович – на вокзал. Теперь, когда у Лилечки была постоянная гувернантка, Зинаида Павловна не возражала против каникул. Алексей же вызвался отвезти девочку к родным и оценить коммерческие возможности маленького городка. Аристарх Петрович не возражал. Ему, кажется, было спокойнее, когда его семья находилась подальше от столицы.

Всю дорогу девочка нервничала, крутилась на месте и то и дело бегала к проводнику, чтобы посмотреть, сколько времени осталось до приезда. Утомленный этой суетой, Алексей предложил сыграть в карты, и они довольно спокойно резались в «дурака» до самого вечера, прерываясь на чай и обед.

На знакомой станции их встречали. Катенька, всплеснув руками, бросилась к маленькой худощавой женщине в черном траурном платье.

Обняла ее, прижалась, вдыхая родной запах. Молодой изможденный мужчина поздоровался с Алексеем за руку:

– Александр Байков.

– Алексей Яхонтов.

Мужчины не успели перейти к подробностям, как к ним подошла молодая полная дама и тоже обняла Катеньку.

– Алексей Аристархович, – опомнилась девочка, – это моя матушка, Анна Тихоновна, и сестра, Мария Николаевна.

– Очень приятно! – Алексей поклонился дамам. – Я сейчас в гостиницу, но если позволите, нанесу вам завтра визит.

– Что вы, Алексей Аристархович! – возмутилась сухонькая дама. – Какая гостиница? Там сдерут непотребно за пустой чай, да и спать придется невесть на чем! Прошу вас, поедemте к нам! У нас и ужин собран, и самовар кипит!

Провинциальный говор мадам Байковой очаровал Яхонтова, и он махнул рукой:

– Только ради вас, сударыня! – и приказал носильщику грузить багаж в коляску.

Дом полковника Байкова, как и многие провинциальные городские усадьбы, размещался в полузапущенном саду. Простой деревянный забор, занавешенный пышными кистями сирени и чубушника, ворота с кирпичными столбиками, невысокое крыльцо, переходящее в веранду, на которой горят лампы, и уже пытит самовар.

– Вот, Алексей Аристархович, садитесь, – хозяйка дома любезно махнула рукой в сторону диванчика, – сейчас чайку попьем, баньку Степан подогреет, а комнату мы вам приготовили наверху.

Горячий крепкий чай, баранки, мед, чуть засахарившееся варенье, приправленное ароматами вечернего сада – Алексей неожиданно для себя расслабился и с увлечением слушал семейные разговоры, незаметно рассказал, что приехал присмотреть для себя дело, а когда Катенька уснула прямо в кресле, укрыл девочку пледом, немало изумив тем ее матушку и сестру.

– Катенька последние две недели сдавала экзамены, – пояснил он, – и очень устала.

Впрочем, изумление прошло, когда Алексей спокойно провел с семьей Байковых остаток вечера, а потом отправился с братьями Кати

в баню. Они оценили его израненную ногу и ременную статью. А еще честность. Он сразу сказал, что приехал устраивать дела в этом городе только потому, что Катенька отсюда родом, а в Петербурге сейчас неспокойно.

Когда гость отправился спать, Байковы снова собрались за столом, чтобы негромко обсудить ситуацию «среди взрослых». Братьям Алексей понравился. А то, что на Катеньку смотрит как на будущую жену – странно, конечно, но абсолютно ничего лишнего Яхонтов себе не позволяет. Да и Катя ведет себя спокойно – не разглядывает их гостя, не краснеет, не лепечет глупостей, как влюбленная барышня.

– Мала она еще для амуров! – пыхла, как самовар, Мария Николаевна.

– Машенька, – ласково увещевала ее мать, – да какие там амурь? Катенька дитя еще. И Алексей Аристархович к ней относится, как к дитю. А ведь ваш отец меня в пятнадцать присмотрел на балу у губернаторши. В шестнадцать уже в жены взял. В семнадцать я тебя родила...

Мария Николаевна покраснела. Она ведь тоже в девушках не засиделась – только восемнадцать стукнуло, вышла замуж за лейтенанта, и вот теперь вдова подполковника.

– И все же, маменька, это нехорошо! – упорно стояла она на своем. – Что люди скажут?

– Да что ни сделай, все равно скажут, – отмахнулась сухонькой ладонью полковница, – главное, я вижу, что человек Алексей Аристархович добрый и Катеньку не обидит. И она к нему тянется. Пусть и по-детски еще. Ты же понимаешь, я не вечная, у тебя свои дети. Мальчикам самим бы прожить... А тут и Катеньке хорошо, и нам польза.

– Да какая нам польза! – грохнула чашкой об стол Мария Николаевна.

– А такая! – голос полковницы построжел. – Алексей Аристархович тут дело свое заведет. Ему будут люди нужны. Братья у тебя комиссованы оба, где службу искать станут? Отставных офицеров всюду полно! Тебе и самой сына скоро к делу приставлять.

Мария Николаевна покраснела, но все равно осталась при своем мнении. Следующую неделю она пристально наблюдала за Алексеем Аристарховичем и Катенькой, надеясь отыскать в их отношениях что-

то неприличное и ровно ничего не находя! Столичный гость целыми днями колесил по округе, присматриваясь к участкам земли, годным под мельницу. Если же день выпадал дождливый – он с братьями Байковыми ехал в мужской клуб или в дворянское собрание, желая найти местных дворян или купцов, заинтересованных в строительстве новой мельницы. С Катенькой они виделись только за чаем, а то и перед сном, когда сонная уже девочка выходила пожелать матери и родным спокойной ночи.

Сама же Катенька вела себя как обычно – бегала в саду, читала, учила соседских девочек правильно накладывать повязки и рисовать «по клеточкам».

В один из вечеров Мария Николаевна сдалась и призналась матери, что была не права.

– Я ведь тоже присматривалась, Машенька, – призналась полковница, – но не вижу я между ними ничего лишнего. Будь что будет. Время беспокойное, а Катенька у нас младшая.

Глава 27

Лето тянулось золотой нитью. Кате было хорошо и уютно в кругу родных. Они вместе ездили в церковь на Троицу, гуляли в пахнущих медом лугах, собирали в саду первую землянику и потом ели ее с огромного фаянсового блюда, запивая молоком.

Иногда Алексей Аристархович уезжал в Петербург по делам и возвращался хмурый, с тяжелой думой на лице. Однако за чаем приходил в себя и веселил дам столичными новостями, а мужчинам привозил газеты.

Проект с мельницей пришелся местным воротилам по душе, и вскоре было выбрано место, и забиты первые сваи.

Когда начался июль – макушка лета, Анна Тихоновна взялась варить варенье. Дело было долгое, сладкое, неторопливое, и Катенька помогала матери, отгоняя младших племянников, норовивших утянуть со стола то кусок сахара, то блюдце с пенками.

В августе, когда ночи стали ярче и холоднее, стало понятно, что запустить мельницу в одно лето не выйдет. Само здание на высоком фундаменте уже поставили. Даже жернова привезли. Не хватало деталей механизма. Алексей не желал менять «железо» каждый год, поэтому требовал все самое лучшее, а поставки из-за границы были прекращены. Уральские же заводы работали на войну и отвлекаться на мелочный, по сути, заказ не желали.

Однако тут помогли связи семьи Байковых. Проведя несколько вечеров в местном клубе, братья Катеньки отыскали владельца маленького завода по производству ножей, ножниц и прочей бытовой мелочи. Вот ему и заказали ножи для крупорушки и детали механизма. Собрать Алексей должен был все сам, но его давно не пугала работа руками.

В самом конце августа настало время прощаться. Катеньке уложили чемодан со свежим бельем, вареньем и сувенирами от родных. Алексей Аристархович должен был отвезти девочку в Петербург и через несколько дней вернуться – чтобы закончить сборку механизма и обкатать мельницу на новом зерне.

Они сели в поезд, и Катенька долго смотрела на уплывающий к горизонту городок. Ее сердце странно щемило – ей почему-то казалось, что она видит родные крыши в последний раз. Но это же ерунда? Она обещала маменьке приехать на Рождество! Алексей Аристархович теперь будет часто ездить в ее родной город по делам и сможет взять ее с собой на каникулы!

Алексею тоже было не по себе. Лето промчалось незаметно. Ему понравился тихий городок – своим спокойствием, мягким солнечным светом, зелеными садами и тем, что здесь его по ночам почти не мучили кошмары. Ему удавалось спокойно спать почти каждую вторую ночь! А если в кровать пробиралась старенькая кошка, то сон был мягким, как в детстве. Снилось, правда, всякое – то какие-то старинные хроники, то дремучее средневековье, причем европейское. Но эти сны не шли ни в какое сравнение с теми, что снились ему в Петербурге после окопов, так что Алексей отлично высыпался.

Да и Катенька на родной земле расцвела – немного вытянулась, подрумянилась на солнце и матушкиных пирогах. Стала свободнее и смелее. Он сам видел, как она, подобрав юбки, залезла вместе с племянниками на дерево и, смеясь, собирала ранние яблоки для стола – самые сочные и вкусные, с макушки. А теперь ее снова затянет в свои скучные коридоры гимназия.

Вздыхнув, молодой человек закрыл занавеску, выглянул в коридор и спросил у проводника чаю.

– Помнится, ваша маменька, Катенька, убедила меня взять с собой какое-то особенное варенье. Давайте-ка мы его опробуем?

Девочка оживилась, улыбнулась и согласилась. Под чай с баранками путь уже не казался таким долгим и грустным.

* * *

В столице их встретили с некоторым раздражением. Зинаида Павловна и Лилечка все еще были на даче, Аристарх Петрович проводил все дни на службе, и разленившаяся прислуга совсем не хотела наводить порядок в комнатах и готовить обед. Впрочем, заглянувшая на денек Зинаида Павловна быстро поставила всех по

местам, так что последние дни перед гимназией Катенька старалась проводить в саду – очень уж шумно и пыльно было в доме.

Первого сентября Аристарх Петрович рано утром должен был ехать на заседание совета министров. Ему уже заложили коляску, но тут прибежала побелевшая Зинаида Павловна – у Лилечки заболел живот, потом девочку начало тошнить, и всегда уверенная в себе хозяйка дома вдруг растерялась. Товарищ министра велел кучеру ждать и сам пошел в детскую, чтобы выяснить, насколько все серьезно. Няню отправили за доктором, а коляска так и осталась стоять у ворот.

Доктор явился быстро, заявил, что дело серьезное, и надо бы везти Лилечку в больницу прямо в его экипаже. За всей этой суетой Аристарх Петрович позабыл обо всем и поехал с дочерью к врачу, оставив Зинаиду Павловну дома – пить успокоительные капли и нервничать.

Между тем Алексей собирался везти Катеньку в гимназию и, увидев готовый экипаж, решил девочку поторопить. Они быстро выпили чаю и поехали, планируя уже по традиции заехать в кондитерскую.

– Ах, Алексей Аристархович, – воскликнула девочка, предвкушая, – в прошлом году вы покупали такие вкусные сливы в шоколаде! Маменьке не удалось их повторить, как она ни старалась.

Алексей усмехнулся. Он-то знал, в чем был секрет вкусных и ароматных слив из кондитерской – их вымачивали в коньяке, но открывать его Катеньке он не собирался – спиртное для гимназисток было под запретом.

– Еще мне очень понравились те смешные орешки, похожие на червячков, – сказала девочка, рассеянно глядя на прохожих. Экипаж остановился на перекрестке, пропуская модную новинку – черный глянцевого цвета автомобиль.

Алексей тоже бросил взгляд вокруг, и сердце его глухо стукнуло – толпа текла, как река, огибая невысокого молодого человека в студенческой тужурке. А он... целенаправленно шел к ним! И смотрел ненавидящими глазами.

– За свободу! – крикнул он, когда Алексей начал вставать, и метнул в коляску пакет, который держал в руках.

Последнее, что успел подумать сын товарища министра, было: «Катенька! Снова не спас!»

Потом схваченные жандармами студенты признались на допросах, что караулили экипаж товарища министра Яхонтова. И никак не думали, что в его коляске могут оказаться другие люди.

Разом постаревший Аристарх Петрович приказал похоронить сына и воспитанницу рядом – на Смоленском кладбище.

Вскоре вихрь революции смел все, но Зинаида Павловна с маленькой Лилечкой успели уехать за границу. Семья Байковых погибла от репрессий, голода и эпидемий. Уцелели только Мария Николаевна, умевшая с упорством истинной смолянки не замечать жизненных трудностей, и двое из пяти ее детей. Мельница так и не была достроена. В тридцатые годы ее сожгли, а в шестидесятые на том самом месте построили новый мукомольный завод.

В память об Алексее Аристарховиче и Катеньке остались две потертые фотографии, найденные любопытной Лилечкой в столе старшего брата и прихваченные ею в эмиграцию.

Глава 28

Община Кольвиль-сюр-Мер региона Нижняя Нормандия была довольно скучным местечком. Море, пляж, единственная церковь Богородицы и крохотный рыбный рынок, на котором на рассвете можно было купить устриц, крабов и только что выловленную рыбу.

Отец Луизы был рыбаком, а она стояла за прилавком на рынке, ловко вскрывая ракушки, потроша, нарезаая и обжаривая рыбу, если покупатель готов был съесть покупку, не отходя. Кувшин сидра, лимонный сок и жаровня с углями всегда стояли наготове.

Только вот уже пять лет на рыбном рынке Кольвиль-сюр-Мер покупки делали солдаты в серой немецкой форме.

Мужчин в общине почти не осталось. Молодых женщин – тоже. Отец Луизы, старый Беланже, как называли его в деревне, не попал в призыв, потому что не имел двух пальцев на правой руке и сильно хромотал на одну ногу. Еще до войны он попал зимой в шторм, и ему оторвало пальцы сетью. Ногу же Гийом Беланже зашиб, выбираясь на берег.

Тогда это казалось несчастьем, но с приходом немцев соседки завидовали Эмили Беланже, ведь ее мужа точно не заберут в рекруты. Луизе тогда было десять, и она помнила, как мужчины покидали общину – под дулами винтовок. Их забирали в рекруты для новых «французских дивизий».

Остались старики и мальчишки. Впрочем, их хватало, чтобы собирать ракушки, ставить ловушки на крабов и кое-как возделывать яблоневоы сады. А вот на приготовление сидра сил у уцелевших жителей не осталось. Не было лошадей, чтобы крутить сокодавильные прессы, таскать тяжелые корзины с яблоками, и некому было переливать сок в огромные кувшины для брожения. Яблоки теперь сушили на солнце и ели! Старики возмущенно ворчали: «Настоящий нормандец яблоки не ест, а пьет», но делать было нечего. Впрочем, сушеные яблоки немцы неплохо скупали в армейские пайки, так что община кое-как выживала. Но при ценах на одежду, инструменты и

лекарства любая болезнь, прореха или сломанные ножницы сулили голод и смерть.

Овец в общине осталось всего две – и тех тщательно прятала у себя в доме старая Агнес. Когда-то ее «овцы соленого луга» давали лучшую шерсть Кольвиль-сюр-Мер, потому что кормились не только скудной травой, но и выброшенными на берег водорослями. Женщина пряла шерсть и вязала моряцкие фуфайки – теплые, гладкие, согревающие даже в море. Эти фуфайки теперь покупали немецкие офицеры, обходящие посты на продуваемых ветрами пляжах.

Община и раньше была невелика, а теперь в ней осталось едва три десятка человек, и не все из уцелевших дожили до весны.

Луиза поправила волосы, торчащие из-под страшного бурого платка, найденного в сундуке бабули, и постучала молоточком для отбивания мяса по жаровне, чтобы угли горели ровно. Все дорого. Уголь – дорог. Хлеб – дорог. Масла нет уже много месяцев. Если бы не море и не фруктовые деревья, половина общины уже умерла бы с голода. Или... как ее мама.

Эмилия была красивой женщиной, яркой и дерзкой. Она стояла на рынке и не позволяла солдатам расхватывать товар бесплатно.

– Заплатите, месье, – приговаривала она, – мне нужно кормить детей!

Солдатам и даже офицерам нравилась ее улыбка, теплые карие глаза и довольно светлые волосы. Поначалу они вели себя вежливо – покупали ракушки и рыбу, любили запеченных на углях крабов и сидр. А потом... Эмилия приглянулась офицеру, но отказала ему. Ее утащили прямо с рынка, обвинив в подстрекательстве к свержению германского владычества. Крики женщины недолго раздавались из здания комендатуры, утром ее выбросили на пляж куском мяса.

Соседки подобрали несчастную женщину, принесли домой, где она пролежала еще несколько дней, а потом тихо умерла, оставив мужа и тринадцатилетнюю дочь. Новорожденный сын умер от голода – в Кольвиль-сюр-Мер не осталось коров или коз, чтобы выкормить его.

Потом была тихая церемония прощания на маленьком общинном кладбище, а утром отец Луизы ушел в море. Его не было так долго, что девочка замерзла, стоя на причале, где жены, матери и сестры прежде встречали рыбаков. Солнце давно село, когда баркас Гийома наконец

стукнул бортом о просмоленные доски, и Луиза поймала неловкими от холода руками причальный канат.

Отец был спокоен и молчалив – как всегда. Только лицо было абсолютно мокрым от соленых морских брызг.

Он вытащил из лодки корзину с уловом – почти пустую, и медленно побрел к дому, прижав к себе Луизу. С того дня девочка стала хозяйкой в доме. Она заняла на рынке место матери, но по совету старой Агнес стала прятаться. Огромная кофта поверх нескольких юбок – так и стоять теплее, и солдаты не обращают внимания. Сразу три платка, скрывающие лицо, волосы и плечи. Только руки на виду, но руки эти трудно назвать красивыми – они поцарапаны острыми краями раковин, разъедены морской солью, обожжены искрами жаровни. Ничем не привлекательные руки работающего ребенка...

И все же Луиза росла. Иногда ей отчаянно хотелось сбросить потертые, пыльные «маскировочные» тряпки. Надеть красивое платье, уложить волосы и прийти в церковь в воскресенье красивой и взрослой... Увы, уже через два года стало понятно, что маскировка нужна, просто необходима! Луиза быстро росла и, несмотря на скудное питание, округлялась.

Старая Агнес только головой качала и подсказывала подложить в грубые башмаки свернутую газету – чтобы прихрамывать, как отец.

Кое-как миновало пять лет. Луизе исполнилось восемнадцать. Снова пришла весна. Но жизнь на побережье стала еще труднее – рыбакам запретили выходить в море. Их баркасы отобрали или пробили лодкам дно. На берегу немцы выстроили бункер, и вокруг него постоянно ходили патрули, стреляя без предупреждения.

К весне умерла старая Агнес, за ней еще несколько стариков. Отец Луизы сильно сдал и больше сидел и грелся на солнце, чем занимался садом. Девушка была почти в отчаянии – что же делать? Как выжить? И вдруг на рассвете в начале июня над морем завывали низко идущие самолеты. Потом раздались близкие взрывы, и жители общины уже привычно нырнули в подвалы и щели, выкопанные за минувшие годы оккупации.

Сидели практически весь день, слушая грохот канонады, крики солдат и автоматные очереди. Когда все стихло, Луизу внезапно схватил за руку отец:

– Пляж! Беги на пляж, детка! Пока море не смыло то, что упало на берег!

– Что? Отец, что ты говоришь? – Непонятливо вскинулась девушка.

– Ты слышала гул и грохот? Корабли, самолеты, танки... Наверняка там сейчас куча разбитой техники, которую унесет отливом в море!

Больше Луизе объяснять было не нужно. В их скудном быту пригодится все – веревки, чехлы для сидений, сухпайки и фляги. Все, что получится раздобыть!

Она выбралась из погреба и помчалась на пляж, с ужасом разглядывая огромные воронки на булыжной мостовой в центре деревни. Другие соседи тоже выбирались из подвалов и, шурясь, осторожно спешили к морю. А там... Всюду лежали мертвые. Валялась разбитая техника, оружие, гильзы от патронов и снарядов.

Пляж в общине давно был поделен между семьями, так что люди разошлись по «своим» углам и начали торопливо собирать «трофеи». Кто-то снимал сапоги и ремни, кто-то не отказывался от простреленных плащей и кителей. Луиза с отцом дошли до той части пляжа, что считалась «их», и остановились. Тут лежал разбитый самолет!

– Сколько дерева! – обрадовался Гийом. – Можно будет сделать запас!

Он принялся обдирать фанеру, а Луиза заглянула внутрь самолета и оторопела – там лежал пилот! Молодой, красивый парень в сбившемся шлемофоне. На лбу наливалась шишка, утепленная кожаная куртка была цела, как и белый шелковый шарф на шее. Отец заметил, что она остановилась, и тоже заглянул:

– Неужели жив? – изумился он, прикладывая ухо к груди пилота. – Жив! Надо же! Что ж, дочка, помогай!

Вдвоем они вытащили парня из кабины, уложили на сорванную часть крыла и осмотрели.

– Дырок нет, просто ударился о панель, – сделал вывод старый моряк. – Давай-ка, детка, бери парашют, из шелка выйдет отличное платье, а стропы пригодятся для сетей... И понесем этого несчастного к нам. Его отряд все равно ушел вперед. Даже если они вернуться, его к тому времени заберет море.

Луиза не возражала.

Они с отцом, пыхтя и отдуваясь, тянули раненого на листе фанеры к своему дому.

По правде сказать, их дом устоял лишь потому, что был каменным и очень старинным. Первый этаж просто врос в землю, и даже полуразрушенная крыша, покрытая дерном, защищала их от весенних дождей.

Дома отец велел ей топить печь, греть воду и варить кашу – в самолете нашелся паек с банкой тушенки и брикетом полуготовой крупы. А сам вернулся к морю, надеясь подобрать еще что-нибудь полезное.

Глава 29

Еще несколько дней вокруг грохотало, но жители Кольвиль-сюр-Мер успели ухватить то, что не унесло море, и теперь тихо сидели по домам, пережидая наплыв солдат в незнакомой форме.

На четвертый день после высадки союзников Луиза сидела у окна с выбитым стеклом и сшивала слои тонкого парашютного шелка в платье. Легкое, воздушное, с пышной юбкой и рукавами-фонариками. Раненый лежал на том же самом куске фанеры, на котором его принесли. Так оказалось проще ухаживать за ним, кормить с ложечки, подставлять посудину и обмывать красивое сильное тело прохладной водой, когда пилот горел в лихорадке или даже бредил.

– Мисс! – хриплый голос заставил девушку подпрыгнуть.

Отец утром опять ушел к морю – в надежде насобирать ракушек, и Луиза воспользовалась минутами одиночества, чтобы исполнить свою мечту о нарядном платье.

– Мисс!

Сообразив, откуда доносится голос, девушка аккуратно отложила ткань, единственную уцелевшую иголку и моточек ниток. Потом встала и, прихватив по пути ковш с холодной водой, подошла к летчику.

– Мсье? Вы меня понимаете? – спросила она, разглядывая его. Голубые глаза, светлые волосы, мужественное красивое лицо. Пока он лежал без сознания, казался восковой куклой, а теперь он похорошел, несмотря на запавшие щеки и заострившийся нос.

– Мисс, – раненый начал говорить, и из его слов Луиза уловила лишь то, что он говорил по-английски. Когда-то жители их общины все знали немного английский, потому что продавали яйца и птицу английским торговцам, приплывающим на кораблях. Но за последние пять лет им не приходилось пользоваться этим языком – все волей-неволей выучили немецкий.

– Подождите, мсье, – ответила девушка, стараясь передать значение слов интонацией. – Сейчас вернется мой отец, он немного знает английский. А пока вот, вам нужно пить!

Она поднесла ковш к губам пилота, и он жадно напился, а потом начал ерзать на своем странном ложе. Луиза поняла. Поставила рядом горшок и вышла. Мужская гордость – вещь тонкая.

Отец вернулся, когда его дочь уже помогла раненому умыться, накормила его жидкой кашей с разваренными сушеными яблоками, и теперь пыталась вести разговор.

Стоило мрачному Гийому показаться на пороге, как Луиза порхнула к нему, принимая тяжелые корзины.

– Очнулся? – в единственной уцелевшей комнате трудно было не понять, что незнакомый пилот пришел в себя.

– Он говорит по-английски, кажется, – сказала дочь, выбирая из плетенки куски дерева, тряпки и несколько крабов.

Гийом взглянул на парня из-под кустистых бровей и, с трудом подбирая слова, заговорил. Радостно вскинувшись, пилот отвечал быстрой скороговоркой. Потом, сообразив, что его не понимают – повторил все медленно, а рыбак переводил его слова дочери.

– Он не англичанин, он американец. Зовут Джон Милл. Его самолет был сигнальным, что ли... Непонятное слово. В общем, подбили, взрыва удалось избежать, но рельеф берега он знал плохо, вот и свалился на пляж, долбанувшись всем, чем было можно. Теперь спрашивает, что творится вокруг, и как ему добраться к своим.

– А разве они не ушли дальше? – удивилась Луиза.

Ей понравился этот молодой мужчина. Молодой, красивый, с ясными глазами. Таких давно не было в Кольвиль-сюр-Мер. Да что там говорить – в общине не осталось мужчин, кроме трех стариков и пяти мальчишек. А тут мужчина, который сразу оценил ее без «маскировки».

– Основные части ушли дальше, – отец махнул рукой в сторону Парижа, – здесь сейчас тыловики. Один из офицеров договаривается с отцом Бенедиктом о захоронении в поле за церковью.

Луиза, закусив губу, посмотрела на пилота:

– Значит, за ним скоро придут?

– Да, детка, – вздохнул Гийом. – Давайте обедать.

Благодаря обломкам самолета вода в помятой медной кастрюле закипела быстро. Луиза сварила крабов, вынула галеты, собранные на берегу, и помогла пилоту сесть. Джон все еще двигался с трудом – то

ли таким сильным был удар о землю, то ли дело было в шишке на голове.

Они быстро поели, потом Гийом нашел в углу пару палок, предложил их пилоту, и они втроем медленно поковыляли к церкви – туда, где расположился мобильный штаб союзных войск.

Джон шел медленно, Луиза тоже не спешила. Гийом устал, поэтому хромал сильнее обычного. В общем, такой вот странной компанией они заявили к церкви. Джона сразу узнали и увели в палатку с красным крестом. Нормандцы pokrутили головами и собрались идти домой, но тут их окликнули:

– Беланже! – обрадовался рыбаку пастор. – Союзники просят указать им репсовое поле – для кладбища. Покажешь?

– Падре, моя нога, – укоризненно ответил Гийом.

– Право слово, я бы сам пошел, – ответил отец Бенедикт, – да я служу панихиду за панихидой. Этих бедных мальчиков вылавливают из моря, собирают на берегу, привозят с холмов. Поверь, Гийом, никто не жаждет копать им ямы. Дойдешь, как сумеешь.

Рыбак сумрачно кивнул, соглашаясь:

– Будь по-вашему, падре. Кого проводить?

– Вон тех парней с лопатами, – махнул рукой священник.

«Парням» было лет по пятьдесят, и многие носили седые бороды, но для нынешнего времени они выглядели вполне бодро. Гиймо Беланже, хромая, подошел к ним и повел, указывая путь. Луиза осталась рядом со священником. Ей не хотелось уходить прежде, чем она снова увидит Джона. Впрочем... его могли и оставить в той палатке с крестом. Что если его повреждения куда серьезнее, чем ей казалось?

Пока девушка нервно переминалась с ноги на ногу, рассматривая множество военных в непривычной глазу форме, полы палатки откинулись, из нее вышли пилот и усталая женщина. Она что-то говорила ему по-английски, он отмахивался, но в конце концов взял у нее несколько бумажных пакетиков с лекарствами и, отмахнувшись, пошел прямо к Луизе.

– Мисс... – и это было все, что поняла девушка.

Она отчаянно развела руками, показывая, что не понимает. Парень белозубо усмехнулся и... вручил ей шоколадку! Самую настоящую,

божественно пахнущую какао! Потом показал на церковь, на свои разбитые наручные часы и семь пальцев.

– В семь вечера у церкви? – поняла Луиза и кивнула.

В семь вечера! Она успеет сшить платье!

Потом Джона позвали, и он убежал, оглядываясь и маша ей рукой. Луиза постояла на месте, потом медленно пошла к дому. Но на полдороге ускорила – платье! Его надо дошить, пока светло! А еще приготовить отцу ужин и разобрать его «добычу».

Дел было много, и девушка крутилась в домишке весь день, пытаясь нагреть воды, чтобы вымыть голову, украсить вышивкой платье из тонкого, скользкого шелка, сварить суп из крабов и остатков крупы, и эти корзины! Когда бы их разобрать?

Отец вернулся к вечеру – усталый и немного пьяный. Сказал, что союзники угостили его своей крепкой выпивкой и на следующий день зовут прийти еще, потому что похоронить всех в один день не получилось.

Луиза показала отцу кастрюлю с супом, чмокнула в щеку и пошла к двери, радуясь предстоящему свиданию. Гийом смотрел на нее сквозь слезы:

– Как ты похожа на мать! Иди, дочь, иди! – он махнул рукой, и Луиза торопливо открыла дверь.

Джон ждал ее у церкви. Такой же улыбчивый и непривычный. Луиза шла к нему, как по воздуху – чувствуя взгляды других военных и жителей общины. Они не разговаривали – пилот предложил девушке руку, и они медленно пошли по улице. Гуляли до темноты. Белое шелковое платье светилось в полумраке, и это было красиво. Они уже говорили – как-то понимая друг друга. Джон говорил о том, что после войны вернется в родную страну и будет помогать отцу на ферме. А может, пойдет в колледж, чтобы стать инженером. Ему нравились самолеты, нравилось летать, он не разлюбил небо после своего падения.

Луиза больше молчала, но ее сердце билось все сильнее. Хотелось смотреть на Джона, радоваться его улыбке, трогать горячую смуглую руку и мечтать о чем-то большем. Только разве у них есть будущее? Возле церкви пилот отловил священника и что-то ему сказал. Отец Бенедикт вздохнул, но перевел:

– Луиза, этот мальчик говорит, что завтра его отправляют в полк. Война не кончилась, он будет воевать. Просит записать твой адрес, чтобы увидеться после.

Девушка покраснела, но кивнула. Джон вынул из нагрудного кармана карандаш и обертку от шоколадки – на ней Луиза и нацарапала адрес: община Кольвиль-сюр-Мер региона Нижняя Нормандия, провинция Кальвадос, Франция, Луиза Беланже...

На второй половине обертки Джон Милл написал свои данные. Они торжественно обменялись листочками, и падре благословил их:

– Ступайте, дети мои, уже пора гасить огни!

Джон проводил Луизу до самого дома. Остановился у двери, обнял за талию, прижал... Она подняла к нему лицо и жадно схватила губами его губы. Странно, незнакомо, сладко... Яркая вспышка света ударила по глазам. Одна молния прошила двоих, упавших на пороге.

Утром Гийом Беланже нашел у двери дочь и пилота. Они лежали, обнявшись, и белое платье Луизы трепал пахнущий порохом бриз. В соседнем заброшенном доме взорвался снаряд, застрявший в стропилах, и пару влюбленных прошил один осколок.

Их похоронили на кладбище у церкви. Луизу в ее белом шелковом платье, Джона – в начищенной форме, которую он надел на свидание. Старый Гийом посадил на их могиле яблоню, а вскоре и сам упокоился рядом с дочерью.

Глава 30

Молодой мужчина поправил надвинутый на лицо капюшон толстовки и встал так, чтобы видеть приближающийся поезд и неровную линию пассажиров метро. Руку жгло чуть выше запястья, значит, его подопечная где-то рядом. Он внимательно огляделся. Рядом стояли женщины в белых платочках и длинных серых юбках. Чуть подальше – парни в камуфляже. Вот бабочками порхнули девушки – юные, яркие, громко обсуждающие затяжную холодную весну.

Мужчина подошел ближе, надеясь – или страшась того, что его Роза будет среди этих воздушных созданий. Но нет. Ощущение браслета померкло, значит, нужно идти в другую сторону. Он повернулся и сразу понял – уехала! Он опять не узнал, кто она! Вздохнув, мужчина потер запястье и повернулся к эскалатору – пора домой, делать здесь больше нечего.

Егор Ломов родился в «лихие девяностые». Мама – технолог на ткацкой фабрике, отец – инженер по наладке оборудования на той же фабрике. Жили скромно, выживали за счет бабулиного домика в деревне, но маленький Егор этого не помнил. Для него лето было прекрасной порой – ягоды, рыбалка, огурчики с грядки и парное молоко от бабулиной коровы Милки.

Все было замечательно до последнего лета перед школой. В первый же день, пока родители еще не уехали, он вскочил на раздолбанный отцовский «Школьник», помчался по улице и... влетел в борт сдающего задом грузовика. Сильный удар головой, причитания бабушки, город, кома.

Именно тогда в вязком туманном полусне маленький Егор Ломов впервые увидел девочку – маленькую, чумазую, но такую хорошенькую! Он считал себя взрослым парнем и сестренку у мамы с папой не просил, а тут ему почему-то захотелось такую вот девчонку рядом. Он бы собирал для нее самую сладкую малину, отгоняя муравьев, делился бабулиными плюшками и даже дал бы ей покатать новую пожарную машину, подаренную на новый год!

Кто-то хмыкнул в его сне и сказал бесплотным, странным голосом:

– Ты не меняешься, Страж. В этом воплощении у тебя будет возможность спасти ее. Не упusti!

Егор, конечно, ничего не понял – досмотрел историю Розы и Дилана, как страшную сказку, и проснулся. Над ним нависало заплаканное лицо мамы и серое от тревоги лицо отца. Пробуждение ребенка из комы они восприняли довольно бурно, но вскоре успокоились.

Мальчика не стали держать в больнице – покрутили, потыкали, прописали курс витаминов и выписали. От лета остался еще большой кусок, но испуганные родители в деревню его не отпустили – оставили в городе, запретив кататься на велосипеде. При этом дома его не запирали. Однако городская окраина, где они жили, летом пустела – дети разъезжались в лагеря и к бабушкам, родители пропадали на работе или на огороде, только редкие мамочки с колясками уныло прятались в тени разлапистых кленов.

Егор пошатался по улице, попинал траву и вдруг увидел скромную черную вывеску с золотыми буквами на соседнем доме. Читать он уже умел, поэтому, забавляясь, собрал буквы в слова: «Детская городская библиотека № 3». Мальчику стало любопытно и боязно. Зайти он бы, наверное, не решился, но дверь открылась, оттуда вышли две девочки школьного возраста и, болтая, спустились по ступеням. А в руках они держали книги! Красивые книги! Это Егора и покорило. Он осторожно потянул на себя дверь и вошел.

Узенький «предбанник», а потом такой же узкий коридор и строгая женщина в очках:

– Ты пришел записаться в библиотеку, мальчик? Сколько тебе лет?

– Семь, – ответил Егор.

– Нужно, чтобы родители заполнили эту бумагу, – женщина сунула ему тонкий листок с печатным текстом и пропусками.

– А просто посмотреть можно?

– Можно! Идем, я тебе все покажу!

Вот так Егор познакомился с заведующей детской библиотекой Аллой Николаевной. Она показала ему большую комнату, заставленную шкафами с книгами, и еще одну – маленькую, в которой книги лежали на столиках и стояли в ящиках. Еще была комната со столами и стульями – читальный зал. После прогулки по комнатам Алла Николаевна разрешила егору выбрать книгу и почитать ее в

читальном зале. Он нашел «Волшебника Изумрудного города» и нырнул в него с головой.

Очнулся, когда Алла Николаевна загремела ключами. Егор встал, с сожалением взглянул на недочитанную книгу.

– Приходи завтра с бумагой от родителей, – сказала ему библиотекарь, – тогда сможешь брать книги домой.

Егор потрогал листочек в кармане и помчался ужинать, чувствуя, как гудит пустой живот.

Бумагу родители подписать забыли, и мальчик снова читал в читальном зале. Его не гнали, напротив, подсовывали интересные книжки. Самыми грустными днями в это лето стали понедельник – выходные дни в библиотеке, а еще санитарные дни и праздники.

В конце августа отец вспомнил о просьбе сына и заполнил бумагу. Для Егора завели постоянный формуляр и торжественно вручили первую книгу «на руки», однако он уже так привык читать в библиотеке, что не отказался от своей привычки, даже когда пошел в школу. Просто приходил в читальный зал после школы. Делал уроки, читал и шел домой в торопливых осенних сумерках, чтобы успеть съесть остывший обед.

В декабре мама внезапно округлилась и стала оставаться дома. Теперь в библиотеку Егор заходил не чаще двух раз в неделю. Приходилось после школы идти домой, есть обед и делать уроки дома. Впрочем, мама не особенно следила за выполнением заданий – она расчехлила громоздкую ножную швейную машинку и что-то шила, периодически вставая и потирая большой живот.

В феврале отец отвез маму в больницу, и ее не было несколько дней. Дома стало пусто и напряженно, поэтому Егор снова проводил все свободное время в библиотеке.

Потом мама вернулась – с маленькой сестрой. Ее назвали Вероника, и этот вопящий красный комок окончательно отлучил мальчика от дома. Теперь уроки можно было делать только в библиотеке. Дома было слишком шумно. Пахло мокрыми пеленками, молоком и кашей.

Матери было только легче, если Егор задерживался в библиотеке, а у мальчика появился новый повод отдалиться от семьи. Когда он учился в третьем классе, какой-то неведомый «спонсор» пожертвовал библиотеке несколько списанных компьютеров. Они были

громоздкими, гудящими, занимали много места, но вызывали у мальчика восторг. А поскольку его уже знали, как прилежного ученика и читателя, ему позволялось часик-другой посидеть за компьютером в читальном зале, присматривая за порядком, пока библиотекари занимались делами в основном фонде.

В новогодние каникулы библиотека не работала, но Егор не скучал – он умудрился простыть на «елке» в школе и заболел так сильно, что родителям пришлось вызвать «скорую», чтобы сбить температуру. После укола мальчик провалился в глубокий сон и увидел в нем незнакомую страну. Прекрасные каменные дома с галереями, апельсины, растущие прямо на деревьях, журчащие фонтаны, яркие голоса...

Он проснулся и спросил у матери:

– А есть такая страна – Италия?

– Конечно, есть, – удивилась она вопросу и принесла сыну в кровать карту мира, напечатанную в атласе по окружающему миру. – Вот смотри, она напоминает сапожок.

За каникулы Егор прочитал все, что нашел, об Италии, даже томик невесть как попавших в книжный шкаф итальянских сказок. А потом с нетерпением ждал начала учебы, чтобы поискать книги в библиотеке.

Книги нашлись. Много. Еще больше интересного нашлось в интернете. Школу подключили к федеральной программе, и на школьников обрушилась лавина информации. Плюс телевизор, плюс журналы...

В какой-то момент Егор понял, что «поплыл», и отложил свое увлечение Италией. Отдохнул, отоспался, повозился с сестрой, и когда она, такая маленькая и теплая, уснула на его плече, увидел новый сон – про чумной Париж.

Время шло. Примерно раз в год Егор видел сон, который выбивал его из колеи. Заставлял бросать прежние увлечения и погружаться в историю, культуру и жизнь людей прежних эпох. Не всегда это было интересно – порой утомительно и страшно, но вот в день своего восемнадцатилетия он увидел последний сон – про Вторую мировую войну. Проснулся в поту, подошел к окну и спросил себя вслух:

– Что дальше?

Глава 31

Вечером он, немного навеселе от выпитого с друзьями пива, проходил мимо магазина, и вдруг его ухватила за руку сгорбленная старушка довольно опрятного вида:

– Пстой, милоч. Ты хотел узнать, что дальше? Я тебе скажу, только... помоги мне! – она указала на пару увесистых баулов рыночно-клетчатого вида.

Егор хотел было махнуть рукой, друзья звали идти дальше, во двор, где планировалось продолжение, но слова бабули заставили его остановиться.

– Идите, догоню, – махнул он приятелям и подхватил тяжелые сумки.

От места встречи со странной старухой Егор успел отойти метров на двадцать, когда позади раздался какой-то шум.

– Иди-иди, Страж! – бабка ткнула парня в спину сухоньким кулачком. – Ты сделал свой выбор!

– Выбор? Какой? – сумки не давали повернуться, и бабка упорно пихала его вперед.

– Обыкновенный, – голос старухи звучал почему-то знакомо и молодо, – твои друзья зашли во двор – и едва успели разбежаться, как на них упал наркоман, сорвавшийся из окна. Они убежали, а ты бы не успел.

– Наркоман? – сглотнул Егор.

В его компании никто не употреблял, но он слышал о появлении новых модных «солей».

– Заблудшая душа, – вздохнула старушка, – он ушел, чтобы начать все сначала. Сегодня ты сделал правильный выбор по велению сердца, и поэтому я могу тебе помочь. Немного.

Пока они говорили, как раз добрались до стандартной пятиэтажки и даже зашли в подъезд. Странная бабка жила на первом этаже. Она гостеприимно распахнула старую деревянную дверь, выложенную филенкой, и сказала:

– Заходи, касатик, не при людях же тебе подарочек дарить.

Егор зашел, осторожно оглядываясь – квартира как квартира. Обои в цветочек, старая галошница, вешалка для одежды.

– Сумки вот сюда поставь и проходи в комнату.

Парень осторожно вошел. Плюшевая бордовая скатерть на круглом столе, лампа под зеленым стеклянным абажуром, картины на стенах, старые коричневые фотографии в потемневших рамках – комната дышала прошлым, но было в ней и кое-что из настоящего. Ноутбук на маленьком столике, покрытом зеленым сукном.

– Чай будешь? – бабуля просочилась следом. Она сняла потрепанное пальтецо, выпрямилась и выглядела моложе лет на двадцать. Возраст выдавали седые волосы и легкие морщины, а еще очень внимательный и мудрый взгляд.

– Нет, спасибо, – отозвался Егор.

– Что ж, тогда без чая. Так вот, Страж, думаю, ты уже видел сны про них, – тут статная пожилая дама ткнула пальцем в парные портреты в овальных рамах. Офицер в русской военной форме эпохи Наполеоновских войн и девушка в легком, воздушном платье с лазурно-золотым поясом.

Егор сглотнул. Он видел их во сне. Офицера нашел в списке погибших на Бородинском поле, но откуда?

– Вижу, узнал. Не пугайся. Ты Страж, а я – ведунья, которая приставила тебя к чистой душе. Ты не справился, я не справилась... – женщина вздохнула. – Однако ты делал все, что мог, да и я тоже. Поэтому в этой жизни мне разрешено с тобой поговорить и дать подсказку. Твоя Роза... Она живет в другом городе. В том, в котором вы погибли от взрыва бомбы. Тебе нужно найти ее и спасти. Если не получится на этот раз, следующего воплощения может не случиться.

– Найти? Спасти? Кого? – Егор чувствовал себя очень странно, но убежать не мог – бабуля перекрывала выход из комнаты.

– Розу. Девочку, о которой я просила тебя позаботиться в рыцарском замке. Сейчас ее зовут иначе, да и тебя тоже.

– Но как я найду ее, если даже не знаю, как зовут, и как она выглядит?

– Раньше вас сводила судьба, – вздохнула старушка, – но сейчас все так быстро, шумно, опасно... В общем, вот.

Она вынула из ящичка комода плетеный кожаный браслет с металлической застежкой. Модная вещичка и не дешевая.

– Считай подарком на день рождения. Когда твоя Роза будет рядом, застежка нагреется. Когда ей будет грозить опасность – поймешь сам. Спаси ее, Страж! Обязательно спаси! А теперь иди, я устала.

Егор зачем-то взял протянутый браслет, надел на руку и вышел. Дошел до дома и только тогда вспомнил, что оставил друзей во дворе. Набрал Илью – одноклассника, тот ответил, возбужденно причитая. Из сбивчивых слов стало понятно, что все они, как свидетели, дают показания по случаю самоубийства неизвестного им парня и, конечно, «продолжать» сегодня точно не будут.

Егор сбросил звонок и зашел домой. Отец лежал на диване и смотрел по телевизору футбольный матч. Мама и Вероника шушукались на кухне. Сестре уже исполнилось десять, и она активно осваивала блогерство, пытаясь снимать приготовление яичницы и заваривание какао.

– Сын? Ты рано, – мама выглянула из кухни и удивилась. Они с отцом позволили ему отметить день рождения с друзьями, решив, что так будет проще.

– Стало скучно, – ответил он, – покормишь?

– Вероника сейчас съемку закончит, и приходи.

Умывшись в ванной, парень ушел в комнату, сел за комп, дернул мышкой, и взгляд прирос к браслету. Дракон, кусающий свой хвост. Егор попробовал его снять – не получилось. Махнул рукой, открыл папку «сны», перебрал скудные данные. Бомба. Питер. Значит, его девушка теперь там? Что делать? Как быть? Он ведь собирался поступать в ВУЗ в родном городе, чтобы помогать родителям, а теперь...

Посидев немного, парень решительно вбил в поисковую строку: «ВУЗы Санкт-Петербурга» – и принялся перебирать сайты.

Глава 32

Родители удивились решению сына, но, как ни странно, поддержали. В принципе, Егор к одиннадцатому классу уже неплохо подрабатывал программером, создавая сайты и торговые странички для желающих подзаработать. Немного влез в СММ, немного фиксил баги готовых кодов. В общем, варился в информационном пространстве, пытаясь отыскать свою нишу.

А теперь у него появился новый интерес – переехать в город Петра, закрепиться там и найти свою Розу. Правда, где ее искать и как? Он попытался снова встретиться с той странной старухой, но застал лишь грузчиков, выносящих из квартиры добро. На неловкий вопрос соседка ответила, что старушка умерла, а наследники квартиру продают, вывозя все на свалку. Зачем им это барахло?

Егор тогда сумел выпросить себе лампу под зеленым стеклянным абажуром, и теперь она горела на его столе, когда он готовился к экзаменам. Поступить в ВУЗ не получилось – высокий конкурс, большой список льготников. Зато получилось попасть в Петровский колледж, и это парень тоже счел удачей. Ускоренная программа для тех, кто закончил одиннадцать классов – информационные системы и программирование. Общежитие, бюджет, большой город с шумом метро и толпами туристов. Первый год для Егора пролетел с бешеной скоростью. На каникулы надо было ехать домой, однако он сумел найти себе на лето подработку в мелкой фирмочке по ремонту техники и терять эти деньги не хотел. Но общежитие требовали освободить. Что делать?

Договариваться. Однокурсник – питерский парень из большой семьи – предложил пожить у него. Не просто так, конечно. Димка тянул кое-как и хотел, чтобы его поднатаскали по основам кодирования. Егор не спорил.

С утра он убегал на работу, подменяя вечно опаздывающего, зевающего мастера. Во второй половине дня внушал сокурснику основы, а вечером – гулял по городу. Ему почему-то казалось, что так у него больше шансов отыскать неведомую пока Розу.

Однако все было напрасно. Роза не нашлась, лето кончилось, и снова потянулись учебные будни. Только привычка бродить по городу у парня осталась. Ему казалось, сумерки дают ему какую-то силу – ждать, надеяться, искать неведомую девушку. А впрочем, девушка ли она? Может, еще ребенок в памперсе? Или старушка с клюкой? Он ведь помнил из снов, что не всегда Стража и его Розу разделяли положение и состояние. Чаще это были годы...

На третьем – последнем – курсе Егор сорвался. Достали насмешки приятелей и подколки девчонок. Он выбрал одну – темноволосую и яркую Милану, и пригласил ее на свидание. Они сходили в кафе, поели суши, потом заглянули в кино на свежую комедию, и... все. Девчонка явно рассчитывал хотя бы на поцелуй, но браслет на руке Егора вдруг сжался, и он отпрянул от Миланы, мотая головой. Егор Роза рядом? Ей грозит опасность?

– Бешеный какой-то, – сделала вывод девушка, когда парень вскочил, торопливо махнул рукой и начал бегать по улице, заглядывая в лица прохожих. А потом и вовсе куда-то убежал. Недовольная Милана растрезвонила на следующий день на всю группу, что Ломов идиот, и связываться с ним не стоит. А парень... парень молча улыбался и даже не пытался себя защитить. Напротив – сиял, как стосвечовая люстра!

Странности списали на шутку и быстро забыли – время защиты проекта, некогда в любовь играть. Егор же проект защитил шутя и с той же странной улыбкой получил диплом.

– Наверное, работу нашел, – шептались однокурсники, – он ведь подрабатывал все время, вот и взяли на постоянку.

Работу Егор действительно нашел. Однако улыбался не поэтому. Он нашел ее! Свою Розу! Столкнулся тогда, на набережной, когда провожал Милану. Он сумел ее увидеть мельком и даже сделал фото на телефон. Дальше все было делом техники – он быстро отыскал девушку в социальных сетях, узнал, что она учится в педагогическом университете имени Герцена, и застыл, увидев ее крупным планом.

Красивая. Нежная. Утонченная и возвышенная. Длинные музыкальные пальцы – он почему-то не сомневался, что она играет на фортепьяно. А может, и рисует. Знает иностранные языки, танцует вальс и...

Мотнув головой, Егор оторвался от монитора и взглянул на зеленую лампу. Она путешествовала с ним из комнаты в комнату, и даже на каникулах он брал ее с собой. Ему повезло – как лучшему на курсе, парню предложили работу с проживанием в общежитии. Конечно, довольно скучно отслеживать работу метро, да и зарплата невелика, зато есть где жить, и на работу доставляют вовремя.

Только достоин ли скромный айтишник такой принцессы? Егор снова взглянул на экран, потом на лампу и незаметно для себя задремал, положив голову на руки.

Во сне к нему явилась та самая ведунья. Похихикала, качая головой, и сказала:

– Что это ты себе придумал, мальчик? Достоин – недостоин! Кто тебе мешает стать достойным? Помни, ты должен будешь спасти ее от смерти! – и пропала.

Егор проснулся, недовольно потер помятое лицо и прокрутил в голове слова старушеницы, открыл в телефоне заметки и начал набрасывать план.

Не верьте, что саморазвитием занимаются только женщины! Мужчины тоже. Хотя в группе по живописи, в которую попал Егор, мужчин было трое – пожилой седовласый господин в костюме и галстук; мальчик лет четырнадцати; и он, Егор Ломов. Вчерашний студент, только-только нашедший работу. Денег пока было мало, поэтому Егор искал все, что мог найти бесплатно. Лекторий в библиотеке – берем! Пробный курс живописи, первое занятие бесплатно – берем! Самбо для начинающих – платно, но в шесть утра самая дешевая группа – берем!

Утренняя пробежка по затянутому туманом парку. В ушах бормочет английский диктор, на руке считает пульс и расстояние дешевый фитнес-браслет. Час. Потом душ, переодевание – и рысью вниз, к автобусу, чтобы ехать на службу. Двенадцать часов под землей. Коды, схемы, пульта... Насыпать тонер, подключить новый пульт, забрать в ремонт старый...

Вечером – домой. В крохотную комнату общежития. Сосед уже умчался на смену. Снова душ, взгляд на часы – и бегом в бассейн. По дороге в наушниках бормочет английский сериал, иногда сменяясь лекциями об истории искусства.

Энергичный заплыв, горячий душ – и снова бегом на курсы. А вечером, перед сном, можно листать страничку Розы. Пусть она совсем не роза в этом времени, скорее хрупкая, изящная снежинка, но для него она...

Сон как омут. Будильник – душ, тренировка, снова душ, и бегом по магазинам. В свой выходной нужно прикупить продуктов. Питаться, как сосед – «бич-пакетами», пельменями и сосисками – Егор не хотел. Еще дома, наблюдая за играми сестры в блогера, он усвоил простое правило – вкусная, красивая еда насыщает меньшим количеством. Лучше купить куриную грудку, десяток яиц и салат, чем килограмм пельменей. Конечно, готовить он научился не сразу, но в сети было размещено огромное количество рецептов с видео-инструкциями. К тому же парень прикупил себе небольшую мультиварку и мог теперь готовить прямо в комнате, не пользуясь общей, довольно грязной кухней.

В таких заботах пролетел год. Летом Егор уделял больше внимания прогулкам по городу и окрестностям, зимой – посещал свободные от туристов музеи. Бесплатные концерты в лекториях и малых залах. Орган в Петрикирхе. Ночь музеев. Порой ему казалось, что он собрался впихнуть в себя невозможное, но однажды, стоя на рассвете на набережной напротив Петропавловской крепости, он вдохнул этот город и понял, что нашел свое место.

На работе старательного и аккуратного парня тоже заметили. Не пьет, не курит, занимается спортом. Женщины обращали внимание, приглашали проводить, но Егор качал головой и отвечал:

– У меня есть девушка.

Постепенно к его молчаливой сдержанности привыкли, начали доверять самостоятельные дежурства, а потом отправили на курсы повышения квалификации, чтобы повысить разряд и зарплату.

Здание, где проходили занятия, находилось неподалеку от Герцена. В обеденный перерыв Егор доставал из рюкзака термос с кофе, купленную в проверенном месте плюшку и шел к Неве, чтобы посмотреть на воду, ловя одним глазом вход в университет. Его Роза выпархивала из дверей со стайкой однокурсниц и спешила к метро. Егор любовался издали, чутко прислушиваясь к браслету. Тогда, в день их первой встречи, девушка неудачно переходила улицу – сломался

каблук, и она чуть не угодила под машину. Подруга выдернула ее на мостовую, но Егор почувствовал.

Теперь он знал, что в назначенное время браслет будет сжиматься, подсказывая ему, что девушке что-то грозит. Но пока все было спокойно, и он позволял себе наблюдать издали. Любоваться.

Пролетел еще год. Сосед в общежитии съехал, и комната целиком осталась за Егором. Теперь можно было делать упражнения прямо в комнате, прикупив коврик для йоги и тщательно вымыв крашеный пол.

Курсы английского помогли – теперь Егор не морщился, услышав иностранную речь на улицах Питера, напротив, прислушивался, стараясь понять, о чем идет речь. Художника из него не вышло, зато «Курсы для начинающих» позволили ему иначе смотреть на работу художников в музеях. Архитектуру он изучал по справочнику «Самые знаменитые здания Невского проспекта», не брезговал туристическими брошюрами и короткими заметками в соцсетях. Потом он нашел для себя еще одно развлечение – пешие экскурсии со свободной записью. Не всегда они были удачны – то собиралось слишком много народа, и экскурсовода было плохо слышно, то, наоборот, желающих было так мало, что прогулку отменяли. Но в целом эти мероприятия позволили ему лучше узнать город и увлечься его историей.

А потом он сумел купить билеты на балет и в оперу. Не все понял, зато наслаждался музыкой, с удивлением осознавая, что ему нравится пение и сложное звучание большого оркестра. После этого его коллекция музыки пополнилась знаменитыми ариями в исполнении популярных певцов, а привычный «час английского» иногда звучал, как мюзикл.

Глава 33

Снова пришла весна. Егор смутно улыбался, ловя потеплевший ветер, и даже начал подумывать о том, чтобы съездить в мае к своим. Отпуск летом ему пока не давали, но и поздней весной в их городке красиво. Повидать отца, маму, подростковую сестру...

Внезапно браслет на руке тихонько сжался, и Егор закрутил головой, пытаясь понять – что же делать? Он в метро. Сенная площадь. Собирается делать пересадку, чтобы доехать до музея-усадыбы Державина. Как здесь могла очутиться его Роза? Она ведь закончила университет и теперь работает в школе в одном из спальных районов города... Но браслет не унимался, продолжаясь сжиматься.

Стиснув зубы, Егор прижался спиной к стене газетного киоска и замер, оглядываясь.

На платформу высыпала толпа подростков, а с ними девушка лет двадцати в строгом светлом костюме и белой блузке:

– Дети! – ее хорошо поставленный голос разнесся над головами. – Садимся в поезд, выходим на следующей, не забываем, станция «Технологический институт»!

Егор дрогнул: она! Откуда? Почему? Как? Что ей может угрожать?

А браслет все сжимался и сжимался, намекая на то, что медлить нельзя.

Тут из туннеля показался поезд. Толпа качнулась, и несколько сцепившихся мальчишек влетели в нежно-розовый костюм, отбрасывая его прямо на рельсы... Вернее, отбросили бы. Но парень в толстовке оказался быстрее – перехватил тонкую талию, дернул, и светлые волосы, подхваченные потоком воздуха, коснулись его лица.

– Спасибо! – девушка дрожала, как натянутая струна.

Их обходили люди, что-то возбужденно кричали подростки, а они застыли, разглядывая друг друга. Он помнил все – и ту малышку у корзины с бельем, и еще семь воплощений потом. И в каждом из них он ее терял. Костер. Позорный столб. Чума. Безумие. Попытки. Война. Бомба. Снова война...

Каждый раз он тщился успеть – найти, оградить, спасти! И проигрывал. Порой умирал рядом – быстро, хоть и болезненно. Но

случалось, проживал долгую жизнь, полную событий, однако пустую без нее.

Она же слабо помнила его и прошлые их встречи. Будучи молодым, первые два-три воплощения Страж возмущался такой несправедливости. Потом подрос и понял – мироздание жалеет его Розу. Зачем хрупкому цветку помнить пережитую боль, разочарование и предательство? Достаточно того, что помнит он.

– Вам нужно выпить кофе, – сказал он хриплым голосом.

Она беспомощно оглянулась – поезд ушел, подростки топтались рядом, бросая на мужчину в капюшоне странные взгляды.

– Ваши дети могут уехать сами, – сказал он мягко, стараясь поймать взгляд ее потрясающих голубых глаз.

– Нет, я должна проводить их до школы!

В прошлый раз ее глаза были серыми, а еще раньше – карими. Это не имело для него значения, важно было лишь то, что эти глаза выражали. Сейчас в расширенных зрачках плескался страх, и он отступил:

– Вам нельзя оставаться одной. Шок еще не прошел. Если позволите, я вас провожу.

Она неуверенно кивнула, не замечая, что двумя руками вцепилась в рукава его толстовки, когда приехал следующий поезд. Подростки, гомоня, ввалились в вагон, Дилан помог войти Розе и вдруг вспомнил, что не представился! И не знает, как ее зовут здесь и сейчас! Для него она всегда была Розой. Хрупким цветком его души.

– Меня зовут Егор, – сказал он негромко, сдерживая хрип.

– Снежана, – отозвалась она.

Они так и стояли, держась за руки. На них обращали внимание только ее школьники, но Егору было плевать на мальчишек. Она нашлась! Она жива! Может быть, на этот раз у него получилось уберечь ее? Но клятый браслет нагрелся, давая понять, что это еще не конец. Парень быстро огляделся. Третий час дня, пассажиров довольно много. Сидят, стоят. Дети почти все сели в другой вагон и развлекаются, корча приятелям рожи через стекло двери...

Мужчину в яркой куртке он выделил сразу. Браслет уже горел и дергался, поэтому он успел только повернуться и закрыть Снежану спиной. А потом услышал ее звонкий крик и странный хрип. Лишь через полминуты до Егора дошло – это хрипит он сам, не в силах

втянуть в себя тяжелый, пахнувший гарью воздух. Зато браслет перестал гореть и сжимать его руку.

Страж не хотел закрывать глаза, чтобы не потерять девушку. Она плакала и, кажется, кричала, но он не слышал. У него получилось защитить ее! Роза жива! Он закрыл глаза и потерял сознание, поэтому не видел, как пассажиры разбили окна, выбираясь из покореженного вагона. Не слышал, как девушка кричала, собирая детей, а ее укладывали на носилки медики, потому что из ноги текла кровь.

Через несколько часов Егор очнулся и удивился, увидев кафельный пол. Хотел было шевельнуться и застонал.

– Лежите! – сказал за спиной незнакомый голос. – Сейчас закончу перевязку и помогу вам повернуться.

Что-то щелкнуло, звякнул металл, и четыре пары рук повернули молодого мужчину на застеленной простыней кушетке.

– Как вас зовут? – спросил мужчина в маске и забавном чепчике.

– Егор. Егор Ломов, – ответил он, удивляясь тому, как трудно ворочается во рту язык.

– Сколько лет?

– Двадцать пять.

– Что последнее вы помните?

– Метро... Девушка! Снежана! Она жива?

– Жива, жива, – отозвался врач, – и даже почти цела. Пара дробинок в бедре, крупные сосуды не задеты. А вот вы поймали спиной около двадцати штук. Благо хороший мышечный каркас и плотная одежда... В общем, вы у нас везунчик! Выздоровливайте!

Кушетка дрогнула и покатилась. Егор попытался оглядеться, но глаза сами собой закрывались.

Следующие дни он провел в больнице. Снежана приходила к нему и плакала, сидя рядом. Она прихрамывала – дробинок, которыми была заряжена самодельная бомба, застряли в мышцах довольно глубоко, так что извлечь их сразу врачи не смогли. Но примерно через неделю, когда стало понятно, что уцелевшие выживут, ее пригласили на операцию под местным наркозом, и уже Егор нервничал и ждал известий.

После операции, прихрамывая еще сильнее, она вошла в его палату, взяла за руку, смахнула слезы и сказала:

– Спасибо вам, Егор! Врачи сказали, что если бы не вы...

– Ерунда, – выдавил он, любуясь девушкой, – главное, вы целы.

Поговорить открыто тут не получилось бы – в палате лежали другие раненые, так что Страж просто сжимал руку своей Розы и разговаривал с ней взглядом.

– Когда вас обещают выписать?

– Хирург грозитя снять швы послезавтра, – чуть улыбнулся парень, – но перевязки еще понадобятся. Он уверяет, что давно не видел такого разнообразия цвета на спине.

– Цвета? – повторила Снежана и сообразила. – Вы ушиблись!

– Это последствия ударной волны, – качнул головой парень. – Ваши дети – они целы?

– Да, им повезло, почти все были в другом вагоне. Двоих поцарапали стеклом, выдергивая из вагона, но это пустяки. А ваши родные, они в курсе всего?

– Нет, – поморщился Егор. Ему повезло, получилось не попасть на видеоролики и фотографии с места трагедии. Телефон уцелел, так что, придя в себя, он дозвонился до начальства и сообщил, почему не выходит на работу. – А ваши родители?

– Мои ждут меня внизу, – слабо улыбнулась Снежана, – переволновались. Поправляйтесь, я к вам еще зайду!

Она ушла, а Егор еще некоторое время лежал с закрытыми глазами, вспоминая ее облик и вдыхая аромат духов. Его Роза – прекрасна. Они не могут сейчас поговорить о прошлом, но могут увидеться снова. Теперь он не будет прятаться от нее, и может быть, из этого что-то выйдет?

Глава 34

Несмотря на желание быстрее выздороветь, Егор пролежал в больнице до середины мая. Раны затягивались, зудели, стягивали мышцы. Ему требовалось движение без риска порвать швы, поэтому пришлось ходить на физиотерапию и ЛФК. Местный доктор рекомендовал щадящий массаж и плавание, выписал мази, витамины и... направление к бесплатному психотерапевту.

– Это обязательно для всех, – сказал он, постучав по бумажке, – без справки от психиатра не закроют больничный, и на работу не возьмут.

В яркий солнечный день Егор наконец вырвался из больничных коридоров. Вышел на крыльцо и остановился, сладко жмурясь. Надо бы включить телефон, посмотреть, где ближайшая станция метро, и как доехать до общежития, но...

– Егор! – окликнул его знакомый девичий голос.

Он открыл глаза и с шальной улыбкой уставился на девушку:

– Снежана? Ты? Что ты тут...

– Познакомься, это мои родители. Александр Семенович и Аглая Валерьевна.

– Очень приятно, – выдавил парень, стесняясь своей помятой одежды. Ему выдали остатки того, в чем его привезли в больницу. И если джинсы были почти целы, только залиты кровью, то от толстовки и футболки остались одни лохмотья.

– Вы нас извините, – сказал отец Снежаны, разглядывая парня, – мы не подумали, что вам понадобится чистая одежда.

– Дома все есть, – вздохнул Егор, – просто некому было привезти.

– Тогда давайте мы подбросим вас до дома, чтобы вы переоделись и отдохнули. А завтра ждем вас на обед. И не отказывайтесь! Нам приятно познакомиться с таким смелым молодым человеком!

Егора подвезли до общежития, и, как он ни сопротивлялся, Снежана зашла с ним.

– Вдруг тебе плохо станет? Вот ляжешь отдыхать, и я уйду.

Они поднялись по обшарпанной лестнице и вошли в его комнату. Тут лежал слой пыли – хозяина не было больше месяца, и Егор

поморщился, аккуратно проходя к окну.

– Бери чистое, иди в душ, – сказала, оглядевшись, Снежана, – а я чай приготовлю. Я смотрела рекомендации, тебе нужно пить, чтобы выводить лекарства из организма!

Как во сне, Егор подошел к казенному шкафу, вынул спортивные штаны, футболку, взял полотенце, гель для душа и ушел. Снежана же быстро повесила сумочку на стул, закатала рукава и взялась за тряпку. К возвращению парня она домывала пол.

– Да зачем? – возмутился он. – Я и сам могу!

– Можешь, но и мне не трудно. Давай лучше не спорить, а чай пить!

– Чай, да... – Егор налил воды из бутылки, щелкнул кнопкой чайника, залез в холодильник. М-да, кое-что придется выкинуть, но есть хорошая заварка, хлебцы, сгущенка... Чаю попить точно получится.

Поначалу они сидели за столом, отпивали мелкими глотками душистый чай и смотрели друг на друга. Потом одновременно поставили чашки на стол, и Снежана спросила:

– Егор, это правда?

– Правда, – кивнул он, – я Страж, ты Роза. Мы встретились снова, и я сумел тебя спасти.

– И... что теперь? – голос девушки дрогнул.

– Теперь только то, что ты пожелаешь, – ответил парень, рассматривая ее судорожно сжатые тонкие руки. – Страж спасает, охраняет, но нигде не сказано, что Страж и Роза должны быть вместе...

– Значит, я тебе совсем не нравлюсь? – на стол закапали крупные горячие слезы. – Я теперь хромая... И этот шрам...

– Какой шрам? Глупости! – возмущенно вскинул голову Егор.

– Вот! – девушка отвела рукой прядь волос, показывая узкую розовую полоску на лбу у линии волос.

– Этот пустяк я и вовсе не заметил! – горячо заверил ее молодой мужчина. – Это я тебя недостоин. Живу в общежитии, зарабатываю немного, а ты... Ты такая!

– Дурак! – сквозь слезы ответила Снежана. – Я учитель в школе! Мама педагог в колледже. Папа преподает в университете! Какая я «такая»? Самая обыкновенная!

– Т-ш-ш, не плачь! Тырываешь мне сердце! – Егор склонился к Снежане, стирая слезинки с ее щек, их губы встретились, а потом что-то звякнуло.

– Твой браслет! Он порвался! Странно, я же помню, он был цел!

Егор потер запястье и счастливо улыбнулся:

– Моя Роза! Мы теперь свободны! И можем делать, что захотим!

Ты... выйдешь за меня замуж?

Эпилог

Свадьбу Егора и Снежаны отмечали в августе. В сентябре начинался учебный год, заканчивалась реабилитация, и Егору тоже надо было выходить на работу.

За минувшие три месяца жених и невеста вместе преодолели страх перед метро и станциями «Сенная площадь» и «Технологический институт». Восемь раз побывали в доме-музее Державина и три раза – на Сенной площади. Познакомили родителей. Проводили вместе огромное количество времени, изучая фрагменты своих прошлых жизней и общую историю. И наконец, прямо перед свадьбой сняли однокомнатную квартиру поближе к месту работы Снежаны, чтобы въехать туда сразу после банкета.

Невеста была дивно хороша, жених взволнован, до приглашения в зал регистрации оставались считанные минуты, когда рядом с Егором вдруг появилась сморщенная старушка:

– Ты молодец! Ты справился, Страж!

Егор вздрогнул.

– В этой жизни вас больше не побеспокоят, – утешила его ведунья.

– В этой жизни? А в следующей?

В ответ раздался удаляющийся ехидный смех.

Егор вздохнул, поправил бутоньерку и взглянул на невесту, застывшую среди родственниц. У них есть целая жизнь, и это уже неплохо. А в следующей... Он постарается не налажать и снова спасти свою Розу!

Конец

Примечания

déjà vu «уже виденное» – психическое состояние, при котором человек ощущает, что когда-то уже был в подобной ситуации или в подобном месте, однако, испытывая такое чувство, обычно не может, несмотря на его силу, связать это «воспоминание» с конкретным моментом из прошлого.

[Вернуться](#)

Так называли раскладушки.

[Вернуться](#)